

008

ПОЦЕЛУЙ

ЛИЯ АШТОН

Затасной вариант

Австралиец Девлин Купер — звезда Голливуда и привык к достойным его славы предложениям от продюсеров и режиссеров. Однако обстоятельства вынуждают его согласиться на участие в малобюджетном австралийском фильме. Координатором производства на съемочной площадке является красивая блондинка Руби Белл. Их первая встреча далека от идеального знакомства. Вечно спешащая куда-то Руби буквально врывается в высокого незнакомца, обливает его кофе и не сразу понимает, что перед ней кумир миллионов. На первый взгляд кажется, что между ними не может быть ничего общего. Но лишь на первый взгляд...

По подсчетам Руби Белл, ее телефон зазвонил примерно за полсекунды до того, как она споткнулась о травянистую кочку.

Еще хорошо, что ей хватило присутствия духа не выронить телефон во время совсем не изящного падения на грязную землю старого загона. Когда-то в загоне держали овец, а сейчас здесь разместились съемочная группа в составе девяноста человек. К счастью, там, куда упала Руби, следов пребывания овец не сохранилось.

Близко соприкоснувшись с пыльным земляным полом, Руби поняла, что он, во-первых, неровный и, во-вторых, твердый. Поморщившись, она поднесла трубку к уху:

— Слушаю, Пол!

Не пытаясь встать, она отодвинулась от пучка жесткой травы и теплого мокрого пятна — остатков ее кофе в бумажном стаканчике. Кроме учащенного дыхания, ничто не указывало на ее неприятности. Так и должно быть! Руби стала координатором производства и регулярно ездит по всему земному шару благодаря своему здравому смыслу, невозмутимости и серьезности. Что с того, что она споткнулась на ровном месте? Такой пустяк не выведет ее из себя!

— Бегом сюда! — еще более взволнованно, чем всегда, прокричал Пол. — Срочное дело!

Он тут же нажал отбой — как всегда. Руби уже давно перестала гадать, что кроется за этими словами продюсера. «Срочное дело» могло оказаться чем угодно. Возможно, небо вот-вот обрушится им на головы или кто-то из курьеров опять пролил его эспрессо... Обе ситуации, так или иначе, требовали срочного вмешательства Руби.

— Руби, ты цела?

Услышав обеспокоенный голос, Руби подняла голову, прищурившись на ярком солнце. Она сразу узнала крепкую фигуру Бруно, старшего рабочего-механика. Рядом с ним стояли двое механиков помоложе; все выглядели не на месте, как всегда, когда они не таскали тяжести. К рабочим присоединилась половина гримерного цеха... Все понятно, ведь Руби грохнулась на землю рядом с их вагончиками.

— Все в порядке, — ответила она, упираясь ладонями в землю и рывком поднимаясь на колени. Отмахнувшись от протянутой руки Бруно, одернула на себе футболку, осмотрела кофейное пятно. Просто жуть! Следы кофе, грязь, трава...

У нее нет времени заботиться о своем внешнем виде... И о прическе тоже — она провела пальцами по коротким светлым волосам. Так и есть, туда тоже попала грязь.

Через миг она вскочила на ноги, и день продолжался, невзирая на мокрое пятно и неприятное чувство, что она с ног до головы облеплена грязью.

— Руби! — истошно завопил кто-то слева. — Какая завтра погода?

— Отличная. Вероятность дождя — ноль процентов! — бросила она, не замедляя шага.

Пол, конечно, жалел, что она не умеет телепортировать. Поэтому Руби приходилось целыми днями не ходить, а бегать.

Домик, в котором разместились административная группа, находился в нескольких минутах ходьбы, левее вереницы сверкающих черных и белых вагончиков и напротив палаточного городка, где жили рабочие, буфетчик, водители и представители других вспомогательных служб.

Руби старалась смотреть себе под ноги. Сплошные кочки и заросли сухой, колючей травы! Хотя бы срочное дело, возникшее у Пола, оказалось не серьезнее пролитого кофе! Ей уже пришлось разбираться с неожиданными изменениями в сценарии, внезапным решением перенести натурную съемку и самовольной отлучкой молодой актрисы. А ведь прошел всего один съемочный день!

— Найдется минутка? — окликнула ее рыжеволосая Сара, бригадир массовки.

Они снимали «историческую любовную сагу, действие которой происходит в сердце австралийской глубинки». Фильм носил название «Земля».

— Нет! — ответила Руби, правда, шаг замедлила и коротко объяснила: — Я к Полу.

— Ясно! — Сара прыгнула со ступеньки вагончика и зашагала рядом с Руби. — Я быстро. Только что звонила озабоченная мамаша. Родители волнуются, как мы в завтрашней сцене заставим Самьюэла заплакать.

К тому времени, когда они дошли до последнего вагончика, Сара уже что-то придумала, а Руби снова позвонили. Ассистент Аризоны Смит интересовался, есть ли в Люсивилле городке на северо-западе штата Новый Южный Уэльс, где они снимали фильм, курсы аштанга-йоги. Учítывая, что в Люсивилле всего две тысячи жителей, Руби сочла это маловероятным... и все же, тихо вздохнув, обещала как можно скорее связаться со вторым режиссером и все выяснить.

Завернув за угол, Руби побежала трусцой, по-прежнему глядя себе под ноги. Хватит с нее на сегодня падений! Она думала о том, какое очередное срочное дело возникло у Пола и как ей втиснуть новую задачу в свой и без того напряженный график.

Поэтому крупного мужчину, который вышел из-за угла ей навстречу, она заметила лишь тогда, когда врезалась в него.

— Ах ты!.. — сдавленно вскрикнула она, ударившись о железные мускулы.

Чтобы не упасть, она машинально ухватила за его широкие загорелые плечи, наступив ему на ногу. В ответ он уверенно обхватил ее за талию. В том месте, где задралась футболка, Руби ощутила идущий от его пальцев жар. Уткнувшись лицом в его широкую грудь, она вдохнула запах его кожи — чистый, свежий, восхитительный...

— Эй! — проворчал он ей в ухо. — Вы живы?

Медленно, постепенно ее захватывало смущение. Нет, не смущение, а осознание, что ее все-таки можно смутить. Надо как можно скорее высвободиться из... тесного захвата.

— Угу, — буркнула она, не двигаясь с места.

Его пальцы слегка согнулись, и она отметила про себя, что двигается. Потом спина прижалась к прохладному борту вагончика. Оказывается, незнакомец держал ее на руках! Она как-то не замечала этого, пока подошвы ее балеток не коснулись земли.

Удавалось ли кому-нибудь так легко держать ее на руках?

Она среднего роста, совсем не крошка... но незнакомец поднял ее легко, как тощую голливудскую актрису, которая играет у них главную женскую роль!

Его руки снова сомкнулись у нее на талии.

— Эй, что с вами? — хрипло спросил он. — Вы не пострадали?

Руби зажмурилась и, наконец оторвавшись от его груди, посмотрела вверх, чтобы узнать, кто он, но солнце светило ей в глаза, и она ничего не разглядела.

Правда, в овале его лица было что-то знакомое.

Кто он? Крепкий, сильный, но он не из постановочного цеха... Среди реквизиторов тоже попадают высокие, но Руби едва ли понравилось бы, если бы кто-то из них поднял ее

на руки. А сейчас ей понравилось. Даже очень.

Она тряхнула головой, пытаясь сосредоточиться.

— Голова закружилась, — объяснила она. Туман перед глазами постепенно развеивался. Но очень медленно.

Сейчас ей хорошо там, где она есть.

— А вы-то как? — спросила она.

Снова прищурившись, она заметила, как ее собеседник изогнул губы в улыбке:

— Жить буду.

Видимо, незнакомец сообразил, что и Руби не угрожает опасность. Но совсем он ее не отпустил. Ее руки по-прежнему лежали на его плечах, и убирать их ей совсем не хотелось.

На солнце набежало облако, и Руби различила квадратный подбородок, заросший трехдневной щетиной, идеально прямой нос и почти горизонтально нависшие брови. Но хотя она стояла так близко, что, стоило ей вздохнуть, ее грудь прижалась бы к его груди, она не различила, какого цвета у него глаза. Незнакомец тем временем тоже разглядывал ее лицо...

Руби зажмурилась, стараясь собраться с мыслями. Туман развеялся. Она снова стала собой — прямой, откровенной Руби Белл, которую не волнуют романтические бредни и объятия с незнакомцами.

Он не из съемочной группы. Наверное, статист. Задумался о чем-то своем, а она буквально бросилась ему в объятия.

Мысленно Руби поморщилась. Вот попала! Она открыла глаза, собираясь язвительно поблагодарить незнакомца за помощь.

Но ничего не сказала, а ахнула.

Он и не думал отодвигаться от нее и смотрел... хищным взглядом. В хорошем смысле слова. И улыбался.

— Вот это называется — теплый прием, — заметил он, когда пальцы, не желавшие слушать Руби, скользнули на затылок незнакомца, ощупали жесткие, густые волосы. Он совершенно ошеломил Руби своей огромностью, откровенно мужской красотой и близостью.

Колкости так и рвались с языка, но неожиданно она лишилась дара речи. Стояла и глазела на него. Не отрываясь смотрела в его глаза... восхитительные, пронзительные и почему-то знакомые голубые глаза.

Потом в ее сознании что-то щелкнуло.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы — вылитый Девлин Купер? — буркнула Руби, сама не понимая, что с ней творится.

— Да, пару раз, — произнес он сухо, убрав руку с ее талии и погладив ее по щеке.

Руби вздрогнула.

Нет, он не слишком похож на знаменитого Девлина Купера. Стоящего перед ней красавца портят темные круги под глазами, и его темно-русые волосы гораздо длиннее. А еще он намного выше... Руби повидала многих актеров и знала, что в жизни голливудские звезды гораздо ниже ростом, чем выглядят на экране. И не такие мощные. Мускулы, конечно, должны быть, но... В общем, незнакомец выглядел так, как мог бы выглядеть Девлин Купер, сильно похудевший ради какой-нибудь роли. На последнее Руби не надеялась. Девлин Купер снимается в боевиках, а не в некоммерческих, «авторских» фильмах, которые так любят награждать Оскарами американские киноакадемики.

Когда незнакомец погладил ее по щеке, все посторонние мысли сразу улетучились у нее из головы. Они как будто остались вдвоем в целом мире, и между ними возникло

изумительное, безумное напряжение. Руби в жизни не испытывала ничего подобного.

Он наклонился к ней. Сейчас их губы встретятся, и...

Что-то ему помешало. Плечи Руби ударились о борт вагончика. Ее передернуло от унижения. Вдруг она вспомнила, что ее футболка вся в грязи и высохшем кофе. Она густо покраснела.

Заметив, что незнакомец по-прежнему поддерживает ее, она убрала руки с его шеи.

— Не бойтесь, я не заразный, — ухмыльнулся он, заметив, что она машинально вытерла ладони о бедра.

Руби вскинула голову и заметила, что его глаза все в паутине красных прожилок.

— Да кто же вы такой? — спросила она свистящим шепотом.

Он снова улыбнулся, но не произнес ни слова, продолжая невозмутимо наблюдать за ней.

От него с ума можно сойти!

Она дернулась и высвободилась. Как ни странно, ей стало одиноко без его сильных и теплых рук. Чтобы поскорее прийти в себя, она тряхнула головой. Шагнула в сторону, глубоко дыша и оглянувшись.

Они одни. Никто их не видит.

Ее охватило облегчение. О чем она только думала?!

Послышались чьи-то шаги, и Руби похолодела. Тот, кто сейчас повернет из-за угла, сразу поймет, что случилось! Только бы не Пол...

— Руби! — воскликнул продюсер. — Вот ты где!

— Руби, — медленно и негромко повторил незнакомец у нее за спиной. — Красивое имя.

Она метнула на него испепеляющий взгляд. Неужели он не может просто исчезнуть, испариться? Интересно, сколько времени прошло после того, как она в него врезалась? Вряд ли больше нескольких минут...

Пол никогда не искал ее сам. Если она задерживалась, он рвал и метал у себя в кабинете... Наверное, сейчас стряслось что-то в самом деле важное.

— Из-вините, — с трудом выговорила Руби. Но как объяснить? Она провела рукой по волосам, попутно извлекая травинки. — Я упала, — более уверенно продолжала она, кивая в сторону незнакомца. — А он помог мне встать. — Она вытерла руки о безнадежно испорченную футболку и заметила, как улыбается незнакомец.

Он прислонился к вагончику, скрестив ноги. Как будто ему нечем заняться! Нормальный человек на его месте наверняка бы уже все понял и... сделал что угодно, только не стоял с таким видом, будто ему для полного счастья не хватает ведерка попкорна и шоколадки.

— Спасибо за помощь, — буркнула Руби, глядя на него исподлобья. Только тут она заметила, что вся его рубашка в таких же, как у нее, кофейных пятнах. Но заставить себя извиниться она не смогла. Уж слишком он раздражающе спокоен и высокомерен. Ничего, испачканная одежда испортит ему настроение!

— Ну и зачем я тебе понадобилась? — Она подошла к Полу, думая, что сейчас они вернутся к нему в кабинет.

Часто мигая, Пол смотрел поверх ее плеча на незнакомца, который по-прежнему как ни в чем не бывало стоял у нее за спиной.

— Вы очень быстро ушли. — Пол обращался не к Руби, а к незнакомцу.

Руби круто развернулась, переводя взгляд с незнакомца на Пола и обратно. Она совершенно ничего не понимала. Пол прищурился и поджал губы, как будто был на грани взрыва. Неожиданно он передумал и повернулся к Руби. В животе у нее екнуло от неприятного предчувствия.

— Значит, ты уже познакомилась с нашим новым исполнителем главной мужской роли?

— С кем?! — недоверчиво переспросила она.

За спиной послышался сдавленный смешок. Ах ты... Она, наконец, сопоставила знакомую широкую улыбку, огромное обаяние... Так вот по какому срочному делу вызывал ее Пол! Так вот из-за кого ей снова нужно было спешить!

У них новый исполнитель главной мужской роли. И она только что с ним познакомилась. Точнее, испачкала его грязью и кофе. Хуже всего — она чуть его не поцеловала! А он не просто похож на Девлина Купера, знаменитого актера, чьи гонорары измеряются семизначными цифрами и чьи похождения регулярно освещаются в «желтой прессе».

Он родился в Австралии, но давно перебрался в Голливуд и упоминается наравне с Брэдом, Джорджем и Лео...

— Можете звать меня Дев, — понизив голос, предложил он.

Чтоб тебя...

Дев Купер улыбнулся, когда стройная блондинка в отчаянии запустила пальцы в свои короткие волосы.

Руби...

Имя ей идет. Она настоящая красотка: огромные карие глаза, темно-русые брови, высокие скулы, пухлые, чувственные губы. Может быть, элегантный носик чуть длинноват и подбородок выпирает... Буль она моделью, ее, может быть, пригласили бы для совместной фотосессии на какой-нибудь премьере, торжественном открытии и так далее.

К счастью, она не модель. Судя по всему, она из съемочной группы. Значит, ближайшие шесть недель им предстоит тесно общаться. И... если он верно истолковал ее реакцию, возможно продолжение... ближайшие дни обещают стать интересными!

Беседуя с продюсером, Руби скрестила руки на груди. Как его? Фил? Нет, Пол. В свое время он оказал какую-то услугу Веронике, его агенту. И не просто услугу, а, наверное, большую услугу, потому что Вероника посадила его в самолет, летящий в Сидней, даже не выяснив окончательно мелкую деталь: дадут ему роль или нет. Хорошо зная Веронику, Дев догадывался: о том, что придется срочно заменять исполнителя главной мужской роли, Пол узнал непосредственно перед тем, как появился Дев в сверкающей черной арендованной машине. Разумеется, с шофером — Вероника решила не рисковать.

Дев невольно переступил с ноги на ногу. Левая еще болела... Неужели прошла всего неделя?

Судьба забросила его сюда, на плоскую, как блин, равнину, окаймленную горами, потому что Вероника, по ее словам, схватилась за «последнюю соломинку». Деву пришлось признать: он поступил не лучшим образом, когда забыл перевести машину на задний ход и въехал в собственную гостиную, после чего «ягуар» пришлось отдавать на списание.

Хорошо, что сам он отделался только растяжением. Хорошо, что его дом окружен высокой и прочной каменной стеной. Никто, кроме Вероники и многострадальной

экономки, даже не знал, что случилось.

И что бы там ни говорила Вероника, он тогда не был пьян.

Перед тем он не спал четыре дня и очень устал. Но он пока не так низко пал, чтобы садиться за руль пьяным.

Пока?

Дев потерял глаза, прогоняя неприятные мысли. Тем временем Руби и Пол замолчали и повернулись к нему. Руби не отводила взгляда в сторону, хотя лицо у нее порозовело. Она, несомненно, смущена, но скрывает свое смущение. Ему это понравилось.

— Я Руби Белл, — представилась она. — Координатор производства на «Земле». — Она слегка шевельнула рукой, как будто вначале собиралась протянуть ее для рукопожатия, но потом передумала. Жаль! Ему очень хотелось снова дотронуться до нее. Наверное, она прочитала его мысли, потому что прищурилась. Но ее интонация не выдавала ничего. — После того как Пол введет меня в курс дела и я поговорю со вторым режиссером, я позвоню вашему агенту.

Дев кивнул.

Потом заговорил Пол, выделяя интонацией слова «сжатые сроки», «окончание съемок» и «необходимость как можно скорее влиться в процесс». Все то же самое он уже говорил на их предыдущей встрече, которая оборвалась так неожиданно. Послушать этого дурака, любой подумает, что Девлин Купер привык подводить других, срывать сроки... Он невольно улыбнулся, и Пол наградил его суровым взглядом. Дев невольно ошетинился. Возможно, для Австралии у фильма неплохой бюджет, но на голливудский блокбастер он явно не тянет. Подумать только, он заменит в главной роли звезду местных «мыльных опер»! И он не допустит, чтобы какой-то продюсеришка читал ему нотации!

— Я все понял, — сказал он, обрывая Пола на полуслове. Примерно так же он поступил в кабинете Пола, решив, что с него хватит. — До завтра! — Он покосился на Руби, но та отвернулась.

Шесть недель ему предстоит провести в городишке на краю света, чтобы угодить Веронике. Он догадывался, о чем она думала, давая согласие на его участие в съемках. В такой глухомани даже Дев Купер не попадет в беду.

Он вспомнил шоколадные глаза и чуткие пальцы Руби и невольно улыбнулся.

Что ж, он ничего не обещал!

Руби поднялась на крыльцо из последних сил.

Ноги стремились унести ее совершенно в другую сторону. Подальше от того места, где она испытала самое большое унижение в жизни.

Как она могла его не узнать?!

Ее останавливала только мысль о том, что, убежав, она снова может нечаянно налететь на Девлина Купера. Кроме того, она дорожила своей работой.

Пока они шли по коридору старого домика, приютившего административную группу, Пол объяснял, что Девлин Купер заменит Тодда. Вот так — без подробностей.

Они вошли в импровизированный кабинет, где их ждали Сэл, линейный продюсер, и Энди, менеджер производства. На их лицах застыли одинаковые серьезные выражения. Взглянув на них, Руби моментально взяла себя в руки. У нее конкретное дело: предстоит ввести в фильм совершенно нового человека.

— Как тебе удалось заполучить самого Девлина Купера? — спросил Энди.

Руби показалось, что Пол закатил глаза, но, может быть, только показалось.

— Скажем, так. У меня появилась такая возможность. И я ее не упустил.

Несмотря на очевидные проблемы, Руби невольно восхитилась Полом. С такой звездой, как Девлин, аудитория «Земли» значительно расширится. Другой вопрос — почему Девлин согласился на эту роль. Может, ему захотелось приехать на родину, в Австралию? Попробовать себя в другом амплуа? Да какая разница!

Съемочный процесс запущен, а герой Дева, Сет, присутствует почти в каждой сцене. Тодд, которого заменит Дев, должен был явиться на площадку уже завтра. Значит, один день пропадает, что совсем нехорошо, так как через шесть недель Аризона улетает в Лондон, на «Пайнвуд Студиос», где снимается в следующем фильме. У них почти совсем нет времени!

— Дев читал сценарий?

Пол выразительно посмотрел на нее. Так она и думала!

Ясно... Значит, пропал не только завтрашний день. Деву нужно будет репетировать. Руби попыталась сообразить, удастся ли второму режиссеру переделать график. Кроме того, Деву нужно примерить костюмы. Постричься. И...

— Его записать к врачу? — спросила она.

Страховая компания настояла на том, чтобы перед съемками все актеры прошли медосмотр. На цену полиса влияет все, от склонности к простудным заболеваниям до увлечения экстремальными видами спорта.

— Нет! — тут же ответил Пол. Руби склонила голову набок. Пол продолжал, не дожидаясь ее вопроса: — Он был у врача в Сиднее, сразу по прилете. Все устроено. Отлично!

— Где он будет жить?

Непонятно, куда его поселить. Съемочная группа уже заняла все местные мини-отели и один мотель.

— В бывшем домике Тодда.

Бедный Тодд, не повезло ему! Роль в «Земле» должна была стать для него шагом вперед. Но его победил актер покрупнее масштабом. Жесткие нравы, царящие в киноиндустрии, не переставали ее удивлять. Здесь не место слабохарактерным или людям, которые ищут от работы стабильности.

К счастью, именно за это Руби и любила свою работу.

Через десять минут они вчетвером набросали план на ближайшие несколько дней. Как только они вышли от Пола, Сэл и Энди бросились в соседнюю комнатку, где стояли козлы, временно служившие им письменными столами.

Руби немного постояла в коридоре. Из комнат доносился шум: музыка, разговоры, иногда взрывы хохота. Знакомый шум, знакомые голоса. Работу офиса тоже необходимо наладить: обеспечить всех орудиями производства. Административная группа, в числе прочего, отвечает за бюджет фильма. Здесь важна каждая мелочь.

В комнатке справа стоит ее стол, заваленный горами бумаг. Непосвященному казалось, что на ее столе царит хаос. Но Руби точно знала, где что лежит.

Вместе с ней в комнате сидят ее подчиненные из производственной группы, Кейт, Роуэн и Селена. Их комната самая шумная. Она сама и ее подчиненные каждый день, с утра до ночи, решают проблемы актеров, сценаристов, агентов, вспомогательных служб и всех остальных. Работа совершенно безумная, отнимающая много сил, шумная...

Сделав глубокий вдох, она вошла.

Как она и ожидала, в ее сторону повернулись три головы.

— Вы уже слышали новость?

Все трое как один закивали.

— Жалко, ты не видела, как он выслушал Пола, развернулся и ушел, — сказал Роуэн, разваливаясь на стуле. — Прежде чем бежать за ним, Пол влетел к нам и немного поорал, а потом бросился в погоню. Интересно, нашел или нет?

Руби не стала его просвещать. Объяснив новое положение дел, она нагроутила всех дополнительными заданиями. Ее подчиненные с энтузиазмом приступили к делу. Просто прекрасно, что в «Земле» будет сниматься голливудская звезда первой величины. Фантастика!

Руби села за стол, телефон положила рядом с собой. К счастью, после двух падений он не пострадал. Включив ноутбук, она проверила почту. Больше двадцати новых входящих писем!

Совсем неплохо, вот только кажется, будто прошла целая жизнь с тех пор, как она рассылала актерам исправленные варианты сценария. У нее миллион дел... Руби обвела комнату рассеянным взглядом, повернулась к окну. Плоская равнина, вдали виднеются горы... Не на что смотреть. Мысли у нее в голове путались. Просто не верится, что она только что бросилась на шею одному из самых знаменитых красавцев на земле. Заляпанная грязью... К тому же она не сообразила, кто перед ней! Внутренне она уже в тысячный раз поежилась и напомнила себе, что должна сосредоточиться на работе. Кому какое дело, что она нечаянно повисла на Девлине Купере? Несчастный случай, такого больше не повторится — в конце концов, такая мелкая сошка, как она, вряд ли интересуется знаменитого актера. У него не было случая оценить ее красоту и искрометный нрав...

Неожиданно для себя Руби улыбнулась.

Ничего смешного! А если бы их кто-нибудь увидел?

Она встала. На подоконнике разместили антенну их громадного роутера; Руби сделала вид, что поправляет ее. В такой глуши им не обойтись без широкополосного Интернета. И без электричества тоже. Лихтваген — передвижная электростанция — сердце любой съемочной группы.

Руби очень дорожила своей работой и своей репутацией. В мире кино, как правило, не

берут новых сотрудников «с улицы». Отзывы коллег очень важны.

И надо же ей так облажаться — она врезалась в актера, который будет играть у них главную роль...

С другой стороны, Дев наверняка уже забыл о слегка взъерошенной, мокрой и грязной девице, которая на него налетела.

И ей пора забыть о том, что она при этом почувствовала.

* * *

«По-моему, перемена обстановки пойдет тебе на пользу. Поможет... двигаться дальше».

Кажется, такое место — именно то, на что надеялась Вероника. Старательно отремонтированный старый коттедж, к которому пристроили современную ванную. Здесь ему предстоит жить. С открытой террасы можно без помех любоваться горами... Кроме того, до ближайшего городка отсюда больше километра. И соседей у него нет. Зато Вероника настояла на телохранителе.

Срочно надо выпить. Меньше восьми часов назад он прилетел через океан. Перелет из Лос-Анджелеса в Сидней — событие утомительное даже в первом классе. А потом четырехчасовая поездка на машине с телохранителем Греймом... Неудивительно, что он сегодня такой вспыльчивый.

«Прошу, не скандаль с Полом».

Так выразилась Вероника в последнем электронном письме.

Пол наверняка уже успел пожаловаться Веронике на его грубость. Дев подозревал, что Вероника в ответ напомнит обидчивому продюсеру некрасивую историю десятилетней давности, стоившую карьеры подающей надежды молодой актрисе...

Какая банальность!

И как похоже на Веронику — припрятать лакомый кусочек для будущего употребления. Тем лучше для нее... Хотя неприятно думать, что назначение на роль зависит от интриг и взаимных услуг.

Дев выволок кресло на открытую террасу. На коленях у него лежал сценарий «Земли». Правда, сейчас, после заката, читать на улице невозможно. Рядом, на неудобном деревянном стуле, стоит нетронутый ужин: остывшая лососина с причудливо нарезанными овощами. Холодильник и морозилка забиты под завязку; он давно уже привык к таким чудесам, совершаемым Вероникой. Правда, во всем доме не нашлось ни одной бутылки спиртного.

Вероника очень тактична! Но она ошибается. Не выпивка его беда.

Надо будет завтра сгонять старину Грейма в местный винный магазин.

Но выпить хочется уже сейчас.

Бросив сценарий, он вышел через парадную дверь. Грейм жил в отдельном домике, поменьше и ближе к дороге, но Дев не удосужился заглянуть к телохранителю и сообщить, куда он направляется. Хватит с него постоянного надзора. Он имеет право сходить в город и купить себе выпить, ни у кого не спрашивая.

Так он и поступил.

Прогулка пойдет ему на пользу. Приятно, что не нужно выискивать взглядом папарацци. Никто еще не знает, что он здесь.

Его неожиданный прилет в Австралию, конечно, заметят. Скоро в Люсивилль примчатся фотографы. Но пока их нет.

Дев понятия не имел, который час; здесь быстро стемнело. Стало темно по-настоящему — ни одного уличного фонаря, на небе лишь тонкий серпик молодого месяца. Его шаги напугали овец, которые бросились спасаться за проволочную ограду. Иногда ему попадались дома; ярко светились прямоугольники окон.

Вскоре Дев очутился в самом центре городишка. На главной улице поместились магазины, запраочная станция и библиотека. По пути сюда он почти ничего не заметил, так как устал с дороги. Зато теперь он замедлил шаг и с интересом огляделся по сторонам.

Тихо и темно; все уже закрыто. Только в пабе на углу ярко горит свет, оттуда доносится музыка и гул голосов. Широкая деревянная терраса пуста, но двойные двери распахнуты настежь. Дев ускорил шаг.

Общий зал был битком набит. Посетители теснились у стойки, вокруг высоких столов и на диванчиках. Наверное, здесь расслабляется вся съемочная группа. Вряд ли в Люсивилле есть приличные рестораны. Выпить и закусить после работы можно только здесь.

Хотя при его появлении гул в зале не затих, он сразу понял, что его приход не остался незамеченным.

Ощущение, которое когда-то было в новинку, позже раздражало его почти до злости, а теперь оставляло почти равнодушным. Ему ли жаловаться? Ведь он осуществил свою мечту... и так далее.

Ну, ладно...

Протиснувшись к стойке, он положил ладонь на полированную столешницу. Бармен расторопно исполнил его заказ, делая вид, будто ему все равно, кто перед ним. Деву нравилась такая реакция. Ненормальные фанаты попадались редко; больше всего неприятностей ему доставляли папарацци.

Он не сразу поднес кружку к губам. Может, выпивка — не совсем то, что ему нужно? Наверное, гораздо больше он нуждался в быстрой прогулке на свежем воздухе. Мысленно он покачал головой, представив, как обрадуется Вероника. Не зря она отправила его сниматься в Австралию!

Губы его растянулись в невеселой улыбке. Как там говорится в поговорке? То же дерьмо — другое ведро.

Прислонившись к стойке, он развернулся лицом к залу и огляделся по сторонам. Современная мебель, как ни странно, гармонировала со старым деревянным полом и барной стойкой, которая явно была здесь изначально. Не такой занюханный бар в захолустье, как он себе представлял. Приглушенный свет, уютная обстановка. Посетители не в вечерних платьях, а в джинсах. Вон очень симпатичные джинсы в дальнем углу зала... И ножки в джинсах тоже высший класс. Руби!

Заметив ее, он вдруг сообразил, что искал ее — надеялся здесь увидеть. Она беседовала с друзьями, держа в руке бокал с белым вином. Улыбалась, часто вставляла реплики и смешила остальных. И все-таки ее выдавала чуточку напряженная поза.

Она знала, что он за ней наблюдает!

К ней нагнулась еще одна женщина и что-то прошептала ей на ухо, косясь в его сторону. Руби выразительно покачала головой — и хотя по губам Дев читать не умел, он готов поставить крупную сумму на то, что она произнесла: «Ничего подобного». Он выпрямился и оттолкнулся от барной стойки.

«Он идет сюда!»

От волнения Руби не сиделось на месте.

— Ну и что, подумашь. Мы уже знакомы! — Она нарочно пожала плечами. — Может, он больше никого еще не знает.

— Интересно, когда ты успела с ним познакомиться? — Селена вытаращила глаза. — И почему я не в курсе?

— Сегодня, — осторожно ответила Руби. — Когда бежала к Полу... Мы едва перекинулись парой слов. — По крайней мере, здесь она нисколько не покривила душой.

Селена тут же сменила тему, хотя с интересом поглядывала на Дева.

— Не возражаете, если я к вам подсяду? — В жизни голос у Дева был таким же глубоким и бархатистым, как у его киногероев. Не в первый раз Руби обругала себя за дурость. Как она могла не узнать его?!

Глубоко вздохнув, она подняла голову, и их взгляды встретились. Руби, Селена и две девушки из гримерного цеха сидели на малиновом угловом диванчике. Спутницы Руби с трудом скрывали эмоции, хотя не первый день работали в кино и, казалось бы, должны привыкнуть к общению со звездами. Правда, Девлин Купер — звезда первой величины, мировая знаменитость.

И он смотрел только на нее.

Руби так и подмывало ответить: «Нет, я против», но такой ответ сулил большие неприятности. Так что она нехотя кивнула:

— Садитесь!

Дев обошел стол и сел рядом с Руби.

Она с трудом заставила себя не отодвинуться. В отличие от своих подруг она не намерена была относиться к Деву как-то особенно. Он такой же участник съемок, как и все! Никаких обожающих взглядов. Никакого экстаза! Вот почему Руби не шелохнулась, хотя ее так и обдало жаром.

— Смущаться ни к чему, — произнес он, понизив голос, чтобы его слышала только она.

— С чего вы взяли, что я смущаюсь? — Руби небрежно поднесла стакан к губам. Заметил ли он, как дрожат у нее пальцы? Она рискнула покоситься на него краем глаза.

Он наблюдал за ней со знакомым выражением. Уверенным. Понимающим. И высокомерным!

— Ну да... — вздохнула Руби. — Я в самом деле смутилась. Есть ли у меня повод? Дайте подумать... Кажется, я врезалась в одного из самых знаменитых мужчин на земле, перемазала его землей и даже не узнала... — Руби склонила голову набок, словно размышляя над своими словами. — Да, по десятибалльной шкале смущения я заслужила твердую девятку!

Дев и глазом не моргнул. Ей даже показалось, что он развеселился.

Ее мучило другое. Глупое тело так и затрепетало, когда он очутился рядом... Чего же она ждет? Может, извинения? Или сочувствия?

— Всего девятку? — Он поставил кружку с пивом на подставку.

— Что? — рассеянно спросила Руби.

— Всего девятку по десятибалльной шкале, — напомнил он, нагибаясь к ней. Его глаза оказались совсем близко. — Интересно, за что вы поставили бы себе десятку?

Она машинально опустила глаза и посмотрела на его губы, тут же расплывшиеся в

улыбке.

Он нагнулся еще ближе; ощутив его теплое дыхание где-то за ухом, она вздрогнула. Умом она понимала: нужно отстраниться, громко расхохотаться, что-то сказать... сделать что угодно, лишь бы покончить с интимом. Подруги жадно наблюдали за ними. Скоро непременно поползут слухи. Больше всего на свете Руби ненавидела слухи, которые распространяются со скоростью света. Особенно слухи о ней самой. Ей хватило на целую жизнь.

— Знаете, — его тихий голос эхом отдавался во всем ее теле, глупо застывшем, оцепеневшем, — по-моему, мои поцелуи еще никого не смущали... Во всяком случае, никто не жаловался!

В последнем она нисколько не сомневалась.

— Я была на работе, — скованно ответила она.

Значит, он в самом деле собирался ее поцеловать! Что ж, неудивительно... Значит, ей не померещилось.

— Я все время целуюсь на работе. — В его глазах сверкнули веселые огоньки.

Руби неожиданно для себя расплылась в улыбке, удивляясь перемене атмосферы.

— Когда целуешься по сценарию, это другое.

— Нет! — протянул он, не переставая улыбаться. — Не всегда.

— Точно! — Теперь она расхохоталась в голос.

Их смех должен был снять напряжение, но обстановка не разрядилась.

С огромным усилием Руби отвернулась, отпила большой глоток вина — правда, никакого вкуса не почувствовала. Мозги вращались со скоростью миллион миль в час — а может, и вовсе не вращались, ведь им только и оставалось, что гадать, каковы губы Дева на вкус...

— Что ж, — сказала она, наконец заставляя себя посмотреть ему в глаза. — По сценарию или нет, а я на работе ни с кем не целуюсь. — Помолчав, она добавила вежливо, но твердо: — Уже поздно. Мне пора. Приятно побеседовать, когда я не покрыта грязью. Кстати, извините, что заляпала вас.

Руби встала и поставила бокал на стол. Подруги смотрели на нее вытаращив глаза. Ничего, завтра она приведет их в чувство. Дев Купер настолько не в ее вкусе, что просто смешно!

Она быстро попрощалась, закинула сумку на плечо и направилась к двери, ни разу не обернувшись на Дева. Хорошо, что он не пошел за ней! Правда, она ничего такого не ожидала... она не идиотка. Стоит ему свистнуть, и он получит любую женщину из съемочной группы. И почти любую женщину на свете!

Его интерес к ней скоро пройдет. Может, его просто позабавила странная девица, вся перемазанная грязью и кофе.

Октябрьский вечер был прохладным; Руби обхватила себя руками, растирая «гусиную кожу». Она остановилась в местном мотеле, метрах в ста от паба.

За спиной слышались шаги. Они приближались...

Руби продолжала смотреть себе под ноги. Там может быть кто угодно.

— Руби!

Вместо того чтобы вздохнуть и испытать раздражение или разочарование, она почувствовала, как вдруг стало легко. Неожиданно для себя она улыбнулась, но не остановилась.

Через несколько секунд он нагнал ее и молча пошел рядом. Скоро молчание стало неприятным, скованным.

— Ну и... — начал он.

Руби не дала ему договорить.

— Знаете, мы ведь сейчас не на площадке. И я не стараюсь вам понравиться. Вы меня не интересуете.

— Вот и хорошо. — Он как будто приятно удивился.

Руби остановилась, кипи от раздражения.

— А вы очень уверены в себе! — ехидно заметила она.

— Я не прав?

Руби вздохнула:

— Неужели каждая встреченная вами женщина в самом деле падает к вашим ногам как подкошенная?

— Вы же упали, — улыбнулся он.

Руби снова обдало жаром. Она надеялась, что в темноте он не заметит, как она покраснела.

— У меня просто закружилась голова... — Она помолчала и продолжала: — Поверьте мне, со мной вы напрасно теряете время. Вы меня совершенно не интересуете!

Внутренний голос ахнул: «Боже мой, ведь ты говоришь с самим Девлином Купером! С кинозвездой!» Может быть, только поэтому она не развернулась и не ушла.

— Вы серьезно?

Его замешательство было таким неподдельным, что она невольно смягчилась. Он в самом деле невероятно самодоволен, но обаятелен.

— Ну да, — кивнула Руби. — Неужели в это так трудно поверить?

Она понимала, что он вот-вот ответит «да», но он как будто вовремя остановился и широко улыбнулся. Переступил с ноги на ногу, скрестил руки на груди. На нем по-прежнему были те же самые обалденные джинсы, что и в прошлый раз, а испорченную футболку он сменил на такую же, только темно-синюю. Руби заметила, что он очень похудел. Заметила это не только она. Слухи в съемочной группе распространяются со скоростью света.

«Знаете новость? Его бросила подружка... ну, та модель».

«А я слышала, что он наркоман. Сидит на кокаине. Во всех голливудских ночных клубах...»

«Он болен, я знаю! Поэтому-то он и вернулся в Австралию. Чтобы побыть с родными».

Руби не верила ни слову. Сплетни, как она знала по опыту, так же точны и правдивы, как портреты кинозвезд, обработанные с помощью фотошопа.

«Что с вами?»

Конечно, последний вопрос она вслух не произнесла. Ее это не касается.

Дев разглядывал Руби, любовался точеными скулами, прямым носом и упрямым подбородком.

«Хорошенькая... наверное, страстная...» Ну и что?

«Она не похожа на других. Она не такая, как все».

Вот почему он стоял с ней на холоде. Вот почему сделал то, чего на собственной памяти не делал уже давно: погнался за женщиной.

Новизна оказалась неожиданной. Ему понравилось. Впервые за несколько месяцев его интерес привлекло нечто... некто... Руби Белл — мелкая сошка, координатор

производства...

— Что во мне вы находите таким отталкивающим? — спросил он.

Она пожала плечами:

— Я вас совсем не знаю и не могу составить о вас никакого мнения.

— Но вы ведь сами сказали, что я вас не интересую! — возразил он. Она наверняка читала глянцевого журналы, где писали о его ролях и о его выходах.

Она покачала головой:

— Мы с вами говорим не дольше нескольких минут. Как я могу вас знать?

Он наморщил лоб. Руби Белл не перестает его удивлять. Она сбежала от него из паба... А он уже представил, как хорошо они проведут время в широкой кровати в его коттедже.

— А! Значит, дело не во мне, а в вас, — заметил он и понимающе улыбнулся. — Я понял... У вас кто-то есть?

— Да нет же, — досадливо отмахнулась Руби. — Дело не в этом!

Теперь он уже совершенно ничего не понимал.

Руби совсем не похожа на его многочисленных знакомых. Были среди них такие, которые сразу таяли, как мороженое, но остальные могли ответить остроумно и даже съязвить. И все же Дев без труда угадывал их реплики и понимал, куда клонится разговор или вечер. В начале знакомства остроумная беседа приятно возбуждала. Легкая игра перед неизбежным...

— Думаете, я хочу закрутить с вами роман? — язвительно спросил он. — Боитесь, что я захочу завести семью, жениться...

— Нет! — засмеялась она.

— Так в чем же проблема? По-моему, все просто замечательно. Очевидно, мы нравимся друг другу... — он поднял руку, видя, что она собирается возразить, — мы оба взрослые люди. Ближайший месяц нам предстоит провести здесь... Как говорится, само небо предназначило нас друг другу!

Руби закатила глаза:

— Вы что, меня совсем не слушали? На работе я ни с кем в связь не вступаю. Особенно с актерами. Не хочу, чтобы меня называли очередной победой Дева Купера. По-моему, все справедливо!

— Я не собирался рассказывать о нас всем подряд, — возразил он. — Буду держать язык за зубами.

Руби покачала головой:

— На съемках все только и делают, что сплетничают. А для меня профессиональная репутация очень много значит... — Она помолчала и повторила тихо, как будто про себя: — Очень много!

Любовь к работе — да, это Дев понимал. До недавнего времени он и сам был таким. Но... почему она упорствует? Членам съемочной группы не запрещено крутить романы с актерами. Видимо, Руби считает иначе.

Оба молчали. Дев пришел в замешательство. Он чувствовал себя как рыба, вытащенная из воды: его только что отвергли. Но вместо того чтобы развернуться и уйти — в конце концов, ему есть из кого выбирать, — он ощутил... разочарование. И уходить совсем не хотелось.

— И вообще, — чуть суше продолжала Руби, — завтра с утра мне нужно сделать важный звонок; я должна выйти на работу на час раньше. Так что спокойной ночи!

С этими словами она развернулась и зашагала прочь.

Он смотрел ей вслед. Она остановилась перед дверью на первом этаже, порылась в огромной сумке, не сразу нашла ключ... Когда дверь за ней закрылась, Дев еще немного постоял на улице.

Странно! Он почти ничего не знал о Руби Белл. Она умная и красивая блондинка... Ей приятно обнимать. Почему его так влечет к ней? Какое ему до нее дело? Чем она отличается от многих других женщин, которых он встречал в последние темные, смутные месяцы? Все они сливались в одно пятно... никто не выделялся, и ничто не выделялось. Через несколько недель после того, как Эстелла его бросила, он заговорил с какой-то знакомой, но его мысли все время уплывали в сторону... Он забывал, что ему говорят. И ему было все равно.

А теперь нет.

Руби в нем что-то затронула. Запустила реакции, которые до сих пор пребывали в спячке. Она насмешила его и вызвала желание. Она удивила его. Как все просто!

Дева разбудили глухие удары.

Он замигал глазами, привыкая к темноте. Который час?

Он лежал на спине посередине широкой кровати в одних трусах. Простыню он сбросил на пол.

Он помнил, что никак не мог успокоиться. Хотелось встать и пробежаться. Или прокатиться. Или просто выйти. Куда угодно.

Но куда?

Не первое утро он задавался таким вопросом.

Снова раздался стук. Громче, чем раньше. А может, он просто начал просыпаться?

Оказалось, что уже не совсем темно. Сквозь плотные шторы проникал свет, а ведь вчера вечером он так старательно их задерживал!

Он вздрогнул и не сразу сообразил, что замерз... А ведь сам ночью выключил обогреватель! Зачем? Ночи еще холодные.

Бум! Бум! Бум!

Дверь. Кто-то ломится в дверь.

Который час?!

Он перекатился на бок, посмотрел на тумбочку, где обычно стоял будильник. Циферблат не светился. Может, он сам выключил будильник? Нет, вчера он его заводил. Сегодня утренняя съемка. Он собирался встать пораньше и повторить текст.

Бум-бум-бум!

Дев медленно спустил ноги на пол и увидел на полу у двери будильник. На ощупь отыскал выключатель, зажмурился от неожиданно яркого света. Найдя телефон, он посмотрел на экран, проверяя время.

Когда он принял снотворное?

Голова по-прежнему была дурная; таблетки еще действовали.

Семь тридцать две. Почему будильник не звонил?

Тук-тук... ТУК-ТУК-ТУК!

— Мистер Купер! Вы проснулись? — Грейм. Ну, конечно!

Он повернул медную ручку и вышел в широкую прихожую. Из-за стеклянных дверных панелей лился утренний свет. Дев разглядел за дверью очертания мощной фигуры телохранителя. Он посмотрел на экран мобильного: будильник включен. Значит, он не слышал? Или слышал, но отшвырнул телефон... А ведь сегодня все должно было быть по-другому. Из-за вчерашнего вечера. Сегодняшний день тоже должен был стать другим. Отличаться от предыдущих девяти дней.

Дев безрадостно улыбнулся. Кто знал, что его подсознание так скрупулезно ведет счет времени?

Грейм продолжал барабанить в дверь, но Дев не удосужился крикнуть, заверить его, что он уже проснулся. Неизвестно, что ему рассказала Вероника. Может, что он алкоголик или еще хуже...

Деву иногда даже хотелось, чтобы к нему можно было прилепить ярлык: «Алкоголик». «Наркоман». Но он ни то и ни другое.

А как же снотворное?

Он тут же помотал головой. Нет! Лекарства ему выписал врач, причем на время.

Голливуд — не рай земной, что бы там ни думали обыватели. Он полон неудовлетворенных страстей, подпитываемых комплексами. Звезды боятся, что их свет в любой момент может погаснуть: либо из-за неудачно сыгранной роли, либо из-за сплетен, либо по милости руководства студии... в их бедах всегда виноваты другие.

Актеры — люди зависимые. Неудивительно, что многие переходят черту. И падают в пропасть.

Он открыл дверь; Грейм занес кулак, чтобы в очередной раз ударить в нее. Увидев Дева, он вздрогнул, отступил на шаг, кашлянул.

— Мистер Купер, через пять минут нам пора выезжать.

Дев кивнул, отвернулся, не закрывая дверь, направился в ванную. Через четыре минуты принял душ и надел футболку, толстовку и джинсы. Захлопнул и запер парадную дверь; Грейм нависал над ним, всем своим видом выражая нетерпение.

В детстве так же вела себя мама. Правда, она не молчала, пока дожидалась младшего сына, неорганизованного копушу. Старшие братья уже сидели в семейном «мерседесе». Они-то все и всегда делали вовремя. «Дев, давай быстрее! Из-за тебя мы опаздываем!»

Вот почему он терпеть не мог, когда его торопят. Поэтому он не любил ездить с водителями. Поэтому и настаивал, что сам будет добираться до съемочной площадки. Он взрослый человек, у него есть водительское удостоверение — за каким дьяволом ему шофер?

Он уже давно не ребенок, не нуждается ни в чьих указаниях и понуканиях. Он профессионал и всегда успевает вовремя. На него всегда можно положиться.

Можно было... до сих пор.

Сегодня он не впервые не услышал будильник. Нет, хуже: услышал, но выключил и снова заснул. А до того его мучила бессонница. Голова распухла от мыслей; не помогали даже лекарства. Он нарочно переключал телефон на тихий режим, чтобы до него не дозвонились ни агент, ни продюсер, ни даже режиссер...

Вот из-за чего его сняли с предыдущей роли. После того как поползли слухи, контракт на следующий фильм тоже отменили.

И вот он здесь.

И хотя он не собирался... правда, он ведь никогда ничего не делал нарочно... то же самое повторяется снова.

Если бы не Грейм, он бы до сих пор валялся в постели.

Дев плюхнулся на заднее сиденье черного автомобиля, невидящим взглядом уставился в затемненное стекло. Рядом стояла дорожная сумка; Грейм сказал, что там его завтрак, но он не голоден.

«Можешь не возвращаться».

Ближе к съемочной площадке асфальт закончился, и машина запрыгала по ухабам широкой грунтовой дороги. Воспоминания всплыли вовсе не от толчков и прыжков. Давно ли это было? Десять лет назад? Нет, раньше. Четырнадцать. Ему тогда было девятнадцать, и он явился домой поздно — по-настоящему поздно. Всю ночь гулял с друзьями. Он не был пьян в стельку, но выпитое горячило кровь.

— Где ты был, черт тебя дерит?

Отец стоял на верхней ступеньке широкой лестницы в роскошном сиднейском особняке Куперов. Рядом с лампой стояла мама.

— Гулял, — буркнул он.

— Завтра у тебя экзамен.

Дев пожал плечами. Он не собирался идти на экзамен. Бросив ключ на стол, зашагал к себе в спальню и, обернувшись через плечо, бросил:

— Папа, я не хочу быть бухгалтером.

Хотя Патрик Купер был в домашних тапочках, походка у него была тяжелая. Дев слышал, что отец идет за ним, но не остановился. Он прекрасно знал все, что отец может ему сказать. В университет он поступил только для того, чтобы угодить маме. Он проучился три семестра, и с него хватило. Дев знал, что у него другое призвание. Его совсем не тянуло к цифрам и строгим костюмам.

Он не удивился, когда отец положил ему на плечо тяжелую руку. Потом Патрик Купер круто развернул сына к себе... От неожиданности Дев замахнулся, сжал кулак. Он действовал механически. Он бы ни за что не ударил отца — он это знал. Точно знал.

Наверное, отцу показалось, что он его вот-вот ударит. Он считал, что младший сын способен на все...

Дев широко раскрыл глаза от удивления. Отец врезал ему в скулу с такой силой, что он отлетел к стене, согнувшись от боли. Он ощутил во рту вкус крови. И стал ждать новых ударов.

Вдруг отец упал на колени, баюкая правую руку в левой.

Очень долго было тихо; Деву показалось, что ни один из них не дышит.

Сверху, стуча каблуками, сбегала мама. Ахнула, опустилась на колени рядом с мужем, положила его руку себе на плечо.

— Что случилось?

— Мам, я ухожу из университета, — сказал Дев. — Я актер. — Он морщился от боли, но говорил звонко и четко.

— Актерство — не профессия, — презрительно отозвался отец.

— Но я хочу стать актером!

— Девлин, я не стану тебе помогать и ждать твоего провала...

— Знаю, — перебил он.

Никто из родных не верил в его успех.

— Тогда уходи, — сказал отец. — И можешь не возвращаться.

Слова отца не удивили его. Все назревало уже давно. Он оставался дома только из-за мамы.

Девлин кивнул. И молча ушел.

Он не произнес ни слова. Никакого театрального прощания.

Он точно знал, что никогда сюда не вернется.

Грейм притормозил у ворот; охранник махнул им рукой. Грунтовая дорога вилась вокруг невысокого холма. И вот они уже среди вагончиков, окруживших съемочную площадку. Продюсер рассказал, что снимают они на настоящей ферме, где разводят овец и выращивают рапс. Ферма раскинулась на почти идеально плоской равнине, окруженной зубчатыми горами. Вчера Дев мельком видел эвкалипты, прямоугольники полей, на которых рос ярко-желтый рапс, и овечьи загоны. Сегодня все расплывалось сплошным пятном.

Но что-то приковало его взгляд, когда Грейм остановился рядом с его вагончиком. Яркое пятно...

Ему навстречу шла женщина в ярко-синем платье, больше похожем на длинный свитер. Он сразу узнал короткие светлые волосы, блестящие на солнце. Руби Белл.

Он совсем забыл о ней, как только вступил в еженощную борьбу с бессонницей, но теперь Руби вернулась.

Он понял, что она из себя представляет для него: отвлекающий момент. На время.

Что-то такое ему сейчас необходимо.

Он успел. Благодаря Грейму и, косвенно, Веронике... он будет и дальше приезжать на съемку вовремя.

Но сейчас ему трудно было сосредоточиться на фильме и на роли.

Он, конечно, сыграет, как надо, постарается, приложит все свои способности. Но ему все равно. Уже все равно. Ну не смешно ли?

После смерти его отец — наконец-то — настоял на своем.

Он все-таки приехал вовремя — в последнюю минуту.

Руби наблюдала, как он не спеша вылезает из машины.

Сама она кипела от негодования. Прижав к груди бумаги, приказывала себе дышать глубоко и ровно. Она справится. Это ее работа!

Ей просто невероятно повезло с работой. Утром Пол отозвал ее в сторону и поручил новую задачу: следить, чтобы Дев приезжал вовремя и не выбивался из графика.

Все связанные с Девом слухи — а утром стали поговаривать, что он не просто так всюду опаздывает, — не должны были ее удивлять. В конце концов, требование Пола элементарно. И все же она буквально ахнула, услышав слова Пола, а потом притворилась, будто ей в рот залетела мелкая мошка.

Координатор производства обычно опекает актеров. Ведь в его обязанности входит, среди прочего, организация рабочего графика.

Актеры славятся своей непредсказуемостью и ненадежностью. Одно дело — составить вызывной лист: извещение о вызове на съемку. И совсем другое дело — добиться того, чтобы актеры соблюдали составленное тобой расписание.

Дев молча смотрел на нее, прислонившись бедром к машине, и Руби вдруг поняла, что его трудно заставить сделать что бы то ни было.

Сегодня перед ней не тот человек, который вчера улыбался ей в пабе и потом поддразнивал на улице. И не тот высокомерный силач в заляпанной футболке... Его лицо оставалось абсолютно непроницаемым.

— Доброе утро! — Руби надеялась, что поздоровалась громко и четко.

В ответ он сухо кивнул.

Она показала ему распечатку сцены, которую ему предстояло репетировать:

— Вот сегодняшний текст.

Он взял бумаги, почти не глядя на нее. Он как будто чего-то ждал... что-то высчитывал.

— И что дальше? — спросил он.

— Сначала я поведу вас на примерку в костюмерный цех, — продолжала она. — Потом мы зайдем к гримерам.

— И вы будете меня сопровождать?

Руби вздохнула:

— Да. Сегодня я буду за вами присматривать.

Она сразу поняла, что сказала что-то не то. Глаза у него сверкнули.

— График у меня есть. Где я должен быть, я знаю. Меня не нужно водить за ручку.

— Пол просил, чтобы я... — Он снова наградил ее гневным взглядом, и она не договорила. И все же решилась: — Мистер Купер, я здесь для того, чтобы вам помочь.

Последние слова все изменили, как будто она включила свет. Из обвиняющего он стал сочувствующим?

Но Руби не обманывалась. Он не просто смирился с тем, что она делает свое дело. Все по-другому. Он более... расчетлив.

— Помочь... — повторил он и вдруг улыбнулся ослепительной улыбкой кинозвезды.

И Руби совершенно не поняла, что только что произошло.

Удивляться глупо — по-настоящему глупо! На месте продюсера он поступил бы точно так же.

Но это не значит, что он должен радоваться.

Он не допускал, чтобы его водили на поводке. Ну и дела! Он-то надеялся, что надзор ограничится одним Греймом!

Разумеется, к нему приставили именно Руби. Совершенно напрасно, кстати... На площадке он заставляет себя быть в форме — по-настоящему, а не как ночью, когда уговаривает себя заснуть.

Он немного отстал. Руби что-то довольно быстро говорила, но он ее почти не слушал.

Она нервничает, это точно. Вот и хорошо... А неплохо все обернулось. Вчера она командовала, сегодня его очередь.

Мальчишество? Да.

Смешно? Да, наверное.

Значит, Пол решил, что за ним нужно присматривать? Нет проблем.

Он будет вести себя как типичная звезда, за которой нужен глаз да глаз. Как примадонна, которая составляет длиннющие списки требований и закатывает истерику, если у нее в вагончике не стоит бутылка с минеральной водой строго определенной марки — разумеется, из тех, что не купишь в местном магазине.

Он докажет продюсеру, что тот поступил правильно, и доведет его до белого каления. Пусть небольшая, но победа.

И Руби придется побегать; может быть, она снова воспламенится?

Дев улыбнулся, когда Руби остановилась перед большим белым гримвагоном и развернулась к нему лицом. Наморщив лоб, она разглядывала его, как будто знала, что он что-то замышляет.

Он улыбнулся еще шире. А неплохо он все придумал!

Руби внимательно читала только что полученное письмо. Агент Аризоны подтверждал, что его клиентка на следующей неделе сможет присутствовать на сиднейской премьере...

Зазвонил телефон. Руби нажала кнопку «Прием вызова», не глядя на экран.

— Руби Белл.

— Руби... — Пауза. — Добрый день.

Притворяться, будто она не узнала голос, не было смысла. Она вся затрепетала.

— Чем я могу вам помочь, мистер Купер? — решительно и весело спросила она, не отводя взгляда от монитора, хотя слова начали расплываться. Тем не менее Руби пыталась написать ответ. Ей хотелось напомнить себе самой, что она работает в кино и ей не

привыкать беседовать со знаменитостями. Почему ее опять обдало жаром?

— Да, — ответил он, — у меня проблема.

— Какая? — Руби замерла от нехорошего предчувствия.

Утром Девлин Купер вел себя безукоризненно. Позволил ей водить себя из одного места в другое. Вел непринужденную светскую беседу, очаровал всех, с кем она его познакомила. Но...

Иногда он так косился на нее, что... нет, она совершенно ничего не понимала.

И дело было уже не во вчерашнем вечере. Девлин Купер наверняка потерял интерес к какой-то там Руби Белл.

— Не могу сообразить, как пользоваться беспроводным Интернетом в моем коттедже.

Ох... Ей стало жарче. Конечно, лично к ней его звонок никакого отношения не имеет. Разве она сама часа три назад не просила его звонить в любое время?

— Прискорбно слышать, мистер Купер, — ответила она. — Я распоряжусь, чтобы у вас все наладили.

— Буду вам очень признателен, — ответил он и отключился.

Руби осторожно положила трубку на стол, огляделась. Она ожидала, что сотрудники будут коситься на нее, догадываясь, что, несмотря на внешне беззаботный вид, она смутилась. Может, они как-то догадались, что вчера Дев сделал ей непристойное предложение у входа в мотель? Правда, в ответ на расспросы заинтригованных подруг она упорно отвечала, что Дева не встретила...

Все видели, что сегодняшней присмотр за звездой дался ей нелегко, хотя Руби постоянно внушала себе: «Подумаешь, большое дело!» Они оба взрослые люди и могут нормально сотрудничать, несмотря на то что она в него врезалась, испачкала, не узнала... А потом еще и отказала самому желанному холостяку на свете...

Но нет. Роуэн тихо работал за столом. Кейт стояла перед большим календарем и сосредоточенно черкала на нем что-то маркером. Селена же с самого утра была занята с массовой.

Руби подавила вздох. Она ведет себя нелепо!

Она помотала головой слева направо, несколько раз подняла-опустила плечи, покрутила мысками и занялась аутотренингом. Она спокойна, сосредоточенна и собрана. Потом она вернулась к работе.

Меньше чем через час Дев вышел на открытую террасу и задвинул за собой стеклянную дверь. Внутри молодой парень из административной группы пытался починить его якобы «сломанный» Интернет.

Он поднес трубку к уху.

— Руби Белл, — ответила она сухо и вежливо, как раньше.

— Мисс Белл, — так же вежливо обратился к ней Дев, — теперь все работает. Я вам очень признателен...

Точнее, все заработает, как только парень сообразит, что он просто не подключил роутер к сети.

— Вот и хорошо, — сказала Руби и, немного помолчав, спросила: — Помочь вам с чем-нибудь еще?

Дев улыбнулся:

— Вообще-то да. Мне нужна новая машина.

— С вашей теперешней что-то не так?

Все так, если не считать того, что его повсюду возит телохранитель Грейм. Дев хотел ездить на площадку самостоятельно, но ему отказали. Будь у него ключи от машины, он бы и просить не стал.

Он представил реакцию Вероники. Она уже высказала свое возмущение в утреннем письме... кроме того, она звонила, но Дев не отвечал.

Выяснилось, что Грейм не заметил его вчерашней отлучки. Вот вам и телохранитель!

— Моя теперешняя машина слишком... — он помолчал, как будто подыскивал нужное слово, — женственная.

— Что, простите?

— Слишком женственная, — повторил он.

Руби замолчала. Дев невольно представил себе ее лицо. Что она делает? Улыбается? Хмурится?

— Ясно, — сказала она наконец. — Значит, черный внедорожник кажется вам... неподходящим? Пожалуйста, объясните, что именно выглядит женственным.

В ее тоне не было ничего особенно невежливого... даже наоборот. И все же Дев уловил тончайшую иронию. Что ему понравилось.

— Обивка салона, — ответил он. — В ней розовые нити.

— Ага! — воскликнула Руби, как будто довод в самом деле был веским. — Что ж, теперь все понятно. Не волнуйтесь, к вечеру у вас будет другая машина.

— Вечер — крайний срок, — ответил он тоном капризной примадонны.

— Не проблема, мистер Купер.

— Очень вам признателен, мисс Белл.

Улыбаясь, он нажал отбой.

Руби сидела в кабинете одна; компанию ей составляло только радио. Было поздно; по-настоящему поздно. Всех остальных она пятнадцать минут назад отправила по домам.

Но ей нужно все успеть... Дев здорово осложнил ей жизнь.

Роуэн целый час чинил беспроводную связь в коттедже у Дева, поэтому расписание на завтра пришлось составлять в одиночку. К сожалению, парень, которому она поручила выбрать новую машину, оказался неопытным новичком и каждые пять минут доставал Руби дурацкими вопросами. Кроме того, Дев забрасывал ее электронными письмами с вопросами, как доехать до Люсивилля. После того как она стиснула зубы и подробно ответила на все его вопросы, потеряв еще полчаса драгоценного времени, он удостоил ее благодарности.

Руби кипела от злости.

Она понятия не имела, что Дев окажется таким капризным. Обычно съемочной группе заранее известно о характере исполнителей главных ролей. Встретятся двое киношников, и сразу станет известно: «Дев Купер возмутился, потому что ему дали девчачью машину».

Но... до последних суток она не слышала ни одного худого слова о Девлине Купере. Наоборот, все восхищались его простотой и сдержанностью. Никто не говорил, что он капризен и требователен.

Зазвонил телефон, лежащий на стопке бумаг.

Опять Дев! Руби нехотя ответила и перевела телефон на громкую связь.

— Мистер Купер... Чем я могу вам помочь?

— Я тут подумал, — он даже не извинился за поздний звонок, — не можете ли вы порекомендовать мне приличный ресторан в Сиднее? В эти выходные у меня свидание...

Руби старалась не обращать внимания на непонятный укол ревности.

— Конечно, — с трудом выговорила она. — Завтра поручу кому-нибудь подобрать вам приличный ресторан.

— Я надеялся на ваши личные рекомендации.

В самом ли деле его голос стал чуточку глубже? Чуточку интимнее? На всякий случай Руби приказала себе не быть идиоткой и даже набрала эти слова крупным шрифтом.

— Если вы любите хорошую кухню, — вздохнула она, — идите в «Тэцую» на Кент-стрит. Или в «Причал» в районе Рокс.

— Ваши любимые места?

— Нет. Я слышала, что готовят там хорошо, но сама предпочитаю не такие пафосные заведения. Люблю сидеть там, где слышно голос собеседника, а столик не нужно заказывать за месяц вперед. Понимаете? — Неожиданно она сообразила, что сказала. — Правда, не думаю, чтобы у вас были проблемы с заказом столиков...

— Да, — весело ответил он. — Куда вы сами ходите ужинать в выходные?

Руби выросла в пригороде Сиднея, но, став взрослой, мало бывала там — разве что по работе. А если учесть, что ее рабочий день продолжается двенадцать-четырнадцать часов, ужин в ресторане, дорогом или не очень, становился событием редким.

— Друзья приглашали меня во французское бистро в деловом центре Сиднея... Там довольно необычно, но атмосфера приятная. И еще там замечательно готовят десерт «Аляска»...

— Отлично! Вы сможете заказать мне там столик?

Руби стиснула зубы и с наигранным радушием ответила:

— Конечно!

— Буду очень вам признателен. — Фраза, которую она слышала в третий раз за день, начала ужасно ее раздражать.

Руби показалось, будто он усмехнулся перед тем, как отключиться. Ей захотелось примчаться к нему в коттедж и задушить его.

На следующий день небо было затянуто облаками; с самого утра метеорологи предсказывали дождь.

В половине двенадцатого к Руби ворвалась взволнованная Аша, второй помощник режиссера.

— Мне нужна твоя помощь! — заявила она, проводя рукой по блестящей короткой стрижке. — Проблемы в гримерном цехе. Дев не разрешает никому себя стричь, а он нужен на площадке немедленно! Мы должны успеть отсняться до дождя.

Руби вздохнула. Всего двадцать минут назад она лично привела Дева в гримваген... правда, чему удивляться?

Через минуту обе они шагали к гримвагену.

— Дев совсем не такой, как я ожидала, — призналась Руби, на ходу обхватывая себя руками. Тонкий кардиган совсем не защищал от ветра.

— Ты имеешь в виду его внешний вид? Он как будто целый месяц не ел и не спал, — кивнула Аша. — Слава богу, наши гримеры и костюмеры умеют творить чудеса... — Она понизила голос. — Говорят, у него разбито сердце. Помнишь его подружку, Эстеллу ван... какую-то? Ее уже видели с новым спутником. Бедняга.

— Да, наверное, — сказала Руби. — Но я имела в виду другое. Его капризы сводят меня с ума!

— Правда? — удивилась Аша. — Если честно, до сих пор он считался образцовым актером. Просто поразительно, как быстро он выучил свои сцены; вчера отрепетировал очень быстро. Только благодаря его профессионализму сегодня мы и можем что-то снимать.

Руби слегка замедлила шаг.

— И он не жаловался на костюм? Не требовал шоколадных конфет, из которых нужно предварительно извлечь начинку?

Такими просьбами Дев одолевал ее весь вчерашний день. Сегодня утром он попросил сменить шторы в его вагончике, так как теперешние пропускают слишком много света. Потом он потребовал доставить ему фрукты, выращенные без применения химикатов. Роуэн сейчас занимается их поисками... Бр-р-р!

— Нет. — Аша остановилась у входа в гримваген. — Проблема только со стрижкой. Правда, съемки только начались. Может быть, он скоро всем нам еще покажет.

Руби хмыкнула в ответ. Ее терзало сомнение, которое она вначале отбросила как нелепое, невозможное. Неужели он?..

Она открыла дверь, заметив расстроенного стилиста, его ассистента и, конечно, Дева, который небрежно развалился в кресле перед зеркалом. Он оброс двухдневной, не меньше, щетиной. Когда она вошла, он посмотрел на нее в зеркале.

И подмигнул.

Руби впилась ногтями в ладони и глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Она властно обратилась ко всем присутствующим:

— Можно несколько минут поговорить с мистером Купером?

Никто не нашел в ее просьбе ничего странного. В конце концов, улаживать мелкие неприятности — ее работа.

После того как все ушли, Дев не спеша — Руби догадывалась, что он получает удовольствие от происходящего, — развернул кресло к ней лицом и смерил ее оценивающим взглядом. Высокие кожаные сапожки на плоской подошве, темно-синие джинсы, кремовая блузка, просторный кардиган... Потом перешел к лицу — губы, глаза, волосы. Руби захотелось замурлыкать от удовольствия. Не зря она сегодня потратила время на макияж. Вчера она тоже старательно нарядилась; она даже и сама не отдавала себе отчет, что все делалось для Девлина Купера.

Какая же она дура! Ей казалось, что она давно через это прошла и никакое мужское одобрение ей не требуется. Оказывается, ничего не изменилось!

Дев одобрительно улыбнулся; он собрался что-то сказать, но Руби его опередила:

— Кого вы из себя строите, черт вас дерит?

Руби испытала огромное удовольствие, увидев, как он изумленно вытаращивает глаза. Правда, опомнился он довольно быстро.

— Девлина Купера, кажется. — Он пожал плечами. — Знаете такого актера?

Она покачала головой:

— Даже не пробуйте умничать. Я вас раскусила.

— Раскусили... меня? — Он удивленно поднял брови. — И что же вы узнали?

Руби велела себе держаться. Неужели он так забывчив? И почему он так высокомерен?

— Вот это. — Она обвела руками помещение. — И телефонные звонки каждые пятнадцать минут, и письма, и новую машину, и конфеты, и фрукты, и шторы... — Она начала загибать пальцы. — Что дальше? Какую еще мелкую и бессмысленную работу вы намерены мне поручить?

— По-вашему, мои просьбы безосновательны? — с невинным видом осведомился он. Если ее повышенный тон его и встревожил, его тон не выдавал ничего.

— Совершенно безосновательны! — отрезала Руби. — Учтите, мне все равно, почему вы так поступаете. Возможно, мой вчерашний отказ так вас уязвил, что вы решили довести меня до белого каления, отомстить... Прошу вас, прекратите!

Дев заморгал.

— Так вот что вы обо мне думаете? — ошеломленно спросил он, наморщив лоб. — Уверяю вас, у меня и в мыслях не было вам мстить!

Руби только отмахнулась:

— Пол... продюсер и мой начальник... требует, чтобы я решала все проблемы, которые у вас возникают. Если из-за вас мы выбьемся из съемочного графика или же Полу придется звонить вашему агенту, чтобы привести вас в чувство, он обвинит во всем не вас, а меня!

Дев вскочил на ноги. Он был уже в костюме: темно-коричневые брюки, светло-бежевая рубашка с закатанными рукавами, широкий кожаный пояс и кобура, тяжелые рабочие ботинки. Он играл австралийского скотопромышленника начала двадцатого века. Руби хотела сказать что-то еще, но осеклась. Неожиданно просторный гримваген показался ей маленьким и тесным.

Она снова вскипела. Пусть он знаменитость, никто не смеет так обращаться с Руби Белл!

— Может быть, вы забыли, что значит жить на одну зарплату, но поверьте мне, я это помню. И не позволю какому-то самодовольному, напыщенному актеру испортить себе репутацию, поломать карьеру...

С каждым словом она забирала все выше и говорила все громче.

Дев остановился перед ней. Он подошел не вплотную, как вчера, и все же ей трудно было говорить под его пытливым взглядом. В его глазах не было высокомерия. И злости. И даже удивления. Что же там? Грусть? Нет... Руби растерялась. Какое-то время оба молчали. Руби глубоко вздохнула.

— Если вы не прекратите, — начала она, — тогда я...

Ее тирада жалко оборвалась. Что она сделает? Что она может? Она только что сама призналась: во всех бедах, причиной которым станет он, обвинят ее. Вряд ли ей удастся добиться, чтобы его сняли с роли! Скорее, наоборот... Координатора производства заменить ничего не стоит, в отличие от исполнителя главной роли...

Она обеими руками вцепилась в свой кардиган. Почва уходила у нее из-под ног. Господи! Что же она наделала? Теперь ему стоит только пожаловаться Полу, и...

Дев по-прежнему наблюдал за ней.

— Что вы тогда сделаете, Руби?

Она заставила себя не отводить глаза в сторону.

— Я... — Надо бы извиниться. Польстить ему, да хоть встать на колени... что угодно, лишь бы сделать так, словно последних минут вовсе не было. Но она не могла. Так она словно вернется на десять лет назад, в прошлое.

— Я буду вам очень признательна, — она нарочно передразнила его, — если вы, прежде чем обращаться с очередной просьбой ко мне или моим подчиненным, подумаете. Сейчас мы все очень заняты.

В ответ Дев улыбнулся, и сердце у Руби сделало сальто. Наедине с Девом Купером Руби просто терялась.

— Я вовсе не мстил вам, — просто сказал он.

— А что же? — спросила Руби.

— Очень жаль, что вы подумали, будто я пытаюсь вас подставить. Уверяю вас, у меня и в мыслях не было...

Даже помня о том, что он очень хороший актер, Руби ему поверила. Эти глаза в жизни *совсем не похожи* на те, что видишь на экране! Они открывают нечто большее — больше, чем Руби готова была истолковать.

— Все гораздо проще. И гораздо интереснее, чем какая-то дурацкая месть.

Руби скрестила руки на груди и смирila его каменным взглядом.

— Ладно, я неудачно пошутил, — вздохнул он. — Слушайте... — Он посмотрел себе под ноги. — На самом деле все просто. Я не люблю, когда за мной «присматривают».

Руби прищурилась:

— А то, что вы всей тяжестью обрушились на меня, — просто совпадение?

— Нет, — признался он. — Но... — Он посмотрел ей в лицо, сосредоточился на глазах, как будто пытался что-то понять. — Мне нравится, как вы реагируете.

Она не заблуждалась и не считала, что выделяется чем-то среди многих женщин, которые его окружают. Она видела его снимки с Эстеллой... Его бывшая подружка — супермодель! Его мальчишеские игры к ней никакого отношения не имеют. Просто он эгоцентрик и считает, что весь мир вертится вокруг него. Но она в его картину мира не вписывается.

— Очень прошу вас думать перед тем, как выдвигать очередное требование, — очень вежливо продолжала Руби.

Он кивнул, и впервые за долгое время Руби показалось, что ее дыхание пришло в норму.

— Постараюсь. — Он улыбнулся.

Она снова ощетичилась, готовая к бою. Неужели он не слышал ни слова? Как он мог подумать?..

— Все понял, больше я не буду капризничать и срывать съемку.

Он широко улыбнулся, но глаза будто задернулись плотными жалюзи. Он смотрел прямо перед собой, сжав губы.

— Вы очень забавная...

— Меня это не интересует, — выпалила Руби, досадуя на себя.

Он так в себе уверен... Ей хотелось закричать. Он так на нее смотрел... Неужели она усомнилась в правилах, которые сама для себя придумала уже давно?

Она решительно покачала головой.

— Я скажу парикмахерам, что произошло недоразумение и вы согласны на стрижку.

Он сухо кивнул.

Руби развернулась, но на пороге остановилась.

— Наверное, в начальной школе вы дергали за косички девочку, которая вам нравилась, думая завоевать ее благосклонность? Таким образом вы своего не добьетесь!

Он рассмеялся, и от звуков его бархатистого голоса у нее по спине пробежали мурашки.

— У меня все иначе.

Руби захлопнула за собой дверь.

— Руби, можно тебя на минутку? — крикнул Пол, заглядывая в ее кабинет.

Ответа он не ждал, потому что, разумеется, это была не просьба, а приказ. Руби со вздохом вошла к продюсеру.

— Да?

— Водители готовы для завтрашней ночной съемки? — спросил он, потирая лоб рукой.

Дурной знак! Пол собирался ехать на премьеру своего последнего фильма в Сидней. Дев и Аризона тоже поедут. Их проход по красной дорожке должен привлечь к фильму лишнее внимание. Кроме того, они рекламируют «Землю».

— Конечно. Как велено, три машины.

По условиям контракта, исполнителям главных ролей полагаются отдельные машины. Сама Руби поехала в Люсивилль в машине, взятой напрокат, где уместилось все ее имущество, Роуэн и девушка из бухгалтерии. Да еще кое-что из осветительной аппаратуры.

— Отлично, отлично, — кивнул Пол. Потом он замолчал, и Руби напряглась, не ожидая ничего хорошего. — Говорят, вчера тебе удалось обломать Дева.

— Да. — Она выглядела гораздо спокойнее, чем чувствовала себя на самом деле. — Не сразу, но он все же понял, что от него требуется.

— Превосходно! — сказал Пол. — Пока ни мне, ни его агенту не удалось втолковать ему, что по условиям контракта он обязан присутствовать на субботней премьере. В общем, он отказывается ехать.

Руби подавила вздох.

— Не думаю, что мне удастся уговорить его, раз тебе не удалось.

— Я в тебя верю. — Это значило: «Иди и сделай во что бы то ни стало».

Пол уже потянулся к телефону, плавно перейдя к следующей проблеме. Видимо, с предыдущей, как он считал, он уже разобрался.

Руби вышла на улицу, побрела к роскошным черным домам на колесах, предназначенным для исполнителей главных ролей, и постучала в дверь Дева.

Дев постепенно привыкал к тому, что он всех раздражает.

Вероника только что не изрыгала пламя всякий раз, как звонила ему по сотовому. Однако ее тирады сразу переключались на автоответчик; Дев считал, что Вероника и так узнает все, что ей нужно, от Грейма. Ей жаловаться не на что. Раз к нему приставлен телохранитель-нянька-шпион, пусть отрабатывает свои деньги. Точнее, его деньги. Вот в чем суть. Веронику тоже больше всего заботят деньги. Он — ее самая яркая звезда. Не случайно она боится. Дев не чувствовал себя виноватым. Благодаря ему Вероника стала богатой женщиной. Он ничего ей не должен.

Оставался Грейм. Режиссер. Продюсер. И остальные. Он давал им то, что требовалось, — играл как надо, отвечал на вопросы, общался с коллегами. Но ни капельки сверх необходимого.

Кроме того, ему регулярно звонила мама. Она узнала из новостей, что он в Австралии, и надеялась на встречу. Дев и сам собирался ей позвонить, но не стал. Не смог. А она продолжала названивать, оставлять вежливые, дружелюбные послания на автоответчике, которые всегда заканчивались тихими словами: «Я люблю тебя». После каждого ее звонка

он чувствовал себя полным дерьмом, но последнее время старался отбрасывать от себя такие проблемы. О маме он подумает потом. Когда-нибудь...

Скорее всего, в три часа ночи, когда его так охватит усталость, что он больше не сможет игнорировать страшные мысли... Он стиснул челюсти.

Женщина, которая стоит за дверью его трейлера, — вот о ком ему необходимо думать. Она как-то невзначай завладела его вниманием. С Руби он забывал обо всем... Правда, он не сомневался, что сильно раздражает ее.

Улыбнувшись, он подошел к двери, распахнул ее, вызвав удивленное: «ах!». Она вошла. Он не отступил, вынуждая ее пройти мимо. Достаточно близко, чтобы ее одежда коснулась его.

Он ведет себя не по-джентльменски? А, ерунда!

Руби наградила его гневным взглядом и сразу же отвернулась. Их тянет друг к другу, от этого никуда не деться. Он все понимает, и она тоже. Значит, ей придется забыть о своих дурацких принципах и смириться с неизбежным.

Он подождал, пока захлопнется дверь, и развернулся к ней лицом. Руби стояла на середине «гостиной» в его роскошном доме на колесах. Дом был практически звуконепроницаемым, поэтому они смотрели друг на друга в полной тишине. Которая, впрочем, не затянулась.

— Мне казалось, я выразилась достаточно ясно, — сдавленным голосом начала Руби. — Я очень дорожу своей работой и никому не позволю портить себе жизнь.

— Неужели я ее порчу?

— А как же! Вы отказываетесь ехать на премьеру, что предусмотрено вашим контрактом!

— Разве я сорвал съемку? Разве я подвел вас с профессиональной точки зрения?

— Если не поедете, то подведете, — просто сказала она.

— А вы сделайте так, чтобы я поехал! — с улыбкой предложил он.

— Каким образом? — прищурилась Руби.

— Поужинайте со мной.

Он ничего не планировал заранее. Вообще ничего не планировал, кроме того, что откажет Полу и посмотрит, что будет дальше.

Для Руби у него никакого сценария не было — все шло, как шло. Но внезапно ужин показался ему идеальным решением.

— Это шантаж! — возмутилась она.

В ответ он только пожал плечами.

Нет, он определенно не джентльмен!

Руби шумно выдохнула и провела ладонями по своим предплечьям.

— Значит, если я соглашусь с вами поужинать, вы поедете на премьеру. — Она не спрашивала, а утверждала.

— И ваш продюсер решит, что вы настоящая волшебница.

— Лучше бы вы поехали на премьеру, не припутывая меня! — Она вскинула голову и посмотрела ему в глаза. — Значит, вы заказали столик в том самом французском бистро, о котором мы говорили?

— Да, — ответил он, понимая, что такой ответ ее взбесит.

— Вы очень... уверены в себе!

Ответить он не удосужился. Пройдя мимо нее, сел на темно-синий диванчик.

— Может, присядете? Обсудим подробности нашего свидания.

— Нет, спасибо, — едко ответила она. — Мне нужно возвращаться на работу. Днем у меня лишнего времени не бывает. перезвоните попозже. Или, еще лучше, пишите по электронной почте. Так будет быстрее.

Боже, как она ему нравилась! Такая прямая! Такая деловитая.

Руби круто развернулась, но вдруг замерла на месте:

— Значит, вы уверены, что вам никто не способен отказать?

— Можете и так считать, если хотите. — Он улыбнулся, сообразив, что добился, чего хотел.

Она направилась к выходу, но у двери, как он и ожидал, нанесла прощальный удар. Как вчера.

— Знаете что, мистер Купер? Раньше я слышала о вас только хорошее. Все вас хвалили. Говорили, как замечательно с вами работать. Наверное, вы и в самом деле хороший актер. Потому что хорошим человеком вас назвать трудно.

Не придумав достойного ответа, он промолчал. В конце концов, в чем-то она права. Сейчас он в самом деле чувствует себя не тем Девом, которого, по ее словам, все любят и хвалят. Он не тот Дев, который обожает свою профессию и уважает своих коллег... Дев, у которого миллион друзей и такая жизнь, о которой можно только мечтать.

Сейчас он вообще не знал, что он за человек.

Руби выложила на кровать в номере мотеля все до единого предметы одежды. Не только то, что она приготовила для работы, но все свое имущество.

Раньше она, как правило, распродала одежду перед тем, как уехать работать за границу. Так лучше, чем таскать с собой барахло по всему миру.

Она всегда считала такой план безупречным. Она умела хорошо выбирать себе одежду в Интернете, поэтому у нее редко случались осечки и, что еще важнее, появлялся замечательный предлог примерно каждые полгода обновлять гардероб. На свидания она ходила редко и, как правило, между фильмами. В общем, не было необходимости покупать постоянный костюм «на выход». О предстоящих премьерах и прочих мероприятиях она всегда узнавала заранее и покупала нужные вещи загодя. Кроме того, на таких мероприятиях все смотрят на кинозвезд, а не на скромных членов съемочной группы.

В результате сейчас ей абсолютно нечего надеть на свидание с Девом.

Очень хочется, прямо подмывает явиться на свидание в джинсах и старой футболке. Выбор одежды ясно даст понять, как она относится к происходящему.

К сожалению, так нельзя.

Руби пришла в отчаяние, сообразив, что не способна держаться по-настоящему хладнокровно, быть сильной и резкой. Во всяком случае, сейчас. В субботу она должна выглядеть наилучшим образом.

Очень жаль... Она прекрасно понимает, что Дев ее шантажирует, манипулирует ею. И все же тело бурно реагирует даже на мысли о нем! А когда они рядом... ладно, не будем.

Правда, он в самом деле один из самых красивых мужчин на земле.

Не стоит судить себя слишком сурово. Она ведь тоже человек, поэтому в голову закрадываются непрощенные мысли и мечты...

И все-таки странно. Кому как не ей знать, что красивая внешность — еще не все? А характер Девлина Купера ей не слишком нравился.

Давным-давно она обожала таких красавцев. Нельзя сказать, что в ее окружении были кинозвезды, но в старших классах школы она влюбилась в капитана футбольной команды. И в капитана теннисной команды. И в очень обаятельного старосту, кумира всех ее одноклассниц. А как только она закончила школу, сразу влюбилась в симпатичного бармена. И в пылкого адвоката, который каждое утро приходил в кафе, где она работала, и заказывал кофе с молоком. И в сына владельца кафе. И... и... и...

Она неизменно выбирала самого симпатичного парня, который пользовался популярностью и казался совершенно неподходящим спутником для нее, бунтарки с сомнительной репутацией, выросшей в приемной семье, потому что родная мать от нее отказалась. Она готова была на все, лишь бы получить, желаемое.

Тогда Руби не останавливалась ни перед чем. Она не пользовалась особой популярностью, но и изгоем не была. Не была ни самой хорошенькой, ни уродкой. Как правило, она получала, что хотела, — одну ночь, или несколько ночей, или всего несколько часов, когда она чувствовала себя красивой, желанной, ценной и любимой.

Конечно, ее счастье продолжалось недолго. Ее быстро бросали. Потом бывало больно; Руби плакала и чувствовала себя таким же ничтожеством, как до того, как предмет ее желаний обращал на нее внимание.

И вот все начинается сначала.

У Руби защипало глаза; она поняла, что вот-вот расплечется. Еще одно воспоминание — оно пришло позже — было угрожающим, на границе подсознательного. Она не позволила себе вспоминать самое ужасное.

Главное то, что она сама перевернула свою жизнь. Больше ей никогда не понадобится мужчина для того, чтобы почувствовать себя живой... достойной любви. Больше никогда она не будет податливой и покорной. Ради чужого одобрения она не будет никому поддакивать. И никому не даст пищи для сплетен. Раньше, входя в комнату, она замечала, как мужчины исподтишка разглядывают ее, а женщины готовы испепелить одними взглядами.

Она выросла в окружении сплетен и домыслов: так же, причем очень рано, началась и ее взрослая жизнь.

Самое печальное, вначале ей даже нравилось быть в центре внимания. Она не серая мышка, которую никто не замечает! О ней говорят... Все знают, как ее зовут.

Руби нарочно провоцировала скандалы, внушая себе, что она вертит всеми, как хочет. Про себя она смеялась над теми, кто смотрел на нее сверху вниз.

Но в какой-то момент все переменялось.

Теперь она совсем взрослая. Ей двадцать девять лет. Она не нуждается ни в чем одобрении. Она больше ничего не боится... Страх жил в ней с детства. Раз от нее отказалась родная мать, значит, она вообще никому не нужна. Многочисленные мужчины и их мимолетное внимание заменяли ей то, в чем она так страстно нуждалась.

Потом она поняла, что мужчина ей не нужен. У нее есть работа, друзья и образ жизни, который ей ужасно нравится.

В тех редких случаях, когда она все же ходила на свидания, она выбирала мужчин, прямо противоположных школьным футбольным звездам и Девлинам Куперам. Ее романы были скоротечными. И она всегда уходила первой, не чувствуя раскаяния. Все было просто замечательно. И очередной красавец ничего не изменит. Она не вернется к прошлому и не позволит ему испортить себе репутацию. Она не допустит, чтобы о ней сплетничали коллеги.

Она ничего ни от кого не скрывала, но считала, что прошлое осталось в прошлом. Она не может себе позволить снова ступить на ту дорожку. Потерять себя в обмен на несбыточные мечты.

Ей никто не нужен. И полагается она только на саму себя.

Она упала на постель, не обращая внимания на мятую одежду. Хм... Все, конечно, хорошо и правильно, но...

Через два дня у нее свидание с Девлином Купером. Значит, требуется срочная вылазка за покупками.

В субботу утром Руби задержалась на работе. И в Сидней пришлось ехать четыре часа. Времени почти не оставалось.

К счастью, одна из ее лучших подруг в тот момент не была занята на съемках. Руби и Гвен, модная художница по костюмам, договорились встретиться в бутике в Паддингтоне.

Гвен уже ждала ее в зале с хрустальными люстрами, пухлыми диванами, обитыми красной кожей, и современными закругленными полками.

— Руби! Сколько мы не виделись! — закричала она, обнимая ее.

Руби вначале хотела рассказать Гвен, с кем у нее вечером будет свидание, но, подумав, решила, что лучше не стоит. Нет, она доверяла подруге, но... в самом деле будет лучше, если об их с Девом свидании никто не узнает. В конце концов, речь идет всего лишь об ужине.

Когда Дев ей позвонил — она так и знала, что он не пришлет ей письмо, — она отменила французское бистро, хотя заказала там столик. В таком месте нельзя надеяться на то, что тебя не заметят. Хуже того, там их могут сфотографировать. Меньше всего ей нужно, чтобы кто-нибудь щелкнул их на мобильный телефон и выложил снимок в Твиттере.

Да, можно сказать, что у нее паранойя. Из-за романа с кинозвездой ее с работы не выгонят. Руби прекрасно знала, что на съемках всякое бывает, особенно если учесть, что в кино в основном трудятся люди до сорока. Сумбурная жизнь не по душе тем, у кого есть семья, корни.

Но ей не хотелось быть «очередной девушкой Девлина Купера». Хватит, она уже такой была.

Глядя, как Гвен снимает платье с блестящей хромированной вешалки, Руби вдруг сообразила: самое главное — не то, что о ней подумают другие, а то, как она сама к себе относится. И последнее даже важнее, чем ее профессиональная репутация. Но и репутацию тоже со счетов не спишешь.

— Ну, что скажешь? — Гвен тряхнула вешалкой, и платье для коктейля замерцало в ярком свете. На вешалке оно казалось всего лишь куском красивой зеленой материи. Конечно, его нужно было примерить.

Руби не отличалась худосочностью актрис, которых одевала Гвен, и все же... подруга определенно понимала, что ей идет.

Выйдя из примерочной кабины и посмотревшись в зеркало, Руби так и ахнула от удивления.

Она выглядела...

— Красота! — радостно резюмировала Гвен. — Сидит идеально.

Руби повертелась, разглядывая себя. Платье сшито безукоризненно — цельнокроенные рукава расшиты бисером, вырез сердечком подчеркивает ее средних размеров грудь. Облегая талию и бедра, платье заканчивалось гораздо выше колена. С первого взгляда оно казалось

простым — и все же не примитивным. Ярким — но не вульгарным. Руби пришла в восторг.

Через двадцать минут она рассталась с довольно значительной частью своих сбережений и вместе с Гвен пошла искать подходящие туфли на высоком каблуке и подходящий по стилю жакет.

Час спустя она пришла к себе в отель, откуда можно было дойти пешком до умопомрачительно дорогого ресторана, где они ужинали с Девом. Уже скоро.

Платье лежало на кровати, переливаясь всеми оттенками зеленого. Косметику и красивый лак для ногтей Руби приготовила заранее. Надо принять душ... Она посмотрелась в зеркальную дверцу гардероба.

Ее привычный стиль — джинсы и короткая стрижка. Такая стрижка, в зависимости от укладки, выглядит либо элегантно, либо нарочито небрежно.

Судя по ее внешности, не скажешь, что ей недостает уверенности в себе. Руби не считала себя уродиной, но... все-таки почему именно она? Ведь Дев может выбрать кого угодно! Должно быть, чем-то она его зацепила. А может, он решил, что должен сам ей отказать...

Она тряхнула головой. Волосы сразу легли по другому. Да! Наверное, в этом все дело. Он достиг нет своей цели и через неделю забудет о ней.

Вот и замечательно...

Дев опоздал. Всего на несколько минут, и тем не менее.

Вообще-то он собирался явиться еще позже; он живо представлял, как Руби ждет его за столиком и все больше злится.

Ему ужасно нравились ее разгневанное лицо и упорное сопротивление.

Но спустя какое-то время он начал чувствовать себя полным идиотом. Он торчит в своем пентхаусе и бездумно смотрит матч по регби, когда может провести время с красивой... Нет, не красивой. По крайней мере, по голливудским меркам Руби никак нельзя назвать красавицей. Но она безусловно интересная женщина... Да, интересная и загадочная.

Проводить время с ней куда приятнее, чем сидеть одному!

Но когда метрдотель с безупречными манерами провел его в отдельный зал дорогого ресторана, он увидел столик, накрытый на двоих, — и никакой Руби.

Он сел и покачал головой. Невероятно!

Ресторан находился на краю Круглой набережной; из слегка изогнутых панорамных окон открывался изумительный вид на залив. Справа виднелись паруса Оперного театра. Впереди — знаменитый мост Харбор-бридж.

Хотя Дев не первый раз приходил в этот ресторан, а ужинать ему доводилось на фоне красивейших пейзажей, вид ночного Сиднея заворожил его. Такого нет нигде в мире!

И все же грустно сидеть одному в зале, где свободно уместятся тридцать человек. Сегодня он заказал его только на двоих! В таких условиях даже красивейший пейзаж скоро надоедает.

Метрдотель предложил ему попробовать заказанное вино; затем он молча скрылся где-то в пространстве.

Шли минуты. Дев то и дело косился на часы. Может, Руби вообще не придет? Нет, не может быть.

Бесшумно распахнулась дверь. Дев поднял голову и увидел, как в зал входит Руби. Он не мог оторваться от нее.

На ней было платье из переливчатой материи, которая как будто вбирала в себя весь свет. Юбка чуть выше колена удлиняла ноги, как и сандалии на высоком каблуке. Когда он, наконец, встретился с ней взглядом, то заметил, что глаза пол старательно уложенной челкой смотрят вызывающе.

Она изогнула губы, но он бы не назвал выражение ее лица улыбкой.

Когда ее подвели к столику, Дев встал. Метрдотель выдвинул ей стул, и она широко улыбнулась ему. Затем метрдотель приступил к исполнению своих обязанностей. Он предлагал им вино и закуски. Но Дев почти не слушал. Воспользовавшись случаем, он любовался Руби, сидевшей вполоборота к нему.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

В первый раз она молчит в его присутствии — если не считать самого первого столкновения у гримвагена.

Тогда она была просто восхитительна, сегодня — рафинированна и совершенна. Она разная и тем интереснее для него.

После короткой вступительной беседы метрдотель незаметно удалился, и Руби повернулась к нему.

— Вы опоздали, — заметил он.

— Вы тоже, — парировала она.

— Откуда вы знаете? — удивился он.

— Ниоткуда... Просто мне показалось, что опоздание вполне в вашем стиле. Вы очень последовательно стараетесь вывести меня из себя. — Руби хладнокровно налила себе воды. — А вы ведете себя не слишком-то рыцарственно... — Еще одна пауза. — Лично я никогда никуда не опаздываю... специально... В моей работе важна пунктуальность; не вижу причин, почему нельзя вести себя так же и в жизни.

— Значит, вы цените в мужчинах рыцарственность?

Она посмотрела на него поверх бокала:

— Вообще-то нет. — Она слегка наморщила лоб, отвернувшись к окну, взглянула на Оперный театр. — То есть, конечно, приятно, если мужчина вежлив, почтителен, галантен — не знаю, что еще принято вкладывать в понятие «рыцарственность». — Она смирив его взглядом, давая понять, что к нему ее слова не относятся. — Но его поведение должно быть естественным. Например, глупо вскакивать, когда я подхожу к столику... Все должно идти от сердца, от внутреннего уважения.

— Я вас уважаю, — возразил он.

— Верится с трудом! — Руби искренне расхохоталась.

— Но это правда. — Дев не собирался оправдываться, но пришлось. — Я опоздал вовсе не потому, что не уважаю вас и не ценю ваше время. Просто хотелось полюбоваться на вашу реакцию...

— Какое тонкое замечание!

Дев не мог сказать, что ему стало стыдно. Он откровенно наслаждался происходящим... и Руби.

— А вам нравится нарочно меня раздражать, — заметила она. — Кстати, у вас неплохо получается.

Он пожал плечами:

— Значит, вы ищете почтительного, хорошо воспитанного рыцаря?

— Вот уж нет! — Руби тряхнула головой. — Я никого не ищу!

— Счастье для вас в работе?

Снова почти неслышно подошел метрдотель и налил ей вина.

— Да, но дело не в этом. Мужчины мне не нужны. Совсем.

— Не нужны — или не хотите?

Она закатила глаза:

— Ни то ни другое!

Он задумался. Им принесли закуски, и Дев решил сменить тему. В конце концов, они не для того сюда пришли, чтобы выяснять отношения... Сам он терпеть не мог какие бы то ни было «отношения». Эстелла стала неожиданным исключением, но даже с ней ему иногда казалось, что их роман протекает почти без его участия. Конечно, Эстелла нравилась ему. С ней приятно было проводить время. Ему даже казалось, что он ее любит. Но в тот день, когда Эстелла его бросила, она ясно дала понять: то, что он к ней испытывал, — не любовь. Как она выразилась?

«Любовь — это когда ты полностью раскрываешься, делишься с близким человеком своими мыслями, чувствами, страхами. Ты не делишься ничем. Абсолютно ничем!»

Он не стал ей возражать. Но потом, вспоминая их разрыв, он мысленно соглашался с

Эстеллой. Она права. Да, он именно такой.

Некоторое время они молча ели лососину.

— Интересно, зачем вы меня сюда пригласили? — спросила Руби, не глядя на него.

— Мне захотелось.

Она резко вскинула голову. В ее глазах он прочел откровенное замешательство.

— Серьезно? Но почему вам вдруг приспичило провести вечер с женщиной, у которой вызываете неприязнь?

— Кажется, раньше вы утверждали, будто недостаточно хорошо знаете меня для того, чтобы испытывать ко мне неприязнь.

Она удивленно подняла брови:

— Мое мнение о вас постепенно меняется!

Он улыбнулся. Это была его знаменитая улыбка, увидев которую Руби порозовела и поспешила отвернуться.

— Неужели я вам нравлюсь?

Она тут же вскинула вверх подбородок:

— Знаете, это уже скучно. С какой стати вы должны мне нравиться?

— Я обаятелен, — ответил он.

Она фыркнула:

— И что вы вкладываете в это слово? По-вашему, обаятельно шантажом вынудить женщину пойти с вами на свидание? В самом деле?

— Нет. Если честно, обычно мне не приходится прибегать к таким уловкам.

— Приятно слышать... я хотя бы отчасти отомстила за ваших многочисленных подруг. Сколько их у вас было — тысячи?

— Гораздо меньше, — возразил он.

— Ну, сотни, — отмахнулась она.

Нет, женщин в его жизни было не так много. Может быть, Эстелла не первая заметила его ущербность, но только с ней он сблизился настолько, что она разглядела его.

— Я не... — начал он и осекся. Он хотел сказать: «Сейчас я не похож на себя». Но он решил, что не стоит признаваться в этом Руби. Но ведь она... Руби должна отвлечь его от мрачных мыслей!

— Вы не... что? — спросила она.

Он тряхнул головой:

— Не важно. Главное, что сейчас мы здесь. — Он откинулся на спинку стула, разглядывая ее. — Мы здесь, в этом прекрасном городе, в этом прекрасном ресторане. А на вас, Руби Белл, очень красивое платье.

Лицо ее из розового стало пунцовым.

— Спасибо, — немного чопорно ответила она.

— У меня предложение, — сказал Дев. — Давайте объявим перемирие! На сегодня! Ну попробуйте притвориться, что я не вызываю у вас глубочайшего отвращения... Давайте забудем о том, как мы оказались вдвоем за одним столиком.

— Вы не вызываете у меня отвращения! — удивленно ответила она. — Просто вы не даете мне повода понравиться.

— Я постараюсь, — обещал он.

Она долго выдерживала его взгляд, раздумывая над его словами.

— Ладно, — согласилась она под конец. — Но только на сегодня!

Руби с изумлением заметила, что ее десертная тарелка совершенно пуста, если не считать растаявших остатков сорбета. Она даже не помнила вкуса... так увлеклась беседой.

Пару часов назад она испытывала ужас при мысли об этом свидании... Нет. Не нужно лгать. Она тревожилась, предвкушая его. Но вечер оказался просто замечательным. У нее свидание! Свидание с кинозвездой.

Как ни странно, иногда ей приходилось напоминать себе о том, что человек, сидящий напротив, — кинозвезда.

Сегодня он другой. Заметив, как на его лицо неожиданно набежала тень, Руби сообразила, что он с самого первого дня был... подавлен. На него что-то давит.

Правда, сегодня он был другим. Лицо стало более открытым. Они говорили практически обо всем. Начали, конечно, с работы, а потом... Руби чувствовала себя совершенно непринужденно. Ей хотелось рассмешить его. Похоже, у Дева давно не было повода для веселья.

О нет! Она принимает желаемое за действительное. Не нужно придавать сегодняшнему вечеру такое большое значение. Подумаешь, всего лишь свидание. Ключевое слово — всего лишь.

Они вспоминали всякие забавные происшествия, которые случались с ними в пути. Руби было приятно, что Дев не рассказывает о том, как его «обступили толпы поклонниц в Париже» или как он «пил чай с королевой». Он словно снял с себя ореол звезды и оказался настоящим, живым человеком... таким же, как она.

Интересно, он нарочно?

Да, наверное. Он в самом деле обаятелен и умен. И сумел очаровать ее. Руби теперь сама не знала, что о нем думать. Она расслабилась. Понимала, что ведет себя неразумно, но Дев казался ей совершенно неотразимым. Хотя...

— Почему вы пошли работать в кино? — спросил он, круто меняя тему разговора.

Руби повертела бокал за ножку.

— Вы поверите, если я скажу, что я — неудавшаяся актриса? — спросила она.

— Да, — тут же ответил он.

— Неужели все так очевидно? — удивилась Руби.

Он кивнул:

— Актерская игра требует определенных... уловок. А вы... не умеете притворяться. Говорите, что думаете.

Она поерзала на стуле; ей стало немного не по себе.

— Хотите сказать, что я бестактная? — Она попыталась его поддразнить, но ничего не вышло.

— Вы откровенная, — поправил он, пытливо глядя ей в глаза.

Руби смутилась. Он как будто видел ее насквозь. Ей это не понравилось.

— Но, — продолжал Дев, — иногда вы пытаетесь спрятать то, в чем вам не хочется признаваться: досаду, усталость... влечение.

Руби показалось, что сегодня ей уже ничего не удастся от него скрыть. Он что же, читает ее мысли? Лучше не продолжать...

— В чем-то вы правы, — ответила она. — В школе я любила играть, притворяться, но на самом деле исследовала разные стороны себя самой. Мне никогда не удавалось изобразить кого-то другого. — Она рассмеялась. — И все-таки мне хотелось работать в кино, быть

причастной... ну, и посмотреть мир. Вот почему после университета я начала с низов и постепенно выбилась наверх.

— Вы хорошо учились в школе?

Смеясь, она покачала головой:

— Вот уж нет! В университет я поступила в двадцать лет, вначале мне пришлось вернуться в школу и получить аттестат. В старших классах... наверное, я проходила бунтарскую фазу.

— В самом деле? — удивился Дев.

— Определенно, — улыбнулась Руби. — Тут многое сыграло свою роль, но главным, наверное, было то, что в подростковом возрасте я часто бывала несчастной... — Она замолчала, не уверенная, что можно рассказывать дальше. Правда, она не делала тайны из своего прошлого. — Я росла в приемной семье, точнее, мне пришлось сменить несколько приемных семей... В том возрасте я как будто притягивала неприятности.

Он слушал ее молча, иногда кивая. Его лицо не выражало ни изумления, ни жалости. Руби это понравилось. Да, ее детство нельзя назвать счастливым, но все могло быть намного хуже.

— Вы искали внимания, — сказал он, и настала очередь Руби удивляться.

— Да, — ответила она. — В конце концов я так и поняла.

Конечно, это слишком просто. Она искала внимания, но не только. Ей нужно было чувствовать себя любимой... желанной. Хотя бы ненадолго.

— Не смотрите на меня так удивленно, — сказал он. — Я не специалист по психоанализу, просто сравниваю себя и вас. Я ведь тоже поэтому пошел на сцену... В моей семье почти все отлично учились. А я школу ненавидел... не любил сидеть на одном месте. Зато обожал играть. Игра — единственное, что у меня хорошо получалось.

Пожалуй, он слишком скромничает! Ведь он не просто хороший актер.

— Наверное, ваши родные гордятся вами.

Руби удивилась, когда почувствовала ревность к гордым родственникам Дева. Она давно мечтала о любящих родных, о стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Она строила воздушные замки, мечтала о принце на белом коне и об идеальной семье, как в рекламе зубной пасты. Правда, детские мечты давно сменились свободой, волнующей и легкой.

— Да нет, не особенно, — без выражения ответил Дев.

Она очнулась и резко развернулась к нему:

— Неужели ваши родные не гордятся всемирно известным сыном? Трудно поверить!

Он пожал плечами:

— Не знаю. Может, и гордятся. Мы нечасто видимся.

Руби собиралась спросить что-то еще, но он со скрипом отодвинул стул от стола.

— Пойдем или еще посидим? — Не дожидаясь ее ответа, он встал.

— Кажется, мы договаривались, что уйдем порознь, — напомнила она.

Главное — чтобы их не сфотографировали вместе.

Дев провел рукой по волосам и, не говоря ни слова, вышел из зала.

Руби не хватило времени сообразить, почему он так стремительно ушел. Неужели он притворялся целый вечер?

Неожиданно Дев вернулся.

— Метрдотель уверяет, что папарацци здесь нет, так что, по-моему, можно рискнуть.

Руби кивнула. Хотя она не собиралась покидать ресторан одновременно с ним... они

вышли вместе. Бок о бок спустились по лестнице, вышли черным ходом. От его близости ей было приятно и тепло. Она решила, что все дело в хорошем вине. Когда они одевались, у нее немного кружилась голова и она старалась не смотреть на него. В самом деле, непонятно, почему она так упорно отказывалась от этого свидания?

Пропуская ее вперед, он заглянул ей в глаза и, наверное, прочитал ее мысли.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил он.

Выйдя в тихий переулок, Руби ответила:

— Я в полном замешательстве. Уже привыкла считать тебя самодовольным эгоистом, но сегодня ты показался мне... почти милым.

Она вздрогнула, когда он положил теплую ладонь ей на плечо и развернул к себе лицом. Потом взял ее за руку, потянул за собой. Руби вскинула голову. Они стояли под уличным фонарем; его лицо оказалось в тени.

— Нет, Руби, — тихо, но твердо сказал он. — По-моему, позавчера, в моем вагончике, ты все поняла совершенно правильно.

Она нахмурилась, силясь вспомнить, что наговорила ему позавчера. От злости и досады она себя не помнила, а сейчас... сейчас ей вообще было трудно о чем-то думать.

— Я совсем не «милый». — Он выпустил ее руку и зашагал вперед.

Внутренний голос требовал спорить, разубедить его. Но Руби молчала, понимая: Дега имел в виду вовсе не свой шантаж, вынудивший ее согласиться на сегодняшнее свидание. И не опоздание к ужину. Он вообще говорил не о ней.

Она не понимала его, но угадала в нем что-то знакомое. Поэтому она молча догнала его, и они пошли рядом.

Дев не думал о том, куда они идут. Просто ему нужно было двигаться. Вскоре освещение стало ярче, а вокруг появились люди, и он понял, что они направляются к Оперному театру. Он остановился и глубоко вздохнул.

Он не знал, как отнестись к тому, что только что случилось.

Он вообще жалел, что проговорился. Сегодняшний вечер и общество Руби не должны иметь отношение к его прошлому. Он вздохнул. Все-таки не зря он считался хорошим актером...

— Итак, — почти нормальным тоном сказал он, — куда пойдем?

Они стояли на площади, между ресторанами, выходящими на залив, и Оперным театром. Несмотря на поздний час, народу на площади было много. Почти все устремились к воде, хотя некоторые парочки и группки устроились на ступеньках. В том месте, где стояли Дев и Руби, не было больше никого.

Руби подняла на него глаза и улыбнулась — довольно неубедительно. Она в самом деле была неважной актрисой.

— Может, просто немного побродим?

— Отлично! — одобрил он, ожидая, что вот-вот вернется прежняя язвительная, оживленная Руби, объявит, что перемирие закончено, и быстрым шагом уйдет прочь.

Его грызло беспокойство. Почему ему так хорошо? Ладно, об этом он подумает потом... Он давно привык откладывать серьезные дела и мысли на потом.

Ничего не говоря, они дружно отправились к центру города: справа — кованая решетка, отгораживавшая набережную, слева — старомодные шары уличных фонарей. С воды дул прохладный ветерок, но его прикосновения были приятными.

Руби говорила о «Земле», о спектакле, который она когда-то видела в Опере, пересказывала свежие сплетни. Говорят, в следующем году в Сиднее будут снимать продолжение какого-то блокбастера. Вот бы где поработать! Сначала она как будто не обращала внимания на его молчание, но постепенно все больше вовлекала его в разговор. Расспрашивала о вчерашней премьере. Неужели все в самом деле так плохо, как об этом пишут?

— Мне такие фильмы не нравятся, — признался Дев. — Сам по себе он, может, и гениальный, просто не в моем вкусе.

— Значит, тебе было скучно? — спросила она.

Он покосился на нее, отметив веселые огоньки в глазах.

— Очень.

Она рассмеялась:

— Значит, слезливые семейные хроники ты не любишь?

— Да. Мне больше нравятся боевики и триллеры.

— Какая неожиданность! — поддразнила она. — Тогда... вот что странно. Почему ты согласился сниматься в «Земле»? Хочешь сменить амплуа?

— Нет, — буркнул он так резко, что Руби невольно замедлила шаг и взглянула на него с любопытством. — То есть... ну да, вот именно.

— Ты, похоже, не уверен.

Он в самом деле не был уверен, что правильно поступил. Сейчас он должен был

сниматься совсем в другом фильме, играть переговорщика в динамичном боевике о взятии заложников. Его привычный образ получал новый, неожиданный ракурс. Но на роль неожиданно взяли другого актера, а его контракт на следующий фильм аннулировали. Поэтому он здесь.

Только из уважения к его прежним заслугам история не получила широкой огласки. Веронике пока удастся давать отпор редким, но довольно точным догадкам журналистов. Должно быть, какие-то слухи дошли и до Руби. Она с любопытством поглядывала на него, но Дев не думал, что ей приятно смаковать грязные подробности. Что ж, ее тактичность достойна награды!

— Я согласился, потому что мой агент на меня надавила, — признался Дев.

По правде говоря, он согласился лететь в Новый Южный Уэльс, потому что больше не мог выносить бессонных, бессмысленных ночей в Голливуде. К сожалению, в Новом Южном Уэльсе его ждало примерно то же самое.

За исключением Руби.

— Ты живешь в Сиднее? — спросил он, меняя тему.

Они шагали в толпе среди парочек, семей с детьми, туристов, обвешанных фотокамерами. Если его кто-то и узнал, он не заметил.

— Уже нет, — ответила Руби.

— В Мельбурне?

— Нет, не в Мельбурне... — Она с улыбкой покачала головой.

До сих пор Дева совсем не интересовали женщины, которые оказывались с ним рядом. Точнее, они не интересовали его как личности или как интересные собеседницы. Сегодня за ужином он, к собственному удивлению, с интересом слушал ее рассказы о себе и сам что-то рассказывал в ответ. Со своими поклонницами он общался совершенно не так.

Может быть, он просто отстал от жизни? В конце концов, прошло несколько месяцев с тех пор, как он в последний раз появлялся в обществе с женщиной. Но раньше он никогда не отвечал на вопросы о себе, сводя все к своему творчеству.

— Если я начну перечислять все города мира, пока ты не скажешь «да», мы еще долго здесь пробудем.

— Ты и тогда не узнаешь ответа.

Они остановились между железнодорожной станцией и паромным терминалом. Руби смотрела на него снизу вверх. Она улыбалась и как будто чего-то ждала.

Дев по-прежнему молча рассматривал ее, как будто хотел запечатлеть в памяти ее глаза, нос, губы.

Раньше он не замечал, что на свету в ее карих глазах появляются золотые крапинки.

— Ты красавица, — очень тихо произнес он и понял, что думает так на самом деле.

Руби поспешно шагнула назад и слегка пошатнулась на высоченных каблуках. Он механически схватил ее за плечо, чтобы поддержать. Сначала ее лицо было нежным, манящим... Потом она прищурилась и решительно сбросила его руку.

— Отличная попытка!

— Это правда, — не сдавался он. Посмотрев в ее замкнутое, сразу ставшее холодным лицо, он понял: она все неверно истолковала. Почему комплимент подействовал на нее так странно?

— Слушай, уже поздно. Спасибо за прекрасный ужин. Мне пора возвращаться к себе в отель, — сказала она, не двигаясь с места.

Ему не хотелось ее отпускать, и то, что она сама медлила, ему понравилось.

— Если не Сидней, не Мельбурн, не другой город... где ты все-таки живешь?

Руби зажмурилась. Как ловко он возобновил разговор!

— Там, где мне нравится, — медленно выговорила она. — Когда работаю, живу на съемках. Иногда меня приглашают к себе друзья... А бывает, я переезжаю на новое место, где еще не была...

— Но где у тебя, так сказать, база? Где ты хранишь свои вещи?

— Какие вещи? — Она пожала плечами.

— У тебя ничего нет?

— Ничего такого, что не умещается в чемодане.

До него дошло не сразу.

— Почему?

— Ты не первый задаешь такой вопрос, — улыбнулась Руби. — А по-моему, такой образ жизни очень разумен. Я могу жить в самых разных местах, любоваться невероятными красотами. И ничто меня не связывает. Когда мне предлагают работу, я готова на следующий день сорваться с места и отправиться хоть на другой конец земного шара!

— Разве ты не хочешь когда-нибудь обзавестись собственным домом?

Она наморщила нос:

— Ты имеешь в виду великую австралийскую мечту — огромный особняк с крытой верандой и барбекю на заднем дворе? Нет, спасибо! — Она говорила совершенно убежденно; Дев понял, что она много думала о жизни. Но поверить ей оказалось трудно. Неужели можно всю жизнь прожить так, как она?

— Почти все женщины в твоём возрасте задумываются о семье, о детях. О том, чтобы пустить корни.

— Ты старше меня, — тут же парировала Руби. — И что, пускаешь корни у себя в Беверли-Хиллз?

— Н-нет... — растерялся он.

— Ну вот, видишь! — Видя его замешательство, она попробовала объяснить: — Неужели в это так трудно поверить? Ведь говорила же я, что выросла в приемной семье. Моя, так сказать, «семья» — несколько приемных пар. Их всех я называю «дядями» и «тетями». Они милые, замечательные, но все они с нетерпением ждали, когда я от них съеду, и я их не виню. А почти все мои друзья работают в кино, так что они разбросаны по всему свету.

Видимо, она догадалась по выражению его лица, что не убедила его, потому что тяжело вздохнула и закатила глаза.

— Нет, — быстро сказал Дев. — Я все понял.

Если подумать, он живет примерно так же. Дом у него есть, но его особняк — скорее успешное вложение капитала, чем уютная крыша над головой. Покупая дом, он не думал о будущем: о жене, детях. Более того, до сих пор ему хотелось только одного: играть. А теперь он вообще ни в чем не уверен...

— Выпить хочешь? — предложил он.

Руби ненадолго задумалась и тряхнула головой:

— Нет, мне пора. Повторяю, уже поздно, и...

— Но ты же не ушла.

Она сама не знала, почему не ушла. Все надо делать вовремя... Просто она растерялась,

когда он вдруг назвал ее красавицей. Начала плавиться от жара, идущего от него. Поддалась искушению...

Правда, она тут же вспомнила, где она, с кем и почему она не должна уступать.

— Мне пора, — повторила она, хотя уходить ей совсем не хотелось.

— Да, наверное, — согласился он. — Ты очень убедительно доказала, что тебе в самом деле надо идти.

Он придвинулся чуть ближе... Боже! Он ведь понимал, как действует на нее его близость! Какое высокомерие, какая самоуверенность!

Но сейчас ее это почему-то не отталкивало. Может быть, потому, что сегодня она мельком заглянула за высокую стену, которую Дев воздвиг вокруг себя. Она увидела его незащищенным, разглядела в Деве человека, а не актера. Неожиданно она поняла, что этот человек ей интересен. Вначале ее влекло к актеру; притягивала его внешность, его обаяние. С такого рода влечением она еще могла бы справиться, пусть и с трудом. И уйти от него, вспомнив строгие правила, составленные ею для себя.

Но Дев открылся ей с новой, неожиданной стороны, и ей захотелось узнать его получше. *«Нет, спасибо... Спасибо за ужин»...*

Руби молчала, внезапно лишившись дара речи. Наверное, он что-то прочел у нее на лице, потому что с улыбкой взял ее за руку и повел за собой.

Они повернули на Маккуори-стрит.

— Куда мы? — с запозданием спросила Руби.

Дев остановился.

— Уже пришли... Вот мой отель.

Они стояли под красным навесом, на красной ковровой дорожке. Подумать только! В нескольких метрах от них застыл швейцар в ливрее, тактично делая вид, будто не замечает их.

— Дев, это не смешно, ты сказал...

— На первом этаже есть бар, а здешний персонал гарантирует, что нам никто не помешает. И уж конечно, никто не будет нас фотографировать. — Уголки его губ взлетели вверх. — Руби, я ведь не зову тебя распить бутылку шампанского у меня в постели!

— Ну да, конечно... — Руби показалось, что ее лицо сделалось одного цвета с ковровой дорожкой.

— Так пойдем? — Он жестом указал на широкие двери.

Она кивнула, и вот они уже шагают к бару по роскошному мраморному полу, устланному коврами. Классический просторный бар был обставлен массивной старинной деревянной мебелью, стены были оклеены красивыми шелковыми обоями. Хрустальные люстры испускали мягкий, приглушенный свет. У стойки сидело несколько человек. Вдоль стены тянулась скамья, обтянутая черно-кремовой тканью; у скамьи стояли столики. За одним сидела какая-то парочка. После того как Дев спросил, что она будет пить, Руби направилась в самый дальний угол и села на мягкое сиденье.

Дев отошел от стойки и направился к ней. В темном костюме и белой рубашке без галстука он выглядел не официально и сухо, а расслабленно и непринужденно. Можно подумать, в таком виде он каждый день ходит за продуктами!

Руби решила, что в баре не случайно приглушили свет. И все же, когда он приблизился, ее снова изумило хмурое выражение его лица. Может, он плохо себя чувствует? Он очень осунулся, щеки ввалились. Сегодня он ужинал с аппетитом... может быть, он в самом деле

болел и продолжает худеть?

Во всяком случае, она понимала, что задавать ему вопросы о здоровье неприлично. Он не будет обсуждать свои проблемы с кем попало. Кто она ему? Случайная спутница, которую он почему-то пригласил поужинать. Она никогда не задаст ему такие вопросы. У них есть только сегодняшний вечер.

Он опустился рядом с ней на сиденье, очень близко, но не касаясь ее. Глядя Руби в глаза, протянул ей бокал. Здесь, в углу, было гораздо темнее, чем в центре зала. Обстановка... располагала к интиму.

Когда он погладил ее по руке, она от неожиданности дернулась, расплескав вино.

— О-ох! — Руби поставила бокал на стол, тряхнула головой, стараясь привести себя в чувство. Ничего не помогало. Стоило ей заглянуть Деву в глаза, и она забывала обо всем. Она не отрываясь смотрела на него, видя перед собой не кинозвезду, а человека. Новый Дев стал для нее загадкой... и он ей нравился.

Он ненадолго приоткрыл темные глубины за роскошным фасадом; она разглядела неожиданную боль. А потом Дев перестал ее поддразнивать и начал соблазнять всерьез... Он придвинулся вплотную. Руби говорила ему, что у нее другие цели в жизни, но он ее как будто не слышал. Сам ведь признался, что не считает себя милым и хорошим. Наверное, он не кривил душой. Он так упорно ее домогается... неужели в самом деле его к ней влечет?

Нет, решила Руби. Дело в чем-то другом.

Она смотрела ему в глаза, в его красивые, пронзительные голубые глаза. Потом облизнула пересохшие губы кончиком языка... Он придвинулся еще ближе, положил руку на спинку сиденья. Руби не сразу осознала, что его пальцы ласкают нежную, шелковистую кожу у нее на шее. Постепенно он двигался выше, к затылку, потом погладил ее по голове. Но не тянул ее к себе. Боялся, что она убежит?

Он очутился так близко, что даже при тусклом освещении она заметила красные прожилки у него в глазах. На миг ей даже стало страшно за него... Но страх тут же прошел, сменившись совсем другими ощущениями.

И наконец, он ее поцеловал.

На один глупый, безумный миг ее сознание заполнилось образами Девлина Купера, который целовал на экране многочисленных женщин. Она представила романтические объятия, смятые простыни под яркими лучами юпитеров. А потом картинка пропала — ведь все это было ненастоящим. В отличие от их поцелуя.

Она целовала не киногероя, а вполне реального, живого мужчину, который по-настоящему хотел ее. После того как он раздвинул ее губы языком, она прижалась к нему всем телом. Она погладила его ладонью по груди. Он обвил ее талию; его рука скользнула под короткий жакетик.

Она отвечала со всем пылом, на какой была способна. Его губы были восхитительными, как вино, которое они пили, сладкими, как сорбет...

Руби отвечала, не стесняясь своих чувств, и он невольно заразился ее страстью. Перестал сдерживаться.

Руби прижималась к нему вплотную, наслаждаясь его великолепными, сексуальными, греховными губами. Она могла бы сидеть так вечно и вечно целовать его...

Наконец, он отстранился и шепнул ей на ухо:

— Поднимемся ко мне?

Наверное, все началось еще в Люсивилле, среди вагончиков, когда она врезалась в него.

Сейчас Руби было все равно. Она знала, что у нее есть единственный выход. Надо встать, стараясь не упасть, и подняться к нему в номер.

Он встал и протянул ей руку. Заметив, что он смотрит на нее вопросительно, Руби одними губами ответила: «Да».

Дев лежал на спине на диване, смотрел в потолок. Ему было не по себе. Он совершенно вымотался, но спать не мог.

Некоторое время он расхаживал туда-сюда по своим просторным апартаментам, но ничего не помогло. Он по опыту знал, что ходьба не усыпляет его, а даже наоборот. В голове стало тесно от мыслей; спать совершенно не хотелось.

Он потер лоб. Вот бы можно было взять и стереть все неприятные мысли! В самом деле неприятные. Бессмысленные, бесполезные, запоздалые. И такие... несвоевременные. Они пришли из подсознания; в нем что-то назревало. Перед глазами вставали картины из детства. Редкие минуты, которые он проводил наедине с отцом. Еще более редкие похвалы, которые с годами сменились раздражением и разочарованием. Отец злился из-за его промахов. Дев плохо учился, не слишком дружил со спортом и не отличался примерным поведением.

Старшие братья сильно отличались от него. Родители так восхищались ими, что Деву делалось больно. Когда-то он буквально боготворил отца...

Может быть, мысли, которые пришли ему в голову, вовсе не случайные. Конечно, он понимал, в чем дело. Все так же очевидно, как часы, которые когда-то носил отец, часы, стоившие больше, чем средний человек зарабатывал за год. Отец любил демонстрировать признаки своего благосостояния. И можно ли упрекать его за это? *Деньги доставались ему тяжело...*

«Девлин, деньги достались мне тяжело и вовсе не для того, чтобы ты все проматывал. Ты понятия не имеешь, на какие жертвы мне приходилось идти ради вас... своих близких».

Он услышал шаги. Тихие шаги на мягком ковре.

Обернулся, заметил Руби, которая кралась к двери, держа в руке сандалии.

— Руби! — прошептал он.

Она вздрогнула.

— Дев!

Он сел и включил лампу. Руби зажмурилась от яркого света. Она успела надеть красивое платье и жакет, но не причесалась и не поправила макияж. Дев невольно улыбнулся.

Когда он вышел из спальни, Руби крепко спала под простыней с улыбкой на лице. Он понял, что такого зрелища ему очень недостает по вечерам. Или по утрам? Кстати, который сейчас час?

— Я думала, ты спишь, — сказала она.

— А то заглянула бы попрощаться? — Голос у него прозвучал неожиданно хрипло, хотя он хотел ее подразнить.

— Да, — кивнула она и смущенно зачастила: — Хотя нет. То есть... я бы, конечно, попрощалась, если бы ты не спал, но я решила, что так даже лучше. Не будешь свидетелем моего позорного ухода.

— Позорного? — улыбнулся он.

Она порозовела.

— Так говорят. Конечно, мне не стыдно. Только... — Взгляд метнулся к потолку. — Я вовсе не рассчитывала, что проведу у тебя ночь.

Он не сказал «я тоже», потому что не хотел кривить душой. На такое окончание вечера он очень даже рассчитывал. Он не ожидал другого. Были мгновения, когда он смотрел на Руби, и ему казалось...

Дев рассеянно почесал голую грудь. На самом деле он не знал, что ему казалось.

Видимо, прочитав его мысли, Руби удивленно посмотрела на него.

— По крайней мере, ты последователен в своем высокомерии! — довольно весело заявила она.

Он пожал плечами. Не хватало еще извиняться!

— Я был прав.

— Мне пора... — Руби со вздохом поправила золотистую сумочку, висевшую на плече.

Дев с трудом встал. Надо сделать над собой усилие и вежливо проводить ее до двери.

Может быть, все дело в усталости. Может быть, оттого, что он долго просидел на низком диванчике, ныла нога, пострадавшая в той аварии... В общем, он пошатнулся.

Руби мигом оказалась рядом, крепко обхватила рукой его талию.

— Осторожнее! — шепнула она.

Хотя вряд ли она способна была удержать его, он все же не упал. Ничего страшного, просто нога затекла. Он стряхнул ее руку, злясь на себя и на нее. Как она могла подумать, что ему нужна помощь?

— Все в порядке, — буркнул он.

Но она не отпустила его, вернее, отпустила, но не совсем. Ее чуткие пальцы нащупали шрамы на левом бедре.

— А я и не заметила, — очень тихо сказала она. — Было темно, и мы так увлеклись, что у меня не было возможности посмотреть на тебя...

Ему казалось, что из кончиков ее пальцев исходят серебристые лучи. Она погладила его по плоскому, мускулистому животу.

Он собирался сбросить ее руку, но не стал.

Руби посмотрела на него исподлобья, и Дев решил: сейчас она спросит, что с ним.

И все же она удержалась от вопросов и отвернулась. В углу комнаты стоял рояль — подумать только! — и Руби стала разглядывать черную полированную крышку.

— Я недавно болел... Желудочный грипп. — Почему-то ему показалось, что он обязан объясниться. — Похудел, а набрать вес быстро не получается... — Он пожал плечами. — У меня хороший обмен веществ.

Она кивнула, но взгляда не отвела и по-прежнему гладила его, изучая, исследуя его тело. Пальцы ощупывали грудную клетку, соски, грудину. Потом поползли выше, к ключицам — и еще выше, к горлу. Их взгляды встретились.

— Тебе из-за живота не спится? — язвительно спросила она.

— Тебя это в самом деле не касается.

Она закрыла глаза и тряхнула головой:

— Конечно, не касается!

Она начала отдаляться от него; жар стал меньше.

Неожиданно он крепко обнял ее, притянул к себе. Руби удивленно посмотрела ему в глаза:

— Дев!

Он не удосужился ничего объяснить; он даже не знал, что на него вдруг нашло. Знал только одно: он еще не готов к тому, что она уйдет. Он нагнулся к ней и, заглушая

возможные вопросы, осыпал ее поцелуями.

В крошечную щель между плотными парчовыми шторами проник солнечный луч. Руби лежала на боку, подперев рукой голову, и смотрела на Дева. Он спал, повернувшись к ней спиной. Подсвеченная солнцем, его кожа казалась восхитительно оливковой. Она залюбовалась его фигурой, широкими плечами, узкими бедрами. Смятую простыню он сбросил к ногам. Спал он крепко, дышал ровно и глубоко. Руби попробовала его разбудить, чтобы попрощаться. Но он почти не шелохнулся, когда она мягко тронула его за плечо, а потом и потрясла. Поэтому она сдалась. И еще вспомнила темные круги у него под глазами. Гримерам приходится трудиться над ним... Он должен выспаться.

Выбраться из его постели оказалось труднее, чем она ожидала.

В прошлый раз она проснулась одна, и ей было легче. Она встала, позволила глазам привыкнуть к незнакомой обстановке — и вдруг оцепенела.

Что она наделала?!

У нее больше не кружилась голова от его взгляда, ласк и поцелуев. Ничего подобного она в жизни не испытывала! И все же сегодняшняя ночь была ошибкой.

У нее единственный выход: бежать. Забыть о прошлой ночи, затолкать ее куда-нибудь в подсознание. Когда-нибудь потом она будет с улыбкой вспоминать о том, как переспала с мировой знаменитостью... Ха-ха! Скорее всего, она вспомнит, какой была идиоткой, поддавшись на его чары. Неужели она так низко пала? Неужели ее способны околдовать внешность, улыбка и сила? Она уступила страсти, снова поддалась мечтам, действовала вопреки здравому смыслу и логике!

Но как же трудно от него уйти!

Дев перевернулся на спину.

Во мгновение ока Руби выскочила из постели, пятясь до тех пор, пока не добралась до шести ступенек, ведущих вниз, в роскошную ванну. Дев так и не проснулся.

Глядя, как равномерно поднимается и опускается его грудь, Руби чувствовала себя полной идиоткой. С одной стороны, не хотелось, чтобы он, проснувшись, понял, что она еще здесь. С другой стороны, ей совсем не хочется уходить... Она в отчаянии провела обеими руками по волосам. Как это на нее похоже! Что-то в Деве заставляло ее мыслить и действовать вопреки себе.

Может быть, все дело в том, как он вчера смотрел на меня? Как целовал меня?

Нет, с нее хватит!

Скорее всего, она подменила настоящего Дева героями, которых он играл в фильмах. Придала ему черты, которыми обладали его персонажи-супергерои: сильные, смелые, нежные, загадочные...

Худоба его бросалась в глаза. А может, он и правда чем-то болел?

Руби не верила слухам о нем, которые до нее дошли. Вряд ли он серьезно болен. И непохоже, что он переживает из-за того, что его бросила подруга. Может, он наркоман? Нет, не может быть.

И все же в его поведении было что-то темное, загадочное. Девлин Купер сложнее, чем кажется. А может быть, не нужно все усложнять?

Он упорно домогался ее, решив, что без труда уложит ее в свою постель в первую же ночь. Стоило ему сыграть галантного, очаровательного кавалера на свидании, и у него все получилось. Весь вчерашний вечер он занимался тем, что у него великолепно получается. Он

играл. Да. Вот что произошло!

Перед ней не измученная душа, а обыкновенный высокомерный актер. Кинозвезда.

Руби быстро оделась и, снова не обуваясь, вышла.

Она была благодарна дежурной, которая не выразила удивления при виде ее наряда и вызвала ей такси. Через несколько минут она была у себя в номере и лежала на неразобранной постели.

Ей казалось, что она будет жалеть о случившемся. Во всяком случае, так должно было быть. В голове повторялось одно и то же: она допустила ошибку, она вела себя как идиотка, о чем она только думала?

Но чувствовала она совсем другое. Она вспоминала, как заглянула ему в глаза, когда он чуть не упал. И раньше, на улице у ресторана. И как он смотрел на нее перед тем, как поцеловать ее в баре. С болью, со страстью. И... ну конечно, с вождением... и все-таки он был не такой, как другие. Что бы ни подсказывал ей разум, в глубине души она точно знала: Девлин Купер относился к ней не так, как другие. И прошлая ночь была особенной.

— Ну ты и дура! — сказала она себе вслух перед тем, как принять долгий горячий душ.

Руби захлопнула дверцу машины бедром — не слишком изящно, зато сильно. Можно было просто нажать кнопку на брелоке, но тогда пришлось бы куда-то убирать стопку документов, которую она держала в руках. Она представила, как бумаги разлетаются от ветра по всей округе, и решила, что в такой глухомани ее машину никто не угонит.

Она привезла на площадку исправленную версию сегодняшнего сценария. Поправки были напечатаны синим.

Съемки проходили в старом фермерском доме. Его пришлось перекрасить, а в паре комнат сделали перестановку. После того как они отснимут сцены в доме, все будет восстановлено. Но сейчас, взбежав по ступенькам, Руби как будто перенеслась на машине времени на двести лет назад.

Ей всегда нравилось наблюдать за тем, как возникает этот обман. Она не уставала удивляться, видя результат на экране. Она удивлялась и восхищалась, хотя точно знала, что красивая лестница никуда не ведет, а старинный каменный дом — на самом деле картонная декорация. В мире кино все реально — поэтому и она верила в происходящее.

Она осторожно переступала через толстые кабели, змеями выющиеся по полу, и грелась в лучах софитов. С трудом найдя в толпе линейного продюсера, она вручила ему исправленный сценарий. Он в ответ стал рассказывать новости.

Дев тоже находился в павильоне. Руби сама составляла вызывной лист и помнила, кто сегодня задействован в съемках.

Она была готова к встрече с ним. Утром она встречала его, когда он приезжал на площадку. Руби, как всегда, напоминала, чтобы он обращался к ней за помощью. Но сегодня его в машине не оказалось — как и в его вагончике. Вместо Дева ее там ждал телохранитель Грейм. Он объяснил, что Дев приехал заранее и ему больше не нужна ее помощь на площадке. Вспомнив, что он всю неделю приезжал минута в минуту, Руби кивнула. Приятно сознавать, что ей не придется целыми днями сталкиваться с ним на площадке.

Она рассчитывала, что отреагирует на него совершенно хладнокровно. И все же, увидев его, почувствовала внутри какой-то толчок... Сердце забилося чаще, и ее снова обдало жаром. Она ощутила его еще на расстоянии.

Он сидел за грубо сколоченным кухонным столом, вытянув ноги, пил кофе из бумажного стаканчика и о чем-то беседовал с режиссером.

Если Дев ее и заметил, то не показал виду. В своей мягкой кремовой рубашке, закатанной до локтей и расстегнутой на шее, он выглядел олицетворением спокойствия. Его совсем не волновало, что в пяти метрах от него стоит женщина, с которой он переспал всего сорок восемь часов назад. Может быть, он вообще ее не заметил?

Да кому какая разница?

Руби уже выполнила все, ради чего приехала сюда, но медлила, не спеша уходить.

Она обошла главного осветителя и главного оператора, увлеченных жарким спором об освещении комнаты, и вышла в коридор. Дев ни разу не посмотрел в ее сторону, и ей стало неприятно.

Она заставила себя быстро вернуться к машине. Ей в самом деле пора возвращаться. Села на сиденье и захлопнула дверцу.

Но вместо того чтобы вставить ключ в зажигание, она, к собственному удивлению,

какое-то время сидела на месте, глядя на дом.

Чего она ждала? Чтобы Дев бросился за ней следом, вытащил ее из машины и заключил в объятия? Конечно нет. Никто не должен знать, что между ними произошло. Никогда!

Даже хорошо, что он не обратил на нее внимания. Отлично! Ничего другого ей не нужно. Утром, когда он отказался от ее услуг, она вздохнула с облегчением. Что же изменилось сейчас?

Может быть, утром ей легче было рассуждать логически, потому что она не видела Девлина Купера?

Руби завела мотор и осторожно тронулась с места, выглядывая ямы и рытвины. Губы изогнулись в грустной полуулыбке. Какая нелепость! Почему ей так обидно? Естественно, он теперь будет ее игнорировать. Она внушила себе, что Девлин Купер глубокий, чуткий и заботливый. Конечно, все это неправда, такая же, как кухня начала девятнадцатого века, в которой он сидел.

Неожиданно скрипнула дверь, и Руби чуть не упала со стула. Она покосилась на громко тикающие настенные часы: семь минут десятого.

Поздно. Очень поздно. Даже Пол ушел двадцать минут назад. Должно быть, кто-то из охранников проверяет, здесь ли она. Придя к такому логическому выводу, Руби вздохнула и с улыбкой покачала головой. Конечно, охранник, кто же еще? Страшное чудовище?

— Крэг, я здесь! — крикнула она, слушая приближающиеся шаги. — Через несколько минут уйду!

На мониторе замигал конвертик: новое сообщение. Руби посмотрела на монитор. Дверь распахнулась...

— Крэг пьет пиво с моим водителем, но я ему обязательно передам.

Руби быстро обернулась. Правда, голос она узнала сразу.

Он стоял, непринужденно прислонившись к дверному косяку. В джинсах и черной толстовке он выглядел вполне на месте в новой обстановке.

В первый миг она отреагировала так же, как утром в доме фермера, — все ее тело напряглось, потянулось к нему. Губы сами собой растянулись в улыбке.

Потом она все вспомнила, перестала улыбаться и вскочила с места — так резко, что стул полетел на пол.

— Что ты здесь делаешь?

— Пришел к тебе, — удивленно ответил он.

— Зачем?

Дев скрестил руки на груди:

— Захотелось.

Сообразив, что ломает пальцы, Руби плотно прижала ладони к бедрам.

— Но ведь утром... — Она не договорила.

Он пожал плечами:

— Я решил, что правила сохраняются... и ты по-прежнему не хочешь, чтобы о наших отношениях знал кто-либо из съемочной группы.

Она покачала головой:

— Не важно. То есть... конечно, я не хочу, чтобы о нас ходили слухи... Не думай, что я на тебя обиделась, потому что ты не обратил на меня внимания. Наоборот, даже хорошо. — Она говорила путано, бессвязно и вздохнула, проведя рукой по волосам.

Дев отошел от двери.

— Я сразу тебя заметил, Руби, — сказал он, подходя к ней и понижая голос. — Тебя трудно не заметить...

Он остановился по другую сторону ее стола, наблюдая за ней.

Она невольно вспомнила ночь с субботы на воскресенье, хотя потом заставляла себя забыть о ней. Вспомнила его руки, ласкавшие ее, исследовавшие самые потаенные места...

Она затрепетала — и сразу вспомнила, где находится.

— Уходи, — велела она очень хладнокровно.

— Почему? — удивился он.

Она рассмеялась:

— Перестань, мы с тобой оба взрослые люди. Я прекрасно понимаю, что произошло в субботу. Можешь не говорить...

— Что мне не говорить? — Он наморщил лоб.

Она шумно выдохнула:

— Что продолжения не будет.

— Значит, ты решила, что я специально заехал к тебе, чтобы предупредить об этом?

— Зачем же еще?

— Не знаю. — Его взгляд переместился на ее губы. — Может, надеялся на еще один поцелуй.

От неожиданности Руби буквально онемела. «Еще один поцелуй»... Как романтично... Почему-то он запомнил их короткую близость, которую ей и в голову не приходило связывать с чем-то чистым и невинным... и снова хочет поцеловать ее.

— Но ведь поцелуй — это шаг назад, — нарочито грубо ответила она. В конце концов, та ночь ничего другого не заслуживает...

Он шагнул назад, как будто она оттолкнула его не только словами. Она заметила изумление в его глазах. Дев как будто хотел что-то сказать, но потом передумал. Он помрачнел и замкнулся.

— Не засиживайся допоздна, — сказал он с порога.

Всю неделю ему звонила мама. И всякий раз он не отвечал на ее звонки. Она оставляла сообщения, но он их не слушал. Не мог себя заставить. Он догадывался, почему мама звонит. После похорон прошло уже три месяца. И тогда он все узнал не от матери, а от Джаред... старшего брата. Джаред стал врачом, хирургом; он разговаривал привычным «докторским» голосом. Как всегда, Дева охватило раздражение. Он привык к тому, что брат разговаривает с ним покровительственно и приказывает чаще приезжать домой. Мама по нему скучает. Об отце речи не шло.

Но в тот день Джаред не читал ему нотаций. И Дев понял: случилось что-то очень, очень плохое.

Инфаркт... Ничто не предвещало. Спасти его не удалось.

«Отец умер. Похороны на следующей неделе. Можешь пожить у мамы. Ей будет полезно, она сейчас... потеряна».

Дев не собирался ехать на похороны. И не поехал.

Не отвечая на мамины звонки и не слушая ее сообщения, он чувствовал себя последним подонком, ничтожеством. Но он просто не находил в себе сил, ничего не мог с собой поделать.

Телефон звонил и сейчас, как звонил каждый день после того, как он приехал в Австралию. Придя в отчаяние, Дев сбросил вызов.

Он бесхребетный. Бесхарактерный.

Он вышел в ванную. Снотворных таблеток заметно поубавилось. Он помнил, что их нельзя принимать каждую ночь, врач предупредил его о побочных действиях. И все же, помня, что случилось на съемках предыдущего фильма, он понимал, что не имеет права рисковать. Тогда каждую ночь он был полон решимости на следующее утро успеть на площадку. Он заводил будильник «с запасом», перед тем как лечь, перечитывал сценарий... А потом ворочался без сна и пропускал время приема таблетки. Принимал снотворное гораздо позже, чем требовалось. И просыпал. Или, хуже того, просыпался вовремя, но ему было все равно, что с ним будет. Он не видел смысла вставать и ехать на съемки. Ему на все было наплевать.

Сейчас все по-другому. Правда, по утрам ему по-прежнему тяжело. Он часто не слышит звонка будильника или машинально отключает его. Хорошо, что есть Грейм. После стука телохранителя Дев заставлял себя встать и вспомнить, что он должен делать.

Он должен сниматься, играть. У него главная роль... Черт побери, он хороший актер! И его ждет вся съемочная группа.

Приехав в Австралию, он с энтузиазмом приступил к съемкам. Но последние несколько дней ему все труднее вставать по утрам. Он литрами заливает в себя кофе. И даже не удивился, когда в его вагончике неизвестно откуда появилась кофемашина.

Дев сунул таблетку в рот, набрал в сложенные руки воды из-под крана. Струйка воды потекла по шее. Он наклонился вперед, посмотрелся в зеркало. Под лампочкой особенно заметно, какие у него красные глаза, хотя гримеры капают ему специальные капли. Лицо осунулось, кожа обвисла... Пора взять себя в руки! Завтра все будет по-другому.

Дев выключил свет и плюхнулся на постель. Сбросил простыню.

Завтра все будет иначе.

Надо повторять одно и то же почаще, тогда он, может быть, сам себе поверит.

Руби стучала в дверь домика Дева. Дверь была очень красивая, со вставками из витражного стекла, и она боялась разбить витраж. Но гораздо важнее, чтобы Дев, наконец, явился на съемочную площадку. Срочно!

— Не беспокойтесь, — сказал стоявший рядом с ней Грейм. — Не разобьется.

Он шагнул вперед и уверенно, выдавая большой опыт, забарабанил в дверь. Та зашаталась под его мощными ударами.

Хрупкое стекло выдержало, хотя шум стоял оглушительный. Но никаких признаков жизни они не слышали.

— У вас есть ключ? — спросила Руби, стараясь рассмотреть что-нибудь сквозь цветное стекло.

— Нет, — ответил телохранитель.

Руби прищурилась, оглядывая дом.

Пол вызвал ее к себе в кабинет полчаса назад; она вылетела оттуда и успела в рекордный срок добраться до дома Дева. К сожалению, Дев должен был явиться на площадку за десять минут до того, как Пол заорал:

— Где Девлин Купер, черт его дери?

Время идет... а до площадки ехать еще двадцать минут... Но вначале нужно вытащить

Дева из дома и затолкать в машину.

Сбоку только два окна. Оба закрыты. Судя по всему, открыть их снаружи не получится.

Сзади к дому пристроили современное крыло и террасу, откуда открывался вид на горы. Правда, Руби было не до красивых видов. Она заметила, как колышутся светлые занавески в крошечной щели между раздвижными стеклянными дверями. Наверное, Дев не закрыл их, уходя... Или после того, как вернулся?

Где же он? На съемочной площадке его нет, на ее звонки он не отвечал. Если его нет в домике, она понятия не имеет, где его искать.

Она раздвинула двери пошире и вошла, отодвинув шторы. Внутри царил полумрак, хотя снаружи ярко светило солнце. Ее поразила тишина — полная тишина.

Впервые Руби пришло в голову, что Дев, возможно, не ночевал здесь. Она сразу же решила, что он где-то шатается, что у него есть дела поважнее этой... как ее... работы.

— Дев! — Ей хотелось громко крикнуть, но с губ слетел тихий шепот. Она откашлялась и попробовала еще раз: — Дев! — Ответом была тишина. Уж если он не слышал, как они с Греймом чуть не сломали дверь... Руби заволновалась.

Что, если слухи о нем правдивы?

Она знала, что многие знаменитости тщательно скрывают свои пристрастия, хотя редко кому это удастся. Но Дев... Трудно поверить. Она провела с ним ночь... Неужели она бы не догадалась?

Оглядевшись в гостиной, Руби стала открывать все двери подряд. В столовой пусто. В кабинете пусто. Да что ей на самом деле известно о Деве? Она вспомнила, какое мрачное у него иногда бывает лицо, какой пустой, остановившийся взгляд. Правда, не в те минуты, когда он смотрит на нее... Нет. Надо прекратить, перестать воображать то, чего нет. И забыть все, что было, как можно скорее. Сюда она приехала по делу. Ей поручили найти Дева и доставить его на площадку.

Зажужжал телефон — пришла новая эсэмэска, но она не стала смотреть, от кого. И так ясно — от Пола. Продюсер рвет и мечет. Где она и почему до сих пор не привезла Дева? Она должна была быть на площадке пять минут назад!

Еще одна комната, побольше. Тоже пустая.

Дальше — спальня. В ней кто-то был...

Скрипнула дверь на старых петлях. Она распахнула ее и задела вазу на прикроватной тумбочке.

Вскочив на постель, она изо всех сил потрясла его за плечо:

— Дев! Просыпайся!

В ногах у него валялась смятая простыня. Руки и ноги покрылись «гусиной кожей». В спальне холодно, потому что кондиционер работает на полную мощность.

— Дев!

Сердце у нее бешено билось, дыхание перехватило.

Неожиданно он перевернулся на спину и медленно открыл глаза.

Руби вздохнула с облегчением и уронила руки на колени. С минуту она сидела молча, тяжело дыша. Потом с трудом выговорила:

— Ты меня до смерти напугал!

Он с трудом вытер глаза; все его движения были нарочитыми и скованными. Повернул голову, чтобы посмотреть на нее; губы изогнулись в улыбке.

— Доброе утро! — хриплым, низким голосом произнес он, и в животе у нее снова стало

тепло...

— Ничего подобного! — воскликнула Руби. — Утро совсем не доброе, мистер Купер. Вы проспали!

Он растерянно прищурился, потом потянулся к ней, погладил бедро:

— Иди ко мне!

Она отпрянула, но, видимо, не так быстро, как следовало. Он притянул ее к себе, проявив неожиданную силу. А может, все дело было в том, что она не сопротивлялась.

Она очутилась на нем верхом и смотрела сверху вниз на его невероятно красивое лицо. Мысли в голове путались; она совершенно забыла, что собиралась сказать.

Дев не выпускал ее руку и гладил пальцем тыльную сторону ладони. Руби хотелось отбросить его руку, но не было сил. Вторая рука ласкала ее запястье, предплечье... Потом он обхватил ее за талию и потянул на себя.

Руби ахнула. Он успел согреться, и от него волнами исходил жар, передаваясь ей. Его глаза уже не были сонными. Она прочла в них вопрос и желание...

До поцелуя оставалось всего несколько миллиметров...

Усилием воли Руби заставила себя спрыгнуть с кровати. Отвернувшись, она несколько раз глубоко вздохнула.

Так нельзя... Она не может... не имеет права так поступать!

Сзади послышался тихий смех, эхом отдавшийся во всем ее теле. Она круто развернулась, впившись ногтями в ладони:

— Над кем ты смеешься?

Он успел сесть, прислонившись к кованому изголовью кровати. Окинул взглядом ее всю — от высоких сапожек, в которые она заправила джинсы, до тонкого шерстяного джемпера поверх нескольких футболок, помогающих согреться в промозглый весенний день.

— Над тобой, — ответил он. — Что с тобой?

— Со мной?! — Руби шумно выдохнула. — Со мной все в полном порядке! Зато тебя ждут на площадке... — она выхватила из кармана телефон, глянула на экран, — уже больше часа.

Глаза его сверкнули, а лицо стало другим. Руби не поняла, что вдруг изменилось. Что его так разозлило или... разочаровало.

Вскоре она увидела знакомое высокомерное выражение. Он запрокинул голову назад, потом медленно повернулся к ней, всем существом выражая полнейшее равнодушие. Все, что он делал, казалось... отрепетированным.

Прищурившись, Руби смотрела на него в упор, стараясь понять, где же настоящий Дев... Нет. На это у нее нет времени.

— Мистер Купер, вам пора ехать. Тогда мы не потеряем все утро.

Он кивнул:

— Да. Понимаю, как тебе это нужно. — Он не двинулся с места.

Руби шагнула вперед. Дев покосился на ее руки, по-прежнему стиснутые в кулаки.

— Вы плохо себя чувствуете, мистер Купер?

Он покачал головой:

— Кому как не тебе знать, что я совершенно здоров.

Руби обдало жаром, но она продолжала, подходя к самой кровати:

— Тогда вставайте немедленно. Вас ждет вся съемочная группа.

Он пожал плечами, снова посмотрел на ее кулаки, которые она даже не пыталась

разжать. Руби так злилась... она была готова в самом деле его ударить!

— Мистер Купер, не сомневаюсь, вы помните о своих обязанностях по контракту.

— Конечно, — кивнул он, но продолжать не стал.

Руби вздохнула. Он прекрасно все понимал. Они уже отсняли много материала, кроме того, скоро Аризона уезжает. Надо спешить. Продюсеру уже не удастся заменить исполнителя главной роли, тем более на другую звезду мирового масштаба.

— Ладно, — сказала она. — Ближе к делу. Ты должен как можно скорее явиться на площадку. Непонятно, почему сегодня ты решил остаться в постели, отлично понимая, что от успеха фильма зависит судьба многих людей.

— Согласен, — сухо ответил Дев, по-прежнему не шевелясь.

— Тогда объясни, — Руби больше не изображала из себя крутую профессионалку, — что мне сделать, чтобы вытащить тебя отсюда?

Наконец-то он улыбнулся. По-настоящему, радостно. От такой улыбки что-то екнуло у нее внизу живота. Она презирала свое тело за его первобытные реакции, с которыми у нее не было сил справиться при всем желании. Неожиданно до нее дошло: Дев с самого начала ждал от нее этого вопроса.

— Окажи мне услугу, — сказал он, не сводя с нее пристального взгляда, который она даже не пыталась истолковать. Да и зачем? Разве она не решила, что он — просто актер, способный прекрасно изобразить любое чувство, любую эмоцию, нужную в тот или иной момент?

— Что за услуга?

Он снова пожал плечами:

— Я еще не решил.

— Неужели ты серьезно думаешь, что я соглашусь? — возмутилась она.

Он продолжал молча пожирать ее взглядом. Потом равнодушно улегся на подушку и отвернулся от нее.

Мысли путались у Руби в голове. Что делать? Может, привести Грейма? Вдвоем им удастся кое-как запихнуть Дева в машину... Она покосилась на Дева. Не получится. Он не слабак. А если позвонить Полу? Пол поручил доставить Дева ей. Пол ждет, что она все устроит. Как только он все ей объяснил, задача перестала быть его головной болью. А ей выкручиваться!

— Услуга не должна быть связана с нарушением закона, — сказала она наконец.

Повернувшись к ней. Дев снова улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой. Руби готова была возненавидеть себя. Ее тело снова стремилось к нему, хотя время казалось самым неподходящим.

— Все совершенно законно.

— И еще... — Отвернувшись. Руби принялась разглядывать красивый карниз. — Услуга не должна быть связана с поцелуями... и прочим.

Он быстро встал. Руби повернулась к нему. Его глаза больше не были пустыми, но она не могла понять, о чем он думает.

— Значит, ты так легко?... — начал он и осекся. По его лицу пробежала тень. — Согласен, — глухо проговорил он.

Руби попятилась.

— Значит, ты поедешь на съемку? Сейчас, сию же минуту?

Он кивнул.

— Ладно, — вздохнула она. — Услуга... Договорились.

Ей показалось, что Дев снова улыбнется, но он не улыбнулся. Продолжал смотреть на нее с совершенно непроницаемым видом. Она пятилась до тех пор, пока не очутилась в коридоре, откуда громко крикнула, чтобы слышал телохранитель:

— У вас две минуты! Встречаемся у входа. — Она снова была координатором производства. Не дожидаясь ответа, она просто ушла. Подальше от него, от собственных смущения и желания — адской смеси, которая поднималась в ней всякий раз, как она видела Дева.

Выйдя на террасу, Руби посмотрела в безоблачное небо. Интересно, на что же она только что согласилась? Что она натворила?

Шли дни. Прошла неделя. Ничего.

Руби почти не встречалась с Девом. Несколько раз, когда она выезжала на площадку, Дев даже не замечал ее — по крайней мере, у нее возникало такое впечатление. Когда несколько раз после работы она приходила ужинать в паб, она нарочно садилась спиной к двери и старалась вести себя, как обычно. Разговаривала, смеялась. Внушала себе, что ей все равно, придет Дев или нет. Потом она возненавидела себя за то, что озиралась через плечо всякий раз, как слышала тяжелые шаги. Просто на всякий случай.

Иногда она тешила себя мыслью, что он забыл об их уговоре. В тот день он был полусонный и ничего не помнит. А может, просто сказал и забыл. Правда, в глубине души она сама себе не верила.

Под вечер субботы, после трудной рабочей недели, Руби больше всего хотелось броситься в постель и проспать до понедельника. Но она совсем не удивилась, когда увидела Дева на эвкалиптовой скамейке рядом с ее мотелем.

Он переоделся в джинсы, футболку и черный пиджак. На лоб надвинул бейсболку; глаза закрывали темные очки. Как только она вышла из машины, он встал.

Руби заперла машину и с небрежным видом зашагала к нему. Только ключ от номера пришлось искать чуть дольше обычного.

— Тебе кажется, что в таком виде тебя никто не узнает? — спросила она, поднявшись на крылечко. — Вряд ли тебе удастся кого-то провести.

— Просто удивительно, как часто меня не узнают на улице, — протянул он, многозначительно глядя на нее.

Руби вспыхнула, вспомнив их знакомство, и принялась старательно отпирать дверь.

— Заходи, — пригласила она, когда дверь открылась. — Иначе по городку поползут слухи.

— Ты придаешь слухам большое значение, да? — спросил он, входя следом за ней. — Считаешь важным то, что о тебе говорят...

Руби толком не знала, как себя вести. Она ведь понятия не имела, зачем приехал Дев.

— Мне кажется, кто-кто, а ты должен понимать. — Она швырнула сумку на крошечную кухонную скамью. — Если вспомнить, сколько сплетен в мире ходит о тебе. — Она решительно отправилась заваривать чай.

— Для меня сплетни — неизбежное зло. Не думай, что слава — сплошные преимущества и никаких недостатков.

Руби включила чайник, нашла две кружки. У одной ручка была надколота. Почему-то чай для Дева в такой непритязательной обстановке казался более невероятным, чем все, что между ними случилось. Стараясь привести мысли в порядок, она машинально трогала щербинку на кружке.

Зачем он здесь? И какую услугу у нее попросит?

Наблюдая за ней, он положил ладони на столешницу.

— Руби!

Она попыталась вспомнить, о чем они говорили, и напомнима сама себе:

— Сплетни... Я не знаменитость. И в слухах обо мне мало хорошего... Так что было бы странно, если бы я относилась к сплетням равнодушно.

— По-моему, ты слишком озабочена своей незапятнанной репутацией. Когда речь заходит о Руби Белл, не допускается даже намек на сплетни... или непрофессионализм.

Руби довольно изящно фыркнула:

— Моя репутация вовсе не незапятнанная, уверяю тебя.

Дев удивленно поднял брови. В ответ Руби пожала плечами. Затем бросила в их чашки чайные пакетики.

— Я ведь тебе говорила, что юность у меня была довольно бурная. Мои выходки часто становились пищей для сплетников. Обо мне много говорили. Иногда говорили правду, но чаще нет. Если верить всему, что обо мне болтали, к семнадцати годам я переспала чуть ли не со всем городом. — Руби взяла чайник и улыбнулась, заметив, как удивился Дев. — Не смотри на меня так! Я не была такой плохой, как обо мне говорили, но свою репутацию вполне заслужила. Я вовсе не хвастаю: с прошлым покончено. Тогда я была очень молода и очень наивна. Но я умею учиться на своих ошибках. Я уже не та, что была тогда.

— Ты не из тех, о ком сплетничают.

Руби снова улыбнулась, радуясь, что он ее понял.

— Вот именно. Мне надоели разговоры за спиной, перешептывания и косые взгляды. Раньше я старалась вести себя еще хуже нарочно. Не понимала, что большинству из тех, кто чешет языки, на меня наплевать. Хотя когда-то просто очень хотелось, чтобы меня замечали... — Руби невесело усмехнулась. — И знаешь что? Именно я сама поняла, что должна измениться, должна вырасти. Замечания тех, кто обожает совать нос в чужие дела, ни на йоту не повлияли на меня!

Она не сразу сообразила, что кричит, а чай разлился по рабочему столу. Вскрикнув, она схватила посудное полотенце и принялась вытирать горячую жидкость.

— Что случилось? — спросил Дев, подходя и отнимая у нее полотенце.

Руби посмотрела на свои ноги, пошевелила пальцами.

— Я не говорила, что что-то случилось, — возразила она.

— Но ведь случилось?

Она резко вскинула голову вверх, губы зашевелились... Неожиданно она сообразила, где находится и с кем. Она в обшарпанном номере мотеля, а рядом с ней один из самых знаменитых мужчин в мире. Ему совсем не нужно знать, что с ней случилось. И она промолчала.

Руби казалось, что Дев начнет расспрашивать, настаивать... но он молча взял у нее кружки и вылил остатки чая в раковину.

— У нас, так или иначе, нет времени на чай, — сказал он, по-прежнему стоя к ней спиной.

— Это еще почему? — Она пришла в замешательство. Потом вдруг вспомнила — единственная причина, по которой он мог к ней приехать. Она вздохнула. — Наш уговор!

Он медленно развернулся и прислонился к кухонному шкафчику.

— Наш самолет вылетает через час.

Руби ахнула.

Дев улыбнулся своей дьявольской улыбкой, к которой она постепенно привыкала.

— Мы должны успеть в Сидней... на один прием. Ехать на машине нет времени, поэтому я зафрахтовал самолет. — Всего-то!

— На прием? — спросила Руби, когда к ней вернулся дар речи.

— Небольшой, в частном доме. День рождения у... одной знакомой.

Он произнес последние слова так, словно больше ей ничего знать не полагалось. Руби встала, не сводя с него взгляда, и он нетерпеливо прищурился:

— Тебе пора укладывать вещи.

— А если у меня на сегодня другие планы?

Он пожал плечами:

— Ты ведь согласилась с уговором.

— Я не соглашалась куда-то лететь по твоей прихоти.

Он широко улыбнулся:

— Руби, ты мне правда нравишься.

— У меня на сегодня другие планы! — решительно повторила она.

Ему не обязательно знать, что в ее планы на вечер входила лапша быстрого приготовления и стопка дисков с романтическими комедиями.

— Надо было думать раньше. Договориться, что я сообщу тебе о своих планах заранее и так далее. Но ты этого не сделала. Поэтому собирайся. Ты обещала оказать мне услугу, так выполняй.

Руби подумала, что спорить бесполезно. А может, наотрез отказаться? В конце концов, не вытащит же он ее из номера насильно!

Возможно, он прочел по ее глазам, о чем она думает.

— Руби, речь идет всего лишь о частной вечеринке. Обещаю, ничего зловещего. Может быть, тебе даже понравится.

Она все же колебалась. Он такой самоуверенный, нисколько не сомневается, что все выйдет так, как он захочет...

— И мне очень не хочется ехать туда одному.

Последнее предложение он произнес резче, чем предыдущие. Но, как ни странно, не так убежденно. И даже наоборот...

Поэтому, неожиданно для себя, она принялась собирать свой красный дорожный чемоданчик.

Через десять минут она сидела рядом с ним на заднем сиденье внедорожника. В аэропорт их привез Грейм. А впереди их ждала загадочная вечеринка.

Роскошная «сессна» менее чем за час преодолела расстояние в четыреста пятьдесят километров между аэропортом Люсивилля, где базировался местный аэроклуб, и частным аэродромом, примыкающим к Сиднейскому международному аэропорту.

Разумеется, по пути Руби засыпала Дева вопросами, на которые тот отвечал односложно.

— Как зовут знакомую, у которой день рождения?

— Роз.

— Кто она такая?

— Знакомая. — Последнее слово ему удалось произнести более уверенно — и все же Руби удивилась.

— Сколько там будет народу?

— Человек пятьдесят... — Он понятия не имел.

— Где будет прием?

— У нее дома.

— Почему ты не хочешь ехать туда один?

Он молча пожал плечами. А потом оказалось, что они уже садятся на узкую полосу асфальта между ангарами, и времени на вопросы уже не осталось.

Они взлетели после того, как стюардесса продемонстрировала им, как вести себя в случае аварии. Руби восхищалась роскошными кожаными креслами в салоне и полностью оборудованным кухонным отсеком за кабиной пилота.

Дев улыбнулся. Деньги очень облегчают жизнь, а иногда, как, например, сейчас, способны даже доставить удовольствие.

К счастью, вскоре Руби отвлеклась и перестала выяснять, куда именно они летят. После того как он объяснил, что на прием поедут сразу из аэропорта, она надолго заперлась в крошечном туалете, метнув на него гневный взгляд. Потом она вышла, наградив его таким же взглядом, только уже накрашенная. Она села рядом с ним перед самой посадкой.

— У меня нет ничего подходящего из одежды!

— Выглядишь замечательно, — заверил ее он совершенно искренне.

Ей очень шли коричневые кожаные сапожки, кремовая блузка и темно-синий бархатный блейзер.

В ответ она только глаза закатила. Перед самым прилетом она снова удивилась, когда он вышел переодеться.

— Всего две минуты, чтобы выглядеть вот так?! В самом деле?

Но она улыбалась, и Дев неожиданно для себя обрадовался.

Они сидели на заднем сиденье еще одного черного внедорожника, на сей раз с новым шофером. Немного ошарашенного Грейма они оставили в Люсивилле. Правда, он почти ничего не мог поделать, ведь ему Дев не заказал места в самолете. Принять последнее решение оказалось непросто. Он с тоской ждал выволочки от Вероники.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но пока... надо подумать о том, что его ждет.

По пути Руби несколько раз пыталась завязать разговор, но Дев отвечал односложно. Он смотрел в окошко, но ничего не видел. Сидней расплывался разноцветными пятнами. Чем ближе к месту назначения, тем труднее ему было сосредоточиться.

Обрывки голосов, смех, минуты гнева, заговорщические смешки. Воспоминания представляли перед ним расплывчатые, как коллаж.

Когда шофер въехал в знакомые резные ворота, Дев прислушался, ожидая, что колеса заскрипят по гравию, но было тихо. За те четырнадцать лет, что его не было, подъездную дорогу успели заасфальтировать.

Опытный водитель ловко притормозил перед ступенями, ведущими ярусами к парадной двери. У дома на дорожке стояло еще много машин.

Руби распахнула дверцу и вышла почти сразу же, как они остановились. Подбоченившись, принялась оглядывать дом, сад и гостей, поднимавшихся наверх, ко входу.

Показав водителю, куда ехать, Дев догнал Руби. Они зашагали рядом. Таинственный прием до сих пор несколько не смущал ее. Жаль, что не было времени как следует подготовиться. Она досадливо вздыхала, когда Дев не отвечал на ее расспросы.

Но, в общем, она оставалась прежней деловитой Руби. Как на съемочной площадке, она держалась хладнокровно и сосредоточенно. Ему показалось, что он читает ее мысли: «Всего лишь частная вечеринка. Ерунда!» Однако теперь, когда они оказались на месте, он заметил в ней некоторую скованность.

Она повернулась к нему; на лбу проступили крошечные морщинки.

— Кто я? — спросила она.

Дев не сразу понял, что она имеет в виду.

— То есть... если кто-нибудь спросит?

Она кивнула.

Господи! Откуда ему знать? Он почти не понимал, почему сам оказался здесь, не говоря уже о том, как представить свою неожиданную спутницу.

— Скажи, что ты — моя... — Он собирался сказать «моя девушка», ожидая увидеть знакомую вспышку в ее глазах, восхитительную смесь страсти и гнева. Но сегодня ему не хотелось ее дразнить. Нет, он не назовет ее «своей девушкой», потому что она вбила себе в голову: они больше никогда-никогда не станут встречаться. — Моя знакомая, — закончил он, сам себе не веря.

Назвать Руби «знакомой» — все равно что назвать «знакомой» Роз. Он понял, что сказал что-то не то, потому что Руби вдруг отвернулась и задрала голову, глядя на луну.

— А может, проще будет представить меня просто коллегой? — язвительно предложила она.

Ему не хватило времени ответить и даже начать думать, в чем он ошибся, когда она быстро зашагала к дому. Он догнал ее почти у самой двери, где плотный мужчина в отлично сшитом костюме — тем не менее в нем безошибочно угадывался охранник — вытаращил глаза, узнав его. Охранник молча распахнул перед ними дверь, и они попали в толпу гостей. Руби с любопытством косилась на него. Дев догадывался, о чем она думает. Все гости были старше их лет на двадцать — тридцать.

Голоса затихли; люди по очереди поворачивались к нему; радостный гул сменился осторожными перешептываниями.

Им навстречу вышла элегантная платиновая блондинка. Изящное платье очень шло к ее великолепной фигуре. Трудно поверить, что ей исполнилось шестьдесят!

Ее глаза, так похожие на его глаза, широко раскрылись. Деву захотелось отвернуться и убежать.

С достоинством, как всегда, она приблизилась к ним. Она широко улыбалась. Неожиданно для себя Дев улыбнулся в ответ — правда, не так широко и не так радостно. Ему показалось, что он несколько часов сдерживал дыхание. Инстинктивно он потянулся к Руби и взял ее за руку, словно искал помощи.

— Руби, это Роз, — начал он, — моя...

— Мама, — закончила она.

Не глядя на него, Руби пожала руку хозяйке дома и поздравила ее с днем рождения.

— Я Руби, — пояснила она, — коллега Дева.

Мама посмотрела на их сплетенные руки, потом сыну в глаза. Ей о многом хотелось его спросить, но Дев не собирался объясняться.

Прошло довольно много времени, и Дев понял, что снова допустил оплошность. Надс было сразу обнять маму... но он как будто окаменел. Отвык.

А потом оказалось, что уже поздно. Мама сказала что-то ужасно вежливое, засмеялась своим милым, приятным смехом и скрылась в толпе. Дев заметил на лицах многих приглашенных скрытое осуждение. Он прекрасно знал, что о нем думают. Он не приехал на похороны отца.

Зря он все затеял!

Дев по-прежнему держал Руби за руку. Он бы с радостью вытащил ее на улицу, к

машине, если бы сзади не входили другие гости. Он повел ее в одну из парадных комнат — «библиотеку», как называла ее мама. Библиотека не изменилась — те же стеллажи с книгами от пола до потолка, те же персидские ковры. Войдя, Руби выпустила его руку и закрыла за ними дверь.

— Дев, значит, сегодня день рождения твоей матери?! — Она слегка повысила голос. — Ты пригласил меня на день рождения своей матери?!

Он кивнул. Что еще он мог сказать?

Она снова подбоченилась и глубоко вздохнула:

— Ладно. Может, объяснишь, что здесь происходит?

Руби изо всех сил старалась держаться, хотя сейчас ей больше всего хотелось запустить в Дева чем-нибудь тяжелым. В какую игру он играет? И кем себя вообразил?

В углу мерцал торшер. В камине плясало пламя, в свете которого поблескивала кожаная обивка диванов и мягких кресел. Дев плюхнулся в одно из них, вытянув ноги, запрокинув голову назад, и уставился в потолок.

— Если хочешь, мы сейчас же уйдем, — сказал он, не дожидаясь ее следующей реплики.

Тихие и неожиданные слова заставили ее проглотить то, что она собиралась выпалить. Ей как-то расхотелось кричать и ссориться; она помнила лишь одну его фразу: *«И мне очень не хочется ехать туда одному»*.

— Уйдем?

— Ну да, — ответил он. — В Дарлинг-Харбор есть неплохой ресторан... Надеюсь, для нас там найдется столик.

Руби присела на ручку кресла напротив Дева. Ее ноги оказались совсем рядом с его кожаными туфлями.

— Почему ты хочешь уйти с дня рождения матери? Учитывая, сколько пришло гостей, у нее, наверное, круглая дата?

— Шестьдесят лет.

Руби кивнула.

— Так почему ты хочешь уйти? — повторила она.

Он резко встал и сунул руки в карманы.

— Зря я сюда приехал. Сам не знал, о чем я думал.

— Что значит «зря»?

Дев смотрел на огонь.

— Да вот то и значит. Зря.

Он посмотрел на нее, но в тусклом свете она почти ничего не разобрала.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Руби.

Он покачал головой:

— Тебе и не нужно ничего понимать. Пошли.

Его пальцы сжали дверную ручку, но Руби проворно преградила ему путь.

— Мне не нужно ничего понимать? — Она зловеще прищурилась. — Хочешь сказать, что я должна была лететь с тобой неведомо куда и не задавать вопросов?

— Да, — ответил он. — Это было бы идеально. — Он отвернулся, потер лоб.

Руби заметила, что круги под его глазами стали более отчетливыми. Неожиданно она провела пальцем по его скуле. Он дернулся, но не двинулся с места.

— Сегодняшний вечер как-то связан с этим? — Она ласково погладила его по лицу, намекая на черные круги.

Их взгляды встретились; на миг он раскрылся. Он не просто безмолвно ответил «да», в его взгляде читалось нечто большее. В нем бушевала настоящая буря, о которой раньше она лишь догадывалась.

Но на поверхности были... Грусть? Горечь утраты? Да. И еще чувство вины.

Вскоре все прошло. Дев мягко, но твердо отвел ее руку от своего лица.

— Пошли, — велел он и снова потянулся к двери.

Руби снова дотронулась до него, накрыв его ладонь своей:

— По-моему, нам лучше остаться.

Он смотрел на их руки. Руби чувствовала его напряжение, скованность.

— Зачем?

— Затем, что ты сам хочешь остаться.

— Откуда ты знаешь? — удивился он.

Руби не знала — только чувствовала. Она пожала плечами, решив, что лучше вообще ничего не говорить. Она немного отстранилась. В конце концов, решать Деву. Она ведь в самом деле не знает, какие у него отношения с родными. Она последний человек, способный давать кому-то советы в семейных делах.

На самом деле Дев прав: ей и не нужно ничего понимать. Ни то, зачем он привез ее сюда, ни то, почему он хочет уйти, — и уж точно не то, почему его красивая, элегантная мать смотрит на него и с радостью, и с болью.

Она не хочет ничего понимать! Его дела ее не касаются.

Она ему никто. «Знакомая», как он сам сказал. Девушка на один вечер. И даже это неправда, хотя она чувствовала себя полной дурой.

«Коллега» — вот более емкое слово. Единственные отношения, которые их связывают, — отношения по работе.

Внезапно ей стало не по себе.

Несмотря ни на что, она могла думать только о Деве, о черных кругах у него под глазами.

— По-моему, мы должны остаться, — тихо повторила она.

Дев открыл дверь, пропуская ее вперед. Вид у него сделался расслабленный и равнодушный.

— Ну как? Готова? — спросил он, указывая на дверь.

Руби кивнула в ответ, и он следом за ней вышел в коридор.

Гости собирались в саду, выходя из больших раздвижных дверей. В траве стояли металлические обогреватели. Фонарики на солнечных батареях освещали дорожки между ровными живыми изгородями и тщательно подстриженными гардениями. Неподалеку, в парке Шелдон-Форест, высились тридцатиметровые эвкалипты. Роз Купер славилась своими приемами. Деву попеременно хотелось то остаться, то уехать...

— Девлин!

Дев тяжело вздохнул, развернувшись на знакомый голос.

— Джаред! — воскликнул он так же принужденно и фальшиво, как его старший брат. Сколько они не виделись? Два года? Пять лет?

Джаред немного раздался в талии: на висках заметнее проступила седина. Но

выражение его лица — гнев, смешанный с досадой — нисколько не изменилось. Джаред, как и их отец, нелегко менял мнение.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Джаред представился Руби, завел светскую беседу. Вскоре он перешел к делу.

— Мама рада, что ты приехал.

Дев кивнул.

— А ты нет.

— Вот именно. Потому что ты рано или поздно чем-нибудь ее заденешь. — Брат отпил большой глоток пива.

— Я не для того сюда приехал.

Джаред пожал плечами. Одними губами поздоровался с кем-то за спиной Дева. Он всегда был такой — лощеный, безупречно воспитанный. Идеальный сын — как и средний брат. Зато Деву до идеала всегда было далеко.

— Напрасно ты приехал, — сказал Джаред почти дружелюбно, как будто они обсуждали футбольный матч. Он посмотрел брату в глаза: — Но раз уж ты здесь, постарайся не испортить маме праздник, хорошо? Она впервые пригласила гостей с тех пор, как... — Джаред вздохнул, и на его лице проступила боль потери.

Дев испытал чувство сожаления. Что делать? Он хотел пожать брату руку, но тот ее словно и не заметил.

— Не подведи ее снова, — стиснув зубы, процедил Джаред и, не дожидаясь ответа, повернулся к Руби: — Рад был с вами познакомиться. — Он развернулся и зашагал прочь.

— Дев! — Чья-то рука тронула его за плечо. Руби смотрела на него снизу вверх. — Что с тобой?

— Все нормально... Выпить хочешь?

В ответ она только улыбнулась.

Через несколько минут он нашел ее в саду, на скамеечке. Рядом с ней сидел какой-то гость и, видимо, рассказывал что-то смешное. Руби хохотала от всей души.

— Она со мной, — рявкнул Дев, останавливаясь перед ними.

Ни дать ни взять пещерный человек! Спутник Руби поднял голову, и Дев понял: он сразу сообразил, кто перед ним. Не говоря ни слова, незнакомец встал и ушел.

Руби неодобрительно покачала головой:

— Ты повел себя грубо... и бестактно.

Он протянул ей бокал с шампанским.

— От меня ждут чего-то в таком роде... И потом, формально я прав. Ты в самом деле пришла сюда со мной.

Она едва заметно улыбнулась:

— Ты не это хотел сказать.

Он пожал плечами:

— У меня хватает забот помимо хлюпика, который даже не может за себя постоять!

Руби мелкими глотками пила шампанское и разглядывала сад.

— Да... у меня сложилось такое мнение... Может, все-таки объяснишь, что здесь происходит?

— Нет.

Она подвинулась, закинула ногу на ногу.

— Зачем, собственно, ты привез меня сюда?

— Сам не знаю, — буркнул он, понимая, что она заслуживает откровенности — даже если он не может ей ответить.

«И мне очень не хочется ехать туда одному».

Те слова вырвались у него в неожиданный миг откровенности. Он внушал себе, что с ней будет веселее, что она будет отвлекающим моментом... Да, именно так он о ней думал. Глядя в ее глаза, в которых читалась тревога за него, он понял, что определение «отвлекающий момент» к ней не подходит.

Если он хотел отвлечься, достаточно было сказать Веронике. Она бы прислала ему сногсшибательную красотку, не задающую лишних вопросов.

Но такая спутница ему не нужна. Ему нужна Руби. Он воспользовался предложением, из дурацким уговором... захотелось одержать над ней верх. На самом деле он и не думал ничего у нее требовать.

Он ловко манипулировал ею — уже не первый раз. И снова не чувствовал себя виноватым. Он радовался, что здесь с ним именно Руби... А не кто-нибудь другой.

— Я слышала, твой отец умер, — очень тихо сказала она. — Кто-то из съемочной группы обмолвился... Мне очень жаль.

— Мы не были близки, — отмахнулся он. — Даже наоборот.

— Мне очень жаль, — повторила она.

— Я не поехал на похороны, — вдруг признался он, неожиданно для себя.

— Не успел? — спросила она, и Дев обрадовался, что она пришла к такому выводу, пусть и ошибочному.

— Отец наверняка не захотел бы, чтобы я присутствовал на его похоронах... Мы с ним... расходились во многом. — И это еще мягко сказано.

Дев стал ждать, что она его осудит. Скажет, что он неправильно поступил.

— Твой брат поэтому так злится на тебя?

Дев натянуто улыбнулся:

— Ну да... И еще по многим причинам.

— Ты — третий лишний?

Он хрипло хохотнул:

— Да.

— А с мамой вы близки?

Он кивнул.

— Но в последнее время ты с ней почти не виделся? — Должно быть, он с любопытством посмотрел на нее, потому что Руби поспешила объяснить: — Она страшно удивилась, когда увидела тебя. Сразу заметно, что ты нечасто приезжаешь к ней ужинать.

— В этом доме я не появлялся много лет. Десять или больше. Когда я виделся с мамой, то всегда где-то еще. Например, в ресторане...

— Из-за отца?

Он снова кивнул.

Какое-то время оба молчали; до них доносились обрывки разговоров и смех.

— Паршиво, в самом деле, — заметила Руби. — У тебя есть братья, родители — а ты с ними не общаешься.

Дев понимал, что она имеет в виду. У нее самой нет никого. Нет близких, с которыми можно не общаться.

— Иногда мне кажется — лучше бы их не было. — Родственники неизменно

ассоциировались у него с чувством вины и неудачи — его неудачи. И разочарования — их разочарования. Все, кроме мамы. Правда, она получила утешительный приз, так как постоянно волновалась за своего младшенького.

— Что за глупость! — воскликнула Руби так пылко, что он поморщился.

— О чем ты?

Она не отступила — правда, она никогда не отступала.

— Ты меня слышал. — Она говорила беззлобно, и что-то в ее уверенном тоне, каким она обвинила его в глупости, заставило его улыбнуться.

— Руби Белл, ты мне нравишься.

— Ты уже не первый раз так говоришь.

Он встал, протянул ей руку:

— Кажется, я понял, зачем пригласил тебя с собой.

— Пригласил? Это называется «пригласил»?

И все же, взяв его под руку, она улыбнулась. Ее пальцы были прохладными, но там, где они касались его кожи, ему делалось жарко.

— По-моему, нам здесь понравится.

Что бы ни думала Руби, сейчас ему не нужно ничего говорить. Но и бездумно отвлекаться тоже не нужно.

Ему нужна Руби.

Позже — гораздо позже — Руби прислонилась к зеркальной стенке отдельного лифта, который поднимал их в пентхаус, и улыбнулась Деву.

— Было весело, — сказала она. Голова кружилась от шампанского, ноги приятно болели после танцев.

— Ага, — с немного удивленной улыбкой подтвердил он. — Знаю.

Дверцы лифта разъехались в стороны, и Руби вышла, цокая высокими каблуками. Лампа на столике светила приглушенным светом.

Пройдя два шага, она вдруг остановилась.

— Где я буду спать?

Дев рассмеялся, и Руби развернулась к нему. Он прислонился к стене рядом с лифтом и смотрел на нее с веселыми огоньками в глазах.

— Я заказал тебе номер этажом ниже, — сказал он.

— Что тут смешного? — спросила она, прищуриваясь больше по привычке. В какой-то миг он перестал так уж сильно раздражать ее. Более того, почти весь сегодняшний вечер он производил приятное впечатление... если забыть о том, что он заставил ее полететь с ним.

— Лифт идет только сюда. Чтобы попасть к себе в номер, тебе сначала придется спуститься в вестибюль, а потом снова подняться. Когда мы сюда пришли, я как-то не подумал.

— Ясно, — кивнула она.

Дев не двинулся с места. Куртку он небрежно набросил на руку; рубашка вылезла из брюк. Другой на его месте выглядел бы неряшливо. Он же... лишь стал в ее глазах еще привлекательнее.

Руби зажмурилась и велела себе подумать о другом. Ей пора уходить.

Дев смотрел ей вслед с непроницаемым видом.

Она нажала кнопку «Вниз» — единственную на начищенной медной панели. И стала ждать. Не того, когда откроются дверцы — они открылись сразу же, — а... чего-то еще.

Руби увидела свое отражение в зеркальных стенках. Посмотрела себе в глаза, пытаясь понять, что здесь происходит. Почему она до сих пор не уехала? Правда, в ее взгляде уже не было нерешительности.

Дверцы кабины снова сдвинулись.

— Ты еще здесь, — заметил Дев.

Покосившись на него, она увидела, что он не двинулся с места. Он стоял и следил за ней.

Руби слышала свое частое дыхание. Очень медленно она развернулась. Неожиданно Дев очутился совсем рядом. Так близко!

Она задрала голову и посмотрела ему в глаза:

— Да, я еще здесь. — Последовала долгая пауза. — Против тебя очень трудно устоять, ты это знаешь?

Его взгляд потеплел; ее обдало жаром. Она начала расстегивать на нем рубашку, двигаясь снизу вверх.

— Наверное, все дело в том, что ты знаменитость, кинозвезда...

Он сразу напрягся и без выражения ответил:

— Наверное.

Пальцы Руби ласкали его ключицы, шею, подбородок.

— А может, и нет. — Она снова вскинула голову и заглянула в его синие, как море, глаза. Кого она сейчас видит перед собой? Голливудскую звезду Девлина Купера или просто мужчину, от которого у нее сжимается сердце и которому удастся и смешить ее, и доводить до белого каления? Когда он мельком показывает ей себя настоящего, у нее захватывает дух. Она вспомнила, как он помогал ей вытирать пролитый чай на кухне, как потянулся к ее руке в родительском доме...

Дев наклонился, и Руби нетерпеливо привстала на цыпочки.

Их губы, наконец, встретились, и он прижал ее к себе — и она забыла обо всем на свете.

Дев просыпался постепенно. Было темно — скорее всего, за окном еще ночь. Когда глаза привыкли к темноте, перед ним материализовалась фигура Руби. Она спала на боку лицом к нему. Ему нравилось, как простыня облегает ее тело, до самых длинных ног, округлых бедер, до тонкой талии. Она спала крепко, дышала медленно и ровно. Давно ли он спит?

Дев потянулся к телефону, включил подсветку экрана. Все, как он и предполагал: два часа ночи. Он проспал меньше часа.

Он подавил стон. А чего он ожидал? Один визит к маме — и жизнь сразу войдет в колею, а он снова сможет спать?

Ну да. Именно поэтому вчера ночью, мучаясь от бессонницы, он, наконец, прослушал все до единого мамины голосовые сообщения, хотя ему было очень больно. Правда, лететь на мамин юбилей он решил позже, на следующий день. Мысль пришла к нему в голову совершенно неожиданно. Тогда он нисколько не сомневался, что поступает правильно.

Он ни о чем не жалел. Вчера все оказалось совсем не плохо. Может быть, он сделал шаг вперед. Куда? Он понятия не имел, но движение в любую сторону гораздо лучше, чем то, что происходило последние несколько месяцев. Вот только... чуда не случилось. Бессонница одолевает его по-прежнему.

Досадуя на себя, он встал и направился в ванную. Плотно закрыл за собой дверь, включил свет. Не хотелось будить Руби.

Его дорожная сумка с туалетными принадлежностями стояла на столике. Упаковка таблеток лежала сверху. Он высыпал две штуки в ладонь и принялся рассматривать.

Ему не хотелось принимать таблетки, когда рядом была Руби. Действие снотворного продолжается пять часов; если Руби попробует разбудить его, пока он не выспится, будет плохо.

В прошлый раз, когда она оставалась с ним, он нарочно перелег на диван, желая быть подальше от нее. Потом, после ее неудачной попытки уйти, он даже не вспомнил о таблетках. Он знал, что утром, когда он окончательно проснется, ее рядом не будет.

Но сегодня так нельзя. Ему не хотелось уходить от нее в другую комнату и не хотелось валяться рядом с ней бесчувственным бревном. Может, он слишком многого хочет? Он хочет нормально спать целую ночь. Просыпаясь рядом с красивой женщиной, думать только о ней, а не грызть себя за прошлые ошибки, которые уже не исправишь, и не чувствовать себя так, словно на его плечах лежит вся тяжесть мира.

Он бросил таблетки в раковину, включил горячую воду и смотрел, как таблетки исчезают в сливе.

Радуюсь своей решимости, он вышел из ванной и забрался в постель, под одеяло. Но даже рядом с тихо спящей Руби ему не стало легче. Сон, как и раньше, ускользал от него. Сегодняшняя ночь не отличается от всех предыдущих ночей.

В конце концов, ненавидя себя, он сдался — принял таблетки, потому что необходимо было забыться, заснуть.

Когда Руби вышла из ванной, Дев еще спал. Она наблюдала за ним, обхватив себя руками; в толстом махровом халате ей было тепло и уютно. Он спал, как в то утро, когда она согласилась на его дурацкое условие, из-за которого очутилась здесь. Спал очень крепко. Ну и что дальше?

Она задумалась. Как ей поступить? Может быть, просто исчезнуть?

Сегодня такой выход не казался ей правильным. О нем даже думать не хотелось.

Одеваясь, Руби размышляла. Что дальше? Последние сутки она живет странной жизнью: принимает решения, не заботясь о последствиях.

Одежда ее валялась на полу. Нагнувшись, она заметила у шкафа знакомый красный чемоданчик.

Может, правда взять свои вещи и уйти?

Неужели он в самом деле снял для нее отдельный номер? Как он посмел предположить?..

Подойдя ближе, она увидела, что на чемодане лежит записка. Она не успела прочесть и первой фразы, когда сзади послышался сонный смех.

— После того как ты заснула, я велел швейцару перенести твои вещи сюда.

Ого!

— Думал, тебе понадобятся твои вещи.

Она повернулась к нему лицом. Он приподнялся на локтях. Простыня упала, открывая его восхитительно широкую грудь.

Руби перечитала записку, написанную крупными печатными буквами.

— Клянусь! — продолжал он, видя, что она по-прежнему молчит.

Дело было вовсе не в том, что она ему не верила. Внезапно она поняла: он заботится о ней. Сначала распорядился, чтобы ее вещи доставили сюда, а потом... Он успел неплохо ее узнать, раз догадался, о чем она подумает, найдя в его номере свой чемодан.

— Спасибо, — искренне сказала Руби.

Дев вздохнул, потер глаза.

— Не желаешь завтрак в постель? Обслуживание в номерах здесь исключительное.

Они провели в Сиднее весь день.

Сначала сами — Дев надел темные очки и бейсболку — поехали на Бондай-Бич. Руби показала ему объявление в газете о выставке: «Скульптуры, созданные морем». Дев не считал себя любителем скульптуры, но решил, что неплохо будет пройтись с Руби от Бондай-Бич к Тамараме.

Стоял погожий день середины октября. На песке еще лежали самые стойкие любители загара. Дев и Руби сняли туфли и зашагали босиком. Песок приятно ласкал ступни, океан выглядел идеально синим, как небо.

— Где же скульптуры? — спросил Дев.

Руби улыбнулась и махнула куда-то вперед. Легкий ветерок ерошил ей волосы.

— По-моему, начало выставки дальше.

На самом деле смотреть скульптуры им не очень хотелось.

Во время короткой поездки из центра города оба непринужденно болтали, как и в постели, за завтраком. Обсуждать серьезные проблемы им не хотелось. Они избегали разговоров о прошлом вечере и о завтрашнем дне. Потом оба замолчали.

Молчание не было неловким, совсем наоборот. И все равно, Деву оно не понравилось.

— Какой твой любимый фильм? — спросила Руби очень поспешно, как будто молчание напрягало и ее. — Я имею в виду — с твоим участием. — Она смотрела не на него, а себе под ноги.

— «Теперь ты ее видишь», — тут же ответил он.

Она вскинула на него глаза, слегка щурясь на солнце:

— Я о таком не слыхала... Извини!

— Вот и хорошо, — усмехнулся Дев. — Редкая гадость! У меня в нем две сцены. Его снимали сразу на видео, на Золотом Берегу, когда мне было двадцать.

— Почему же он твой любимый?

— Потому что мне за него заплатили. Моя первая платная роль в кино.

Перед тем как снова выйти на дорогу, оба обулись.

— Интересно, — заметила Руби. — Не первая главная роль, не первый блокбастер, не первая номинация на «Золотой глобус»?

— Нет. Деньги на моем банковском счете — пусть сумма и была небольшой. Они доказывали, что это не сон, что я в самом деле могу стать актером.

Они молча прошли мимо знаменитого плавательного клуба «Бондай Айсбергс». Дев был здесь несколько раз, но не ради того, чтобы поплавать в бассейне с океанской водой. Его приглашали на разные рекламные акции...

Как ни странно, он представил, как приходит сюда с Руби летом, чтобы поплавать. Он живо представил ее — волосы прилипли к голове, как сегодня утром после душа, она улыбается ему в воде... Он поспешил прогнать соблазнительный образ. Летом его не будет в Австралии, он вернется в Голливуд. И все пойдет как раньше. Руби начнет работать над следующей картиной и вспомнит свои принципы: не крутить романов с коллегами, не жить подолгу на одном месте...

— Дев! — Оказывается, Руби что-то говорила, но он не слышал.

— Извини, я... — Он провел рукой по волосам. — Что ты сказала?

— Я беспокоилась, не обидела ли тебя. Не обижайся, вопрос был глупый.

Он покосился на нее:

— С чего вдруг?

Они подошли к навесу, сооруженному у начала экспозиции. Потом, купив каталоги, они спустились на песок и зашагали между камнями, рассматривая первую группу скульптур. Внимание Руби привлек огромный красный гвоздь, как будто вбитый в песок между валунами.

— Так о чем ты спрашивала?

— Да так, — вздохнула она. — Странно, что деньги так много для тебя значат...

— Ну да, если вспомнить, из какой я семьи, — закончил за нее он.

Она неловко переступила с ноги на ногу:

— Д-да... повторяю, не обижайся.

— Меня не так легко обидеть, — возразил Дев.

По крайней мере, Руби это не удалось. Правда, будь она журналисткой, он бы ни за что не ответил на ее вопрос честно. Более того, он ни разу не говорил правду в ответ на такие вопросы.

— То, что я вырос в богатой семье, еще не значит, что я не ценю усердный труд или деньги.

— Конечно-конечно, — быстро кивнула она.

Дев понимал, что тема, в общем, исчерпана, и все же решил объясниться:

— Мой отец из тех, кто сам себя сделал...

Руби молча замедлила шаг.

— Он начинал с нуля — подсобным рабочим. Тогда он познакомился с мамой. Получил строительную специальность... Потом основал собственную строительную фирму, начал торговать недвижимостью. Иногда он ремонтировал купленные дома и перепродавал, иногда оставлял себе, иногда сдавал.

Дев краем глаза заметил очередную скульптуру, мимо которой они прошли, не остановившись.

— Он хотел обеспечить нам, сыновьям, достойное будущее. Чтобы мы выучились, получали приличный доход. И еще... чтобы у нас была крепкая семья.

— Значит, он не хотел, чтобы ты стал актером, — сказала Руби.

— Да. — Его губы растянулись в невеселой улыбке.

На следующую скульптуру Руби даже не взглянула. Им предстояло в очередной раз подняться вверх. Они шагали по ступенькам, держась за руки.

— Отец хотел, чтобы я стал бухгалтером.

— Да ты что! — воскликнула Руби так непосредственно, что Дев не мог не улыбнуться.

— Вот и я так думал. В школе я учился не так хорошо, как братья... Отец считал, что я просто не стараюсь, не выкладываюсь. Наверное, так оно и было. Мне ужасно не нравилось сидеть на одном месте, не нравилось зубрить за столом у себя в комнате.

— Верю, — кивнула Руби. — Наверное, ты был настоящим смутьяном.

— Да. — Он широко улыбнулся. Всплыли многочисленные воспоминания. — Мой характер отцу тоже не нравился.

Они перешли дорогу. Не глядя на расписные тотемные столбы, Дев продолжал:

— Так что... да, первый чек для меня многое значил.

— И твой отец обрадовался? — спросила Руби.

— Не знаю. Тогда я уже ушел из дому.

Она вопросительно посмотрела на него — и он, неожиданно для себя, принялся рассказывать. О той ночи, когда он загулял с друзьями, а отец ждал его... и потом ударил. Он ушел и больше не вернулся.

Руби слушала, не перебивая.

— Так что в каком-то смысле ты права, — сказал Дев после паузы. — Ведь я в самом деле вырос в богатой семье, был избалован, принимал свою жизнь как нечто само собой разумеющееся. Наверное, я вначале даже не понимал, что уверен в себе, потому что у меня есть надежный тыл. Первое время я подсознательно допускал для себя возможность провала.

Дорожка закончилась; перед ними раскинулась огромная поляна. Зрители обступили скульптуры — абстрактные или попросту странные. Львиный прайд, сделанный как будто из соломы; разнообразные стулья на двух ножках, а на них металлические акробаты, и даже огромный кран-смеситель.

— Но ты не провалился, — сказала Руби.

— Я не мог, — ответил он. Он не мог допустить, чтобы отец оказался прав.

— А все-таки ты оправдал надежды отца: сделал карьеру, добился финансового благополучия.

— Все вышло не так, как он хотел.

Они вышли на дорожку. Перед ними открылась очередная бухта. Сине-зеленые волны били в каменный берег.

— Какая разница?

Он и сам не знал. Поэтому и страдал. И теперь уже ничего не узнаешь наверняка — поздно.

Больше Руби ни о чем его не спрашивала. Молча они вышли на берег океана. Впереди блестел белый песок Тамарама-Бич. Руби немного ускорила шаг. Они снова очутились среди скульптур. Наконец, она села по-турецки рядом с огромной черепахой из автомобильных покрышек. Он сел рядом с ней, вытянув ноги на теплом песке.

— Выкидыш, — вдруг сказала Руби.

— Что?!

Она смотрела на океан, на серферов, ловивших волну.

— Вчера ты спросил, что случилось. Почему я решила изменить свою жизнь. — Она говорила нарочито беззаботно.

— Руби, мне очень жаль.

— Спасибо, — кивнула она. — Я встречалась с одним парнем... славным парнем. Из хорошей семьи, умным, очень красивым. Он мог выбрать кого угодно. Правда, не скажу, что он выбрал бы меня. Во всяком случае, он не собирался.

Дев прикусил язык, хотя ему было трудно.

— Забеременела я случайно. Сначала я не хотела ребенка, хотя обо мне говорили разное...

Говорили... О ней все сплетничали, осуждали ее. Она подвинулась на песке, повернулась к нему лицом.

— Но я была так счастлива! Сама не ожидала, но все складывалось так... — она прикусила губу, — как будто наконец у меня есть семья. Меня бы устроило даже, если бы семья состояла только из меня и ребенка. Но... мой приятель, как ни странно, сказал, что не бросит меня, останется со мной.

Она провела рукой по песку, оставляя едва заметный след, который тут же засыпало.

— Ну вот, у меня было все: ребенок, спутник жизни. Все было прекрасно. Я радовалась тому, что уже не одна. Что я не просто девчонка, о которой все судачат. Скоро я стану матерью, и отец ребенка обещал, что не бросит меня. Мы будем семьей.

Она непроизвольно погладила себя по животу.

— Я была душой и ничего ни от кого не скрывала... Мне приятно было похвастать. А о выкидышах я даже не знала. Не знала, как часто они случаются. И вдруг у меня началось кровотечение, а когда я попала в больницу, мне сказали, что ребенка я потеряла. Мне показалось, что мир перевернулся.

Не в силах усидеть на месте, он обнял ее за талию, прижал к себе. Руби положила голову ему на плечо.

— Тогда я поняла, как сильно заблуждалась. Я сама бросила своего парня... Наверное, он вздохнул с облегчением. Ушла со своей бесперспективной работы, вернулась в школу. Я

решила, что, кроме меня самой, мне никто не нужен — не нужен ни муж, ни дети... вообще никто. Только я.

Говорила она звонко, но едва заметно дрожала. Потом подняла голову и посмотрела на него. Дев понимал, что слова бесполезны. И потом, ей не нужны были слова. Да и ему тоже не требовался ответ, когда он рассказывал ей об отце. Поэтому он сделал единственное, что казалось ему правильным, — поцеловал ее.

Но поцелуй был не таким, как раньше, — не игривый, хотя определенно страстный. Все было... красиво и печально, и он вдруг понял: с ней все не так, как с другими.

С Руби на пляже, рядом с огромной дружелюбной черепахой... Ничего подобного он раньше не испытывал.

— Смотрите, это же Дев Купер!

От пронзительного крика оба вздрогнули. Руби вскочила и отвернулась.

Подняв голову, он заметил, что к ним подходит группа девчонок-подростков. Они показывали на него пальцами и возбужденно кричали. Люди, сидевшие на пляже, поворачивались к ним. Дев не раз ловил на себе любопытные взгляды, но до сих пор им сегодня везло. Никто не подходил к ним, не разрушал хрупкую защитную оболочку, которой он мысленно окружил их с Руби.

Но теперь мыльный пузырь лопнул, и они стали совершенно беззащитными. Руби окидывала задумчивым взглядом дома напротив пляжа и дорогу, как будто прикидывала, как ей лучше убежать. Не от поклонников — от него.

— Руби... — Он встал.

Она выхватила из сумки телефон.

— Сейчас закажу машину. Теперь ты уже не сможешь вернуться в Бондай пешком. — Не «мы», а «ты». И заговорила она «рабочим» голосом, показавшимся ему сухим и фальшивым.

Девчонки смущенно топтались неподалеку — они вдруг оробели. Он расплылся в искусственной, пластмассовой улыбке. Выучка помогла ему раздать автографы, сфотографироваться с юными поклонницами и что-то отвечать на их глупости, хотя больше всего ему хотелось разогнать их. Неужели они не могут оставить его в покое?

Утро было испорчено. Руби стояла в нескольких шагах от него, обхватив себя руками, и наблюдала.

Он внушал себе: все только к лучшему. Как и Руби, он давно выбрал свою жизнь. И идет по ней в одиночку.

Вечером в понедельник Руби остановила машину у коттеджа Дева. Она с трудом понимала саму себя.

Она возвращалась домой после очередного трудного дня, уже планируя, что закажет в пабе на ужин. И вдруг — неожиданно — оказалась здесь. Хотя... нет, все не совсем так. Весь день она думала о Деве. Поэтому вполне понятно, что она приехала к нему... Что не делало ее поступок менее дурацким.

Надо срочно уезжать! Руби схватила ключи, но быстро опомнилась. Раз уж она здесь, надо зайти и поговорить.

Вчерашнее возвращение оказалось... скомканным. Другого слова не подберешь. Происшествие на пляже выбило обоих из колеи. Руби понимала, что должна отругать себя. С какой стати откровенничать с человеком, с которым она едва знакома?

Когда они летели назад, в Люсивилль, она все время порывалась что-то сказать, немного снизить накал. Но оказалось, что она не может подобрать нужных слов. Не признаваться же ему: «Слушай, я никогда никому не рассказывала того, что рассказала тебе сегодня. Поэтому просто забудь, ладно?»

Ладно.

Вчера ночью она внушала себе, что приняла верное решение: отступить, уйти в тень. Даже хорошо, что ее так резко вернули из мечты в реальность. Как будто обдали ведром ледяной воды.

Он — не кто-нибудь, а Девлин Купер. Ей нельзя об этом забывать. Нельзя поддаваться искушению и мечтать о несбыточном. Долго так продолжаться не может, да и она не хочет ничего подобного.

Почему же сегодня она в сотый раз вспоминала, как выглядел Дев, когда смотрел на нее, прислонившись к стене у лифта, или как он смотрел на нее за миг до поцелуя на пляже Тамарама-Бич...

Она вышла из машины, поежилась от холодного ветра и вдруг заметила, что дверь в дом распахнута.

Дев стоял, прислонившись к дверному косяку, и наблюдал за ней.

Он ждал ее.

— Похоже, ты там серьезно о чем-то размышляешь, — заметил он, когда она поднялась на веранду.

— Нет, — без труда соврала Руби. — Как раз наоборот. По-моему, последнее время мы с тобой что-то очень серьезные...

— Как так? — хрипло спросил он.

Дев стоял в тени. Свет падал на него сзади, поэтому она не могла разобрать, что написано в его глазах. Руби взбежала на крыльцо, изображая счастливую и беззаботную улыбку.

Он отступил назад, маня ее за собой.

Но она не вошла. Вначале нужно во всем разобраться. Им необходимо выяснить отношения...

— Наверное, ты был прав, — сказала она. Дев удивленно поднял брови. — Несколько недель назад, у паба. Когда сказал, что мы — двое взрослых людей, которые застряли в

глухотомани. Как ты выразился? Само небо предназначило нас друг другу?

Он кивнул:

— А ты ответила, что на работе ни с кем в связь не вступаешь.

— Сейчас уже поздно. — Она невесело усмехнулась. — И потом, нам вроде бы удалось все скрыть. Никто ничего не подозревает.

— Если не считать Грейма. Грейм, кстати, считает, что ты замечательная. Ты бы слышала, как он расхваливает тебя, когда мы едем на площадку!

Руби улыбнулась:

— Значит, Грейм очень тактичен. Надо будет его поблагодарить.

Оба замолчали.

— Что же ты хочешь сказать? — не выдержал Дев.

Руби прищурилась:

— Разве это не очевидно?

— Мне — нет... — В его глазах правда заплясали веселые огоньки или ей показалось?

— Ну, ладно! — Она досадливо вздохнула, преодолела разделявшее их расстояние и, бросившись ему на шею, прильнула губами к его губам.

Они опомнились целую вечность спустя. Руби пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы взять себя в руки.

— Вот чего я хочу! — сказала она.

Дев потянулся к ней:

— Мне нравится то, что ты придумала.

— Только до тех пор, пока не закончатся съемки, — объявила она, когда он втащил ее в дом и захлопнул за ними входную дверь.

Сжав ее в объятиях, он начал целовать ее губы, шею... Руби затрепетала. Вся ее прежняя решимость куда-то делась.

Дев подхватил ее на руки и понес в спальню.

Потом обоим стало не до разговоров.

Руби каждый вечер ужинала с Девом. Они отдавали должное запасам, которые находили в его холодильнике. Грейм чудесным образом угадывал их вкусы. Вместе им было легко и весело. На съемочной площадке Дев по-прежнему делал вид, будто не замечает ее, хотя это оказалось непросто. Тем более что однажды сама Руби нарушила придуманные ею же правила и лично привезла ему исправленный вариант сценария. И хотя она приехала по делу, поцелуй в его звуконепроницаемом вагончике очень затянулся... Дев невольно улыбнулся, лежа на диване.

Из кухни с бокалом красного вина в руке вышла Руби.

Он улыбнулся и похлопал рукой рядом с собой. Ее глаза сверкнули. Она отпила вина, поставила бокал на кофейный столик.

Обнимать его казалось самым естественным делом на свете. Сколько времени они вместе — неделю? Прошла целая неделя после того, как она сама приехала к нему. Она не собиралась менять свои правила... сделала исключение только для него... на время съемок.

Со всем можно смириться, особенно когда она его целует. Когда Руби его целовала, Дев мог думать только о ней.

Но когда она уходила — а она никогда не оставалась у него на ночь, — он начинал думать.

Она уезжала к себе около полуночи. По словам Руби, иногда ей приходится подвозить на площадку кое-кого из съемочной группы. Вполне благовидный предлог, пусть и надуманный. Она держалась легко и просто. Она не хотела просыпаться вместе с ним, завтракать в постели, беседовать, делиться самыми сокровенными мыслями... Их отношения ничего подобного не подразумевает. Они оба взрослые люди.

Догадывалась ли она, что его по-прежнему мучает бессонница? Иногда ему казалось, что да. Руби озабоченно смотрела на него, и Дев боялся ее вопросов.

Но она молчала.

Слухи о нем постепенно сошли на нет. Дев ничего не делал для того, чтобы возбуждать их, — если не считать одного раза, он всегда являлся на площадку вовремя, ни разу никого не подвел. В съемочной группе Дева Купера готовы были носить на руках. И по-прежнему о них никто ничего не подозревал. Руби боялась: если их связь откроется, в Люсивилль нахлынут папарацци и будут охотиться на них с Девом. Правда, застать их вместе трудно, ведь они встречаются только в его коттедже. Благодаря Грейму рядом с коттеджем не было ни одной чужой машины. И все же Руби беспокоилась. И не только из-за того, что она снова станет поводом для сплетен. Она боялась за Дева.

Пора уходить... Она лежала, свернувшись калачиком, на его диване, прислонившись спиной к груди Дева. Их обоих укрывало теплое одеяло. Раньше они смотрели старый мюзикл с Дэнни Кеєм...

Хотя лежащий рядом Дев дышал ровно, она знала, что он не спит. Руби всегда засыпала без труда, а Дев — нет. Кроме того утра в пентхаусе, она ни разу не видела его спящим.

Наверное, у него бессонница. Вечером, после того, как он снимал грим, заметно, какое у него усталое, осунувшееся лицо и какие красные глаза. Руби нашла у него в ванной снотворное, но понятия не имела, принимает он таблетки или нет. Она не спрашивала. Она вообще ни о чем его не спрашивала.

Она догадывалась, что с ним творится, особенно после того, что он рассказал ей на пляже. Все слухи о нем оказались ложными. Скорее всего, Дев просто еще не смирился со смертью отца и со своим горем. Вот почему он так похудел, вот почему плохо спит, вот откуда грусть во взгляде. Но она могла лишь догадываться. Она много раз хотела спросить его. Как сейчас, лежа с ним рядом на диване. Но захочется ли ему откровенничать с ней?

Нет.

Тогда, на пляже, просто все так сложилось. Наверное, ему тоже так показалось.

Руби пожала плечами. Им предстоит пробыть вместе всего несколько недель. Какой смысл?

Она повернулась к нему и поцеловала его на прощание.

И, как всегда, поехала домой, в свою холодную, одинокую постель.

Она внушала себе, что поступает правильно.

Руби проснулась, как от толчка, и не сразу поняла, где она находится.

Она у Дева!

Проспала... Сумка брошена на полу в прихожей... Она приподнялась на локтях, собираясь посмотреть, который час. Будильник стоял на тумбочке, со стороны Дева.

Но Дева рядом не оказалось.

Она выбралась из кровати, завернувшись в простыню, и посмотрела на экран телефона.

Двадцать минут четвертого. Уже поздно возвращаться к себе.

Она поняла, что ей все равно.

Из-под двери ванной выбивалась узкая полоска света.

— Дев!

Он не ответил. Руби замоталась в простыню, усмехаясь внезапному приступу скромности. Дев много раз видел ее голой. И все же ей почему-то не хотелось расхаживать по его дому нагишом.

Она тихонько постучала в дверь, и та открылась.

Дев сидел на крышке унитаза в одних трусах, закрыв голову руками. Услышав скрип двери, вскинул голову, провел рукой по волосам. Вид у него был... ужасный. Таким она его еще не видела. Тени под глазами казались синяками, а сами глаза налились кровью. Руби поняла, что он измучен до предела.

Раньше она заставляла себя не обращать внимания. Не желала знать ничего лишнего... ничего такого, что выбивалось бы за рамки ее представлений. Но сейчас дело серьезное.

— Ах, Дев...

Она подбежала к нему, положила руки ему на плечи. Неуклюже присела рядом. Что же делать?

— Все в порядке, — злобно буркнул он, сбрасывая ее руки.

Она чуть не упала, но не ушла.

— Ничего подобного! — ответила она.

— Я плохо сплю, вот и все, — буркнул он, отворачиваясь.

Руби покосилась на раковину. На бортике лежал почти пустой лоток с таблетками.

— Ты слишком долго их принимаешь... — начала она.

Он резко выпрямился:

— Знаю! — Он смотрел на себя в зеркало чуть ли не с ненавистью.

Руби тоже встала, но к нему не подошла.

— Без них я не могу заснуть.

— Ясно.

Он посмотрел на нее:

— Если я не буду принимать снотворное, то не смогу спать. А если не буду спать, я не смогу...

Играть.

Он разжал кулак. Руби увидела у него на ладони две таблетки.

Давно ли он смотрит на них?

Дев бросил таблетки в рот, запил водой из-под крана...

Внутренний голос требовал, чтобы она ушла.

Руби сама решила, что не хочет никаких осложнений. Они весело проведут время... и все.

До сих пор ничего подобного с ней не происходило.

— Уйди, пожалуйста, — попросил он, встретившись с ней глазами в зеркале.

Она кивнула, машинально подчинилась. Но совсем не ушла. Не стала возвращаться в свой номер. Руби вернулась в постель.

Она не знала, что делать, как ему помочь.

Знала одно: сегодня она не уйдет.

После того как Руби вышла, Дев еще долго сидел в ванной, ожидая, пока вихрь мыслей в голове замедлится.

Он знал, что она не собиралась у него оставаться, но, когда нечаянно заснула, он, как ни странно, обрадовался. Вот дурак!

Какая разница? Съемки заканчиваются через две недели, а потом он вернется в Лос-Анджелес. А Руби... Он даже не знал. В их отношениях нет ничего прочного. И все же он решил попробовать... Попробовал заснуть, как нормальный человек. Рядом с Руби.

Как и следовало ожидать, сон не шел к нему. Но сегодня ему особенно не хотелось принимать таблетки. Он решил, что сегодня все будет по-другому. Почему?

Каждое утро было для него похоже на предыдущие. Единственным исключением стало прошлое воскресенье, когда он проснулся рядом с Руби. И даже тогда все получилось только потому, что она долго спала. Он был почти нормальным. Он надеялся, что постепенно все войдет в норму... Не получилось. Ночью ему приходилось несладко. По утрам еще тяжелее. А днем он должен был напряженно работать. Будет чудо, если ему удастся скрыть, что с ним что-то не так. До сих пор, до сегодняшнего дня, ему удавалось все скрывать даже от Руби.

Вряд ли она приедет к нему завтра вечером... Зачем ей лишние проблемы?

Он распахнул дверь и увидел в свете из ванной женскую фигуру на кровати.

Снотворное уже начало действовать. Он долго разглядывал ее, потом выключил свет. Во мраке лег на свою половину кровати и, не позволяя себе задумываться — таблетки и не позволяли думать, — потянулся к ней.

Руби сразу развернулась к нему.

— Все в порядке, — шепнул он, зарывшись в ее волосы.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо, — сказала она. Ее дыхание щекотало ему грудь.

Потом глаза его закрылись. Перед тем как забыться тяжелым сном, он дал себе слово.

Завтра все будет по-другому. Не потому, что он скрестил пальцы на счастье или приказал себе, а потому, что он только что солгал Руби. Такое больше не повторится.

Я хочу, чтобы ты осталась...

Наконец, он заснул.

Через два дня, в среду, Дев приехал к маме. Позвонив в дверь, он сунул руки в карманы, чтобы никто не видел, как они дрожат. Он боялся.

Он снова нанял частный самолет и всю дорогу не мог успокоиться. Вот и сейчас круто развернулся, глядя на ухоженный сад и на машину, которую он взял напрокат. Заставлял себя глубоко дышать. Что такого, в конце концов? Он приехал к матери, которая любит его, несмотря ни на что...

Звякнула цепочка... повернулась ручка двери.

— Девлин! — воскликнула мама, опять награждая его более широкой улыбкой, чем он заслуживал. Вдруг она осеклась. — Что случилось? — Вид у нее сделался настороженный, и ему захотелось пнуть самого себя. Неужели он может приехать вот так, вдруг, только если что-то случилось? За последние четырнадцать лет — да, наверное.

— Все хорошо.

Она кивнула и распахнула дверь шире:

— Входи, входи же! Я как раз рассматриваю снимки, которые сделали на дне рождения. Так хорошо, что ты приехал!

Он механически кивнул, схватил маму за руку:

— Мама, я хочу поговорить с тобой об отце.

Мамино лицо посуровело, но она еще крепче сжала его пальцы.

— Хорошо... Потому что я хочу кое-что тебе показать.

Накануне Дев отменил их совместный ужин. Подъезжая к его дому, Руби сама не знала, чего ожидать.

Утром во вторник у нее... открылись глаза. Когда прозвонил будильник, Дев продолжал спать, и, только когда она как следует встряхнула его, он наконец проснулся. Правда, ей он явно не обрадовался. Он не хотел, чтобы она видела его таким.

Она почувствовала себя полной идиоткой. Последние кусочки головоломки встали на место. В то утро, несколько недель назад, когда они с Греймом чуть не разнесли парадную дверь, Дев не просто проспал. И не капризничал, считая, что вся группа может подождать его.

С ним что-то серьезное, и она не сразу это заметила. И даже потом, заметив, предпочитала закрывать глаза.

Она боялась сближения и нарочно держала дистанцию. Да, вот именно: она боялась. Но что ей было делать? Впереди у них самое большое две недели. У них нет будущего... Однако она отчаянно хотела ему помочь.

Руби разрывалась пополам. Она так тревожилась за Дева, что у нее болело сердце, но не сомневалась, что скоро они расстанутся навсегда.

Он оставил дверь приоткрытой. Ее каблуки звонко цокали по деревянному полу.

— Дев!

Он отозвался из кухни, поэтому она направилась туда. Он ждал ее за грубым кухонным столом, накрыв на двоих: столовые приборы, бутылка вина и два бокала. Руби заметила рядом с его тарелкой старую записную книжку. Когда Руби вошла, он встал.

— Что тут происходит? — спросила Руби, принимаясь. В кастрюле на плите что-то

булькало; от нее шел аппетитный аромат.

— Я готовлю, — ответил он и, должно быть заметив недоверчивое выражение ее лица, пояснил: — В самом деле готовлю! Сделал спагетти путтанеска.

Она улыбнулась. Его воодушевление оказалось заразительным.

— Мне повезло!

Он поцеловал ее так, что у Руби захватило дух, и она невольно прижала руку к груди.

— Мне тоже повезло! — улыбнулся Дев.

Он не позволил ей помогать. Руби увидела, что на кухне он действует вполне уверенно. Сев на стул, она стала наблюдать за тем, как он разливает вино. Они обсудили, как прошел съемочный день. Утром всех слегка встревожило небольшое происшествие — Аризона упала с лошади, из-за чего режиссер затеял скандал. Обсудили и славную, прохладную, но солнечную, погоду.

Руби то и дело поглядывала на старую записную книжку. Проследив за ее взглядом, Дев улыбнулся:

— Я собирался все объяснить за едой... но, если хочешь, можешь посмотреть сейчас.

Записная книжка была старой, с потертой коричневой обложкой. В углу Руби увидела выгравированную фамилию Дева. Она провела пальцем по выпуклым буквам, догадываясь, чья перед ней вещь.

— Твоего отца, да?

Дев кивнул, по-прежнему не сводя взгляда с кастрюли, в которой булькал соус.

Первая страница была испещрена цифрами... и следующая тоже. Пролистав книжку, она убедилась, что почти вся она заполнена примерно так же. Отец Дева заносил сюда суммы в долларах. Некоторые исчислялись десятками и даже сотнями миллионов.

— Что это?

Дев поставил на стол тарелки, сел и посмотрел Руби в глаза. Взгляд его был кристально ясным.

— В детстве мне больше всего хотелось, чтобы отец мной гордился... — Голос у него был слегка надтреснутым, и Руби захотелось его обнять, но она инстинктивно поняла, что лучше не стоит.

Дев вздохнул и продолжал:

— Понимаю, это банальность. Мне так и не удалось дожждаться его похвалы... и стало казаться, будто мне все равно, что он обо мне думает. Я внушал себе, что хочу стать актером, потому что отцу это не понравится. А ведь в глубине души я знал, что нашел свое призвание! Я надеялся, что когда-нибудь отец меня поймет. — Он вертел в руке вилку, наматывая на нее клубок спагетти. — Но отец не понял. Потом я ушел из дому, и все. Мне было все равно, что отец обо мне думает, больше не ждал от него похвалы и одобрения. Прошли годы... и вот он умер. И я понял, что все мои дурацкие мысли — полная ерунда. Четырнадцать лет я мечтал поговорить с отцом, но...

— Тебе не было все равно, что он о тебе думает.

Дев кивнул, но тут же покачал головой:

— Некоторым образом. Конечно, мне по-прежнему хотелось, чтобы меня хлопнули по спине, сказали: «Молодец, сынок!» — и все такое. Но больше всего мне просто хотелось услышать его голос. Он так усердно трудился, чтобы достичь своих целей, и все их достиг. Я должен был забыть о своей гордыне. — Он говорил тихо и смиренно, совсем не так, как тогда, на пляже.

— Он тоже мог тебе позвонить, — возразила Руби. — Ты его сын, но ведь и он — твой отец.

Дев улыбнулся:

— Конечно, мог. Но он был старый упрямец. По словам мамы, у него и в мыслях не было мне звонить. Или пойти с ней, когда я приезжал и мы с мамой встречались. Правда, и я такой же... Упрямством я пошел в него. — Он осторожно вынул записную книжку из рук Руби. — Знаешь, что здесь? Кассовые сборы всех моих фильмов. Всех до единого, начиная с того, дурацкого, который снимали на Золотом Берегу. Как только отец выяснял, сколько я получил, он все записывал сюда.

Он полистал страницы, пробегая пальцем по строчкам.

— Как-то... — Руби не сразу нашла нужное слово.

— Грубо? Жестоко? По-торгашески? Да. Но отец был таким. Деньги, доход — это то, что он понимал. И уважал мои гонорары... чего нельзя сказать о моей профессии.

— И тебя не беспокоит, что он сосредоточился только на денежной стороне?

Дев вернул ей записную книжку. Руби раскрыла ее наугад. Теперь она лучше понимала нацарапанные буквы и цифры. Счет велся скрупулезно: кассовые сборы по всему миру, продажи DVD — Купер-старший записывал все. Здесь требовалась кропотливая работа. Наверное, отец Дева просидел над записями не один час...

— Нет, — ответила она самой себе.

— Нет, — повторил он.

— Сегодня я ходил к врачу, — признался Дев позже, в постели.

Руби прижималась к нему спиной. Она так долго молчала, что он решил: наверное, заснула.

— И что? — спросила она наконец.

От ее светлых волос пахло сладким пирогом или печеньем.

— Шампунь с ванильным ароматом, — объяснила она.

Он не собирался ничего ей рассказывать, и все же рассказал, хотя о визите к врачу не говорил даже с мамой, хотя приехал к ней сразу от доктора...

Решение он принял накануне ночью.

Все должно измениться... и он сам должен измениться. Но никто, кроме его самого, не в силах на него повлиять.

— Доктор считает, что я имею право на депрессию, — продолжал Дев и заспешил, боясь, что раздумает. Руби имеет право знать. — Бессонница, отсутствие аппетита, ужасное самочувствие по утрам... Судя по всему, это классические симптомы.

Ему показалось или она в самом деле напряглась в его объятиях?

— Я думала, депрессия — это когда... Ну, не знаю. Когда люди не хотят никуда выходить из дома... Не могут работать, не могут ничего делать, ничего... не чувствуют. — Она говорила очень тихо, почти неслышно.

— Да, наверное. Доктор объяснил, что бывают разные виды депрессии, рассказал о симптомах. Все сходится, и все вполне очевидно. Честно говоря, я даже почти не удивился.

Она приподнялась на локтях, посмотрела на него. Потом перевернулась на другой бок. Ее лицо оказалось совсем рядом. Но в тусклом свете невозможно было понять, о чем она думает...

Ему вдруг стало холодно.

— Так и знала: что-то не так... с нашей первой встречи. — Она потянулась к нему, погладила по скуле, по щеке, по губам. — Я должна была сама обо всем тебя расспросить... надавить.

Дев смущенно поморщился:

— Я бы все равно ничего не сказал.

Руби продолжала, как будто и не слышала:

— Я нарочно закрывала глаза на то, что с тобой происходит. И по ночам уезжала к себе, хотя знала: с тобой что-то не так.

— Ты ничего плохого не сделала, — возразил Дев. — Кстати, ты спрашивала, что со мной, но я не говорил. Считал, что еще рано.

— Извини, — сказала она, скрещивая руки на груди.

— Не извиняйся. Раньше я называл тебя «отвлекающий момент». И относился к тебе соответственно...

Вначале все было очень просто: им овладело влечение. И жажда погони. Он стремился завоевать девушку, которая его отвергала. Но близость с Руби опьяняла, служила резким контрастом с серыми днями и черными ночами. Хотя... даже ее присутствия не хватало, чтобы он выбрался на поверхность.

Но позже, может быть, даже в самый первый раз, когда она побывала в этой комнате — когда она готова была на все, лишь бы доставить его на съемочную площадку, — его отношение к ней изменилось. Нет, влечение никуда не делось. Что-то было в Руби, в ее улыбке, глазах...

А теперь все еще больше запуталось. Теперь им так хорошо вместе, что они могут подолгу молчать, не ощущая никакой неловкости. Иногда ему кажется, что такой близости у него не было ни с кем. С ней уютно, но одолевают незнакомые чувства.

— Отвлекающий момент... — очень-очень тихо повторила Руби.

Он механически потянулся к ней, но она отодвинулась, и его рука соскользнула с ее бедра.

— В самом лучшем смысле слова.

Ее губы изогнулись в безрадостной улыбке, и он понял, что совершил ошибку.

— Ты не просто отвлекающий момент, ты...

— Что же дальше? — Она не дала ему договорить.

Ему не сразу удалось сосредоточиться.

— Что ты имеешь в виду? Мою депрессию?

Взгляд ее метнулся к потолку. Какое ужасное слово! Оно... липнет, как ярлык, а ей не хотелось наклеивать на него ярлыки.

— Врач дал мне почитать брошюры, велел подумать. Мы еще раз встретимся через несколько недель.

— Когда закончатся съемки.

— Да.

— Как-то...

— Похоже на спад? — подсказал он, и она кивнула. Дев продолжал: — Да. Мы немного поговорили, и, хотя я еще раньше решил навестить маму, после слов доктора все стало яснее. Депрессия — всего лишь следствие. Я должен найти причину.

— Как по-твоему, ты ее нашел?

Дев чуть подвинулся.

— Может быть. Надеюсь. — Интересно, удастся ли ему сегодня заснуть без таблеток?

Он ждал, что Руби забросает его вопросами, но она молчала. Они лежали рядом, не прикасаясь друг к другу.

Больше всего ему хотелось обнять ее, прижать к себе. Но, если он так сделает, она уйдет. Ее невозможно удерживать... И все же ему хотелось, чтобы она была рядом, пусть даже на расстоянии вытянутой руки. Поэтому он не прикоснулся к ней и не произнес ни слова. И, наконец, заснул.

Руби не спалось. Какое-то время она подремала, но в основном лежала и смотрела на него.

Неужели все в самом деле так просто? Один визит к маме, одна старая записная книжка — и Деву сразу полегчало? Что-то не верится.

Правда, он в самом деле стал другим. Как будто внутри у него зажегся свет, а потом погас. Он так же часто мрачнел, но почти не уходил куда-то внутрь себя, не мучился сознанием собственной вины. С его плеч как будто свалился тяжелый груз.

Она очень радовалась за него. Глядя, как он спит — спит по-настоящему, не притворяется, — она понимала, что произошло чудо. Теперь она знала, что творилось с ним раньше. Одурманенный, он оказывался в пустоте, только делая вид, что отдыхает. Разница была заметна невооруженным глазом.

Ее смущали собственные чувства.

Она ворочалась с боку на бок. Заснуть не получалось. Наконец, она сдалась, вылезла из постели, тихо вышла из комнаты, стараясь не разбудить Дева. На кухне она механически налила себе воды, но не выпила ее, а поставила стакан на рабочую поверхность и вышла.

Ее ноутбук стоял на столе в столовой; ей нужно было переслать Полу исправленный сценарий.

Она включила ноутбук и поморщилась от яркого света. До сих пор она даже не замечала, как темно в доме. В щели между жалюзи на кухне проникал лунный свет, и она ориентировалась без труда.

Она перечитала письмо, пришедшее вчера по электронной почте. Письмо было от ее лондонского знакомого, который рекомендовал ее на роль. Большая роль, в большом кино — с хорошим бюджетом и подтвержденным участием звезды первой величины.

Руби улыбнулась. Приятно сознавать, что она, может быть, встретится на площадке с такой знаменитой актрисой... но приятнее сознавать, что еще более крупный актер спит сейчас всего в десяти метрах от нее.

Странно, как быстро она забывала о том, кто он такой. Во всяком случае, когда они были вместе.

В другое время казалось, что он — только кинозвезда. На съемочной площадке он сразу превращался в знаменитого Девлина Купера. Звезду Голливуда. Сердцееда. Самого привлекательного мужчину на земле... и так далее.

Но наедине, особенно сегодня, он превращался для нее просто в Дева. В обычного человека, далекого от совершенства. Наверное, хорошо, что он такой же, как все. Такой же, как она.

Руби запрокинула голову на спинку стула и вытянула ноги. Было холодно; она покрылась «гусиной кожей».

Надо возвращаться в постель.

Она прищурилась, чтобы перечитать письмо, хотя и так выучила его почти наизусть. Ее просили прислать свою биографию. Так просто! В данном случае не для проформы. Если она захочет, роль достанется ей.

И все же она медлила.

Руби покосилась на циферблат микроволновки. Уже наступило завтра, а она так ничего и не предприняла. Через три недели, как раз после окончания съемок «Земли», начнется подготовительный этап. Все просто замечательно! Она успеет настроиться и даже недельку отдохнуть на каком-нибудь европейском курорте, во Франции или в Хорватии. И в Лондоне ей есть где жить — у подруги, которая принимала ее всякий раз, как Руби приезжала в Лондон по работе. Все просто отлично! То, что она хотела.

Она подтянула колени к груди, обхватила их руками. Сидела и думала.

Она услышала шорох, вздрогнула от неожиданности и вскинула голову. В тишине по стеклу царапнула ветка...

Она ведет себя просто нелепо. Чего она ждет? На что надеется?

Через две недели Дев уедет, вернется в Лос-Анджелес. Тамошные профсоюзы осложняют жизнь иностранцам... если даже мечтать о несбыточном, ей ни за что не найти там работы. Нет, она ничего подобного не хочет! Ей нравится ее жизнь; она по-своему идеальна. Дев в нее не вписывается.

Как будто сам Дев хочет, чтобы она стала частью его жизни!

Руби вздохнула и начала отвечать на письмо. Прикрепила файл со своей биографией. Нажала клавишу «Отправить».

Потом вернулась в спальню. Дев спал на спине. Грудь его равномерно поднималась и опускалась.

Она понимала, что должна уйти.

Она не нужна Деву. Скоро его жизнь наладится... и она перестанет быть ему нужна. Ему больше не нужен будет «отвлекающий момент»...

Как она могла вообразить, что стала для него чем-то более важным?

В том-то и трудность.

С самого начала она старалась держать дистанцию, хотя у нее ничего не получилось.

Но среди ночи она не исчезнет.

Сегодня она заснет в его объятиях — один-единственный раз. Потому что на самом деле ей совсем не хочется уходить. В том-то и трудность.

Увидев впереди знакомые светлые волосы, Дев споткнулся на кочке и чуть не упал.

— Все в порядке?

Он кивнул. Они с партнером, молодым местным актером, вели в поводу лошадей и обсуждали следующую сцену. Правда, Дев не мог бы вспомнить, о чем они только что разговаривали.

Он улыбнулся. Глупость какая!

Он наблюдал, как Руби стремительно носится по площадке, деловитая и решительная, как всегда.

И, как всегда, в его сторону она не бросила ни единого взгляда.

Улыбка увяла. Раньше он спокойно относился к ее просьбе не афишировать их отношения. Конечно, он все понимал.

Но после вчерашней ночи такое положение дел перестало казаться правильным.

Лошадь ткнулась мордой в спину Деву, и он вспомнил, где находится.

Сейчас ему нужно сосредоточиться. А вечером он поговорит с Руби.

Возможность поговорить представилась гораздо раньше.

Дев открыл дверцу трейлера в ответ на сердитый стук и впустил разгоряченную Руби. Не глядя на него, она принялась мерить крошечное пространство шагами.

— Мне казалось, мы уже все выяснили! — раздраженно воскликнула она.

Он поднял руки, словно сдаваясь:

— Понятия не имею, о чем ты!

Она подошла к нему вплотную, и он механически обнял ее.

Она толкнула его в плечо:

— Это не смешно!

— Понятия не имею, о чем ты, — повторил он.

Руби глубоко вздохнула и отстранилась от него:

— Тебе известно, что скоро Австралийская ассоциация кинематографистов будет вручать премии?

Он кивнул:

— Ну да. С час назад Пол рассказал мне о торжественной церемонии.

— И что?

— Я сказал, что подумаю...

Она подбоченилась и долго смотрела на него в упор. Потом вздохнула:

— Мне в самом деле нужно напоминать тебе об условиях контракта? Ты обязан появиться на церемонии ради продвижения «Земли»! — Она буркнула что-то себе под нос; ему показалось, что она высказывается о «капризных актерах».

Он накрыл руку Руби своей рукой:

— Я же не отказался, а просто сказал, что подумаю. Вот и думаю — все зависит от тебя.

— В чем дело? — вскинулась Руби.

Он сжал ее ладонь, но она не ответила. Взгляд ее сделался настороженным, она переминалась с ноги на ногу.

Он широко улыбнулся:

— Приглашая женщину на торжественную церемонию, я жду от нее больше радости!

— Значит, вот оно что! — Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. — Почему?

Не такой реакции он ожидал, когда вдруг решил взять ее с собой. Он совершенно забыл о церемонии, но, как только Пол напомнил о ней, идея показалась замечательной.

— Потому что я хочу, чтобы ты поехала со мной. — Не дожидаясь ответа, он поспешил добавить: — Я хочу, понимаешь, хочу, чтобы нас с тобой видели вместе.

Руби вырвалась, отошла от него, скрестила руки на груди.

— А если я откажусь?

— Почему? — Он ничего не понимал.

Она закатила глаза:

— Не знаю, может быть, потому, что не хочу, чтобы все знали о... — она взмахнула руками, — о том, что между нами происходит!

— А как по-твоему, что между нами происходит?

Она пожала плечами:

— Нам хорошо вместе... какое-то время.

Он покачал головой:

— Как ты можешь? За последние несколько недель я провел с тобой больше времени, чем проводил в жизни с другими женщинами!

Она снова закатила глаза, но он не обратил на нее внимания; кровь в нем закипала от злости. За что она так с ним?

— Я рассказал тебе больше, чем кому бы то ни было. Я раскрылся перед тобой... больше, чем собирался.

Даже с Эстеллой он не был так откровенен.

Она смотрела в окно сквозь крошечную щель между занавесками.

— Тебе нелегко пришлось, — ехидно проговорила она, видимо сдерживаясь из последних сил. — А мне просто повезло оказаться рядом. Я — отвлекающий момент.

— Это просто слова, — возразил он. — Они не имеют никакого смысла... во всяком случае, теперь. После того утра, когда ты влетела ко мне в комнату, готовая на себе тащить меня на съемку.

Руби продолжала, не слушая его:

— В тяжелую минуту невольно доверяешься тому, кто оказался рядом...

— Ты навообразила себе невесть что, — перебил ее он. — И сейчас сама не понимаешь, что говоришь.

— Нет. По-моему, как раз понимаю, — возразила она, отступая еще дальше. — С самого начала все было несерьезным. И таким осталось.

— Руби, сознайся... Ты сама боишься серьезных отношений, поэтому стараешься не думать о том, что творится перед самым твоим носом! Я тоже думал, что серьезные отношения не для меня, но больше не могу притворяться, будто ничего не происходит. И не буду.

Руби покачала головой, по-прежнему избегая его взгляда.

— Неделью назад, на пляже, ты сказала, что тебе никто не нужен. Я тебя понял. Я все понял. Но я не похож на мужчин из твоего прошлого. Я тебя не брошу.

Она развернулась к нему. В ее глазах он заметил грусть.

— Интересно, как у тебя получится?

— Что — не бросить тебя?

Она кивнула:

— Да. Какие у тебя планы после фильма и после церемонии награждения?

Дев замолчал. Он пока не думал о будущем. Твердо знал только одно: Руби нужна ему.

Она растянула губы в улыбке:

— Попробую угадать... Мы вместе поедem к тебе, в Беверли-Хиллз.

— Наверное... — начал он, думая, что в этом что-то есть.

— И я буду там работать?

Дев понимал, что разговор ничем хорошим закончиться не может, но уже ничего не мог изменить.

— Не знаю. Я живу в Голливуде. Поэтому...

— Значит, я должна найти там работу.

Он провел рукой по волосам.

— Руби, черт подери... я пригласил тебя только на церемонию награждения. Вот и все. Не обязательно планировать каждую секунду нашего совместного будущего.

— Ни о чем таком я тебя и не просила, — отрезала Руби. Пройдя мимо него, как мимо пустого места, она распахнула дверь.

Он не мог отпустить ее вот так, поэтому в два прыжка оказался у двери, перегородив ей выход.

— Руби, для меня все, что происходит, тоже в новинку. Сам не знаю, что я делаю! — Он с трудом усмехнулся. — Да, наверное. Но... пока я знаю только одно: с тобой мне хорошо. По-особому хорошо, не так, как со всеми. Я никогда так хорошо себя не чувствовал. Только не говори про моего отца! — Она плотно сжала губы. — Руби, я не могу описать, что я чувствую, но я не готов все бросить. И тебя не отпущу!

Она посмотрела на него в упор. Ее карие глаза стали почти черными.

— А ты постарайся описать, что ты чувствуешь... и почему не можешь меня отпустить, — сказала она так тихо, что ему пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать.

— Постараться... описать? — До него не сразу дошел смысл ее слов.

— Да, — кивнула она. — Опиши, что ты чувствуешь... ради чего ты просишь меня пожертвовать свободой, независимостью, любимой работой, образом жизни, который замечательно мне подходит.

Любовь.

Вот что она имела в виду. Можно ли назвать то, что он чувствует, любовью?

Мысли у него в голове путались; он не мог прийти ни к какому разумному выводу. Он никогда и никому, кроме самых близких родственников, не говорил о любви.

Можно ли полюбить человека, которого знаешь так мало?

В голове всплыли картинки их совместного времяпрепровождения. На пляже, в постели, на съемочной площадке. Они разговаривали, смеялись, любили друг друга.

Он откашлялся.

— Я никогда не просил тебя ничем жертвовать ради меня.

Руби толкнула дверь и, не говоря ни слова, ушла.

А Дев не мог заставить себя произнести слова, способные ее вернуть.

Руби быстро возвращалась к себе, отвечая по пути на вопросы коллег и разбираясь с мелкими неприятностями.

Голос у нее звучал совершенно нормально. Как обычно. Да и с чего ей вести себя иначе?

Она понимала, что у них все дошло до конца.

Их интрижка закончилась.

Интрижка... Вот именно, самое подходящее слово.

Руби впилась ногтями в мякоть ладоней. Нет. Никакая это не любовь.

А ведь она надеялась, что он произнесет это слово. Какая она дура, как заблуждалась! И потом, она должна злиться на него. За то, что он не понимает, как далеко она зашла и как важна — жизненно важна — для нее независимость.

Она ни за что не бросит работу и свою кочевую жизнь. Ни за что... и уж точно ни для кого.

У двери кабинета она остановилась. Внутри переговаривались ее подчиненные. Когда она вошла, они даже не подняли голову. Все привыкли к тому, что она постоянно уходит и приходит.

Все было точно так же, когда она уходила. Как будто Пол не вызывал ее к себе и как будто она не летела к трейлеру Дева, чтобы отчитать его за бестактность.

Там неожиданно все изменилось. Она готова была рискнуть, бросить все, ради чего жила. Затаив дыхание, она ждала, что Дев произнесет важные слова, которые...

Что?

Неужели она надеялась, что они с Девом будут жить долго и счастливо?

Ни в коем случае. Руби давно отказалась от мечты о рыцаре на белом коне, о мужчине, который будет просыпаться рядом с ней по утрам и по-прежнему желать ее — и так будет на следующий день, и еще, и всегда.

Любовь для дураков, для глупой девчонки, какой она была когда-то.

Но не для нее.

Дев затормозил на знакомой дорожке.

Сейчас здесь не так много машин, как в мамин день рождения, но достаточно, чтобы сообразить: он приехал последним. Как всегда... Братья его опередили.

Парадная дверь не была заперта, и он услышал гул голосов и детский смех. Заглянув на кухню, он увидел маму, которая резала салат. С ней стояли оба брата. Они пили пиво и смеялись. Рядом с Брэдом стояла женщина, которую он не узнал, — наверное, подружка. Из коридора в кухню заглядывала жена Джареда; ее Дев узнал по свадебной фотографии, которую мама много лет назад прислала ему по электронной почте. Двое детей носились на трехколесных велосипедах по дорожкам сада, вопя от возбуждения. Он невольно улыбнулся. Но улыбка угасла, когда взрослые замолчали и повернулись к нему.

Он решительно шагнул к маме и поцеловал ее в щеку.

Она снова разволновалась — наверное, боялась, что в последний миг он откажется приехать. Такое бывало, и не раз.

Дев понимал, что виноват. Он не приехал на похороны отца, не отвечал на ее звонки.

Он не мог справиться со своими эмоциями, внушая себе, что маме от него никакого толку, что он лишь создаст больше напряжения, хлопот. Что отец не хотел бы видеть его на своих похоронах. Конечно, он только оправдывал себя.

Он не подумал о маме и тогда, много лет назад... В Австралию он приезжал нечасто, ненадолго и всегда по работе, а не ради того, чтобы повидаться с ней. Теперь он подозревал: все потому, что он хотел совсем отделиться и забыть о своих родных, которые не одобрили его выбор... С самого детства он чувствовал себя чужим в родной семье.

Правда, с девятнадцати лет он не подвергал свои догадки проверке... Во всяком случае, до последнего времени.

Барбекю в воскресенье — дело обычное и, как он надеялся, шаг в нужном направлении.

Хотя братья не выказали особой радости при виде его, говорили они вполне дружелюбно. Саманта, жена Джареда, и Трейси, подружка Брэда, отнеслись к нему куда теплее. Скорее всего, подействовал его статус звезды, хотя обе дамы старались не показывать волнения. Дев невольно улыбнулся. В этой кухне, где его в детстве заставляли есть овощи и загружать посуду в посудомойку, он совсем не чувствовал себя кинозвездой.

Стол накрыли на свежем воздухе. Все с аппетитом поглощали жаренные на гриле креветки, сосиски, стейки, рыбу.

Дев говорил мало, больше слушал, о чем говорят другие.

— Говорят, ты сейчас снимаешься в Новом Южном Уэльсе, — сказала Саманта, поймав его взгляд.

Сидевший рядом с женой Джаред встревоженно покосился на младшего брата.

Дев кивнул:

— Да, в романтической драме... для меня такая роль — нечто новое. — Дев несколько минут описывал Люсивилль, звезд, с которыми он снимался. Неожиданно для себя он признался, что рад поработать на родине.

Джаред немного оттаял. Интересно, чего он боялся? Что младший братец начнет буянить и оскорблять всех присутствующих?

Он понял, что непроизвольно выпятил подбородок, а спина стала прямой и напряженной.

Саманта забрасывала его вопросами о кино и жизни в Голливуде. Дев приказал себе расслабиться. Он не имеет права злиться на Джареда и Брэда.

Братья защищают маму. Они пока не верят, что он изменился. Они боятся, что Дев снова огорчит маму... и подведет их всех.

В семейной мелодраме он наверняка вскочил бы на ноги и произнес монолог. Сказал бы, как он горюет по отцу и жалеет, что зря потерял десять лет жизни. Сегодня он впервые увидел племянника и племянницу. В кино он бы говорил о трагедии, просил его простить. Потом оператор снял бы крупный план: счастливая семья за столом.

Но в жизни так не бывает — во всяком случае, в семье Купер.

Сегодняшний день не подходит для театральных заявлений. Нельзя ждать, что все сразу наладится по мановению волшебной палочки.

И все же он сделал шаг в нужном направлении.

Ему хотелось убрать из отношений напряженность.

Руби первая сказала ему, что он дурак, когда он обмолвился: мол, лучше бы у него вовсе не было родных. Ее слова оказали на него сильное воздействие. Он вспоминал их ночами, когда ворочался без сна. Даже сейчас он слышал ее голос.

«Какая глупость!»

Так прямо, так откровенно. И так похоже на Руби.

Можно сказать, что он сюда приехал благодаря ей.

— Как поживает Руби? — Мама, сидевшая во главе стола, как будто прочитала его мысли.

— Та блондинка, с которой ты был на мамином дне рождения? — уточнил Брэд, и Роз кивнула.

— Она мне понравилась.

— Мне тоже, — неожиданно признался Дев и кашлянул. — Наверное, хорошо. Но на самом деле я не знаю... мы с ней просто коллеги. Она координатор производства.

Хотя еще три дня назад это было правдой, сегодня все резко изменилось. Три дня назад она вихрем ворвалась в его вагончик... Даже сейчас он до конца не понимал, что же тогда произошло и что он сделал и сказал не так. Иногда он злился на нее. Какое она имела право давить на него, заранее ждать плохого... Она сама довела их отношения до той точки, когда нужно думать не только о следующей ночи или следующей неделе.

Но гораздо чаще он злился на себя. Зачем он отпустил ее, зачем не бросился за ней — плевать, если их увидят... Он должен был задержать ее, произнести нужные слова. Он злился, потому что не подумал о ней, не подумал, как отразятся на ней слухи об их романе. Она не может забыть прошлое. Понятно, она не хочет, чтобы о ней перешептывались у нее за спиной. И все, как она считает, ради легкой интрижки.

Интересно, как она отреагировала бы, предложи он ей нечто большее?

То, что их объединяет, не вписывается ни в какие рамки и условия. Ему не хотелось прятать ее и встречаться тайно... А об огласке она и слышать не желала.

И вдруг в их отношения вмешалась любовь. До сих пор он не знал, что это такое, и понятия не имел, как себя вести.

Разговор за столом продолжался, но Дев ничего не слышал.

В самом ли деле любовь возникла неожиданно и потому так потрясла его?

Вначале — да.

Но сейчас уже нет. Пора посмотреть правде в глаза.

Он полностью доверял ей, раскрылся перед ней и потому во время их последнего разговора сказал, что сказал.

Он оказался на незнакомой территории. Он не думал, что способен кого-то полюбить. Такое ему и в голову не приходило.

Сюда, к маме, он приехал благодаря любви. Он только сейчас понял, что мама и братья любят его. И он их любит, хотя раньше не отдавал себе в этом отчета. Он не ценил их чувства, не считался с ними. Может быть, постепенно все удастся вернуть... Не сразу. На все нужно время.

Он приехал сюда потому, что в самые темные минуты, когда казалось, будто ему нечем дышать, когда он страдал от боли одиночества, он мечтал о любви. Он вспоминал отца и близких. Мечтал вернуть их любовь и уважение. Отдалившись от отца, он отдалился от всех, кто его любил. Наверное, они его простили, раз сидят с ним сейчас за столом...

Много лет он внушал себе, что подвел отца, мать и братьев, пойдя не по тому пути, который для него проложили.

Но он ошибался.

Он подвел их потому, что был таким же упрямым, как отец. Он отказался от любви родных, близких... и кого бы то ни было. Он боялся любить... боялся потерять тех, кого любит. Или снова упасть в их глазах.

Понимая, что риск по-прежнему велик, он все равно стремился к любви.

Он зря растратил большой кусок жизни в одиночестве, пусть даже его окружали люди, блеск и глянец его карьеры.

Что ж, хватит!

Без борьбы он Руби не отпустит.

Руби прошлепала к двери в ярко-розовых пушистых носках и пижаме в цветочек. Руки ей согревала кружка с быстрорастворимой лапшой.

Было еще не поздно, еще не было девяти, но день выдался трудным, и диван манил ее сильнее, чем паб и общение с друзьями.

Стоявший за дверью снова постучал, и она чуть приоткрыла дверь.

— Успокойтесь! — сказала она. — Я здесь.

— Могла бы и привыкнуть, — произнес знакомый голос, и Руби замерла на месте. — Барабанить в дверь я научился у тебя. Громко и... требовательно.

Она притворилась, что пропустила его слова мимо ушей.

— Зачем ты пришел? — с деланным равнодушием спросила она. Хотя... Может быть, у него какое-то дело? А если она захлопнет дверь у него перед носом?

Нет. Почему-то рядом с Девом ей все труднее мыслить логически.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, глядя в щель на Руби.

Тусклый шар над дверью светил прямо на него. Свет и тени причудливо сочетались в его лице. Его взгляд был... таким тяжелым, что она ничего не поняла. Наверное, поэтому ей захотелось развернуться и уйти. Рука словно сама по себе сняла цепочку. Она нехотя посторонилась, пропуская его.

Он немного постоял на пороге, как будто собирался с мыслями. Потом решительно вошел в ее крошечную гостиную. Посмотрел на диван, заваленный одеялами, журналами и дисками. Руби что-то буркнула, извиняясь за беспорядок. Он пришел без приглашения, так что потерпит.

— Ну так что? — спросила она, скрещивая руки на груди.

Если Дева и поразила ее грубость, он не показал виду.

— Тебе не придется жить в Беверли-Хиллз, — сказал он. — И работать в Голливуде. Да этого я от тебя и не жду.

Руби встала на пороге.

— По-моему, тебе лучше уйти.

Он удивленно поднял брови:

— Зачем же ты меня впустила? Как по-твоему, зачем еще я к тебе пришел? Чтобы поговорить о фильме? — Он рассмеялся. — Нет. Ты знала, что я пришел поговорить о нас с тобой.

Руби покачала головой, но он не двинулся с места. Стоял и смотрел на нее.

Теперь она могла понять, что означает его взгляд. Искренний, без тени актерского притворства, которое отпало, как только они начали проводить больше времени вместе. Но сейчас ей не хотелось ни о чем думать. Пусть уж лучше остается для нее прежним надменным актером, каким показался ей вначале, капризным и требовательным, привыкшим получать все, что ему хочется, манипулировать людьми.

Как она ни старалась, она не могла убедить себя в том, что это правда.

Она не знала, что сказать, но от двери отошла. Стояла на расстоянии вытянутой руки от Дева.

— Руби!

Она выбрала на стене точку и уставилась на нее — трещина в штукатурке над плечом

Дева.

— Никаких «нас с тобой» нет, — сказала она.

— Но может быть, — возразил он. — Я хочу, чтобы мы были вместе.

— Я ни с кем не вступаю в долгие отношения.

— Я тоже... Забыла?

Опять тот разговор на улице!

— Нам нужно обсудить детали — придумать, как нам чаще бывать вместе. Все получится! Мне все равно, где жить, и вовсе не обязательно сниматься каждый год в миллионе фильмов.

Руби презрительно фыркнула:

— Значит, ты собираешься повсюду ездить за мной и каждый день ждать меня с работы? Какая прелесть!

Он пожал плечами:

— Почему бы и нет? Отдых мне не помешает. Я плотно снимаюсь всю жизнь. А потом... кто знает? Меня всегда интересовало продюсирование. Может быть, удастся запустить несколько проектов. Попробую себя в роли исполнительного продюсера...

Руби заставляла себя ненавидеть его. У него столько денег, что он может выбирать, чем заняться. Нет, не получается.

И потом, место жительства значения не имело. Никакого.

— Нет, — сказала она. — Я не хочу.

Она посмотрела на него в упор, и он понял, что она говорит не о работе.

— Разве? — спросил он и шагнул вперед, оказавшись рядом. Ей только и оставалось, что...

Она снова впилась ногтями в ладони, надеясь, что боль приведет ее в чувство.

— Нет. Мне нравится моя жизнь. И я довольна тем, что есть.

Губы его дернулись, и она невольно вздрогнула.

— Вот теперь упрямись ты.

— Я не упрямлюсь, — прищурилась она. Я...

Он оказался близко, очень близко. Он по-прежнему не прикасался к ней, но нависал над ней, как в тот день, когда они познакомились.

Так нечестно! Он знал, какое действие на нее оказывает, как его близость ослабляет ясность восприятия. Она поняла, что у нее кружится голова, и резко вскинула вверх подбородок. Нет! Так нельзя... Нельзя допустить, чтобы гормоны командовали ею. Она была права. Она правильно поступила, когда ушла от него. Все равно это ничем хорошим не закончилось бы; все не так; ей это не нужно. Ей не нужен Дев; ей не...

— Любовь.

Единственное слово заморозило бешеный вихрь мыслей. Весь мир вокруг Руби словно застыл.

Она машинально открыла рот. Зачем? Чтобы усомниться? Возразить?

Но Дев оказался быстрее.

— Сегодня я все понял, — очень тихо продолжал он. — Ты была права. Любовь — вот то, что нас объединяет. Вот то, что с нами происходит.

— Я не имела в виду любовь. Любовь не для меня.

Не зря Дев обвинил ее в упрямстве. Руби зажмурилась, стараясь собраться с мыслями. Очень хотелось повторить то, в чем она его обвинила: что в его состоянии естественно

видеть то, чего нет... Но она сама себе не верила. И потом, слова ничего не объясняли.

Почему она так набросилась на него в вагончике на съемочной площадке? Она не собиралась говорить того, что сказала... Она ведь понятия не имеет, что такое любовь на самом деле. И в их отношениях нет никакой ясности. И пусть она раскрыла перед Девом душу, она не делала тайны из своего прошлого. Всем известно, что она росла в приемной семье, что в юности ей пришлось нелегко... Ему она открыла и нечто важное. Поделилась своей болью.

Наверное, поэтому она до сих пор не сбежала от него.

Неужели это значит, что она его любит? Что она влюблена в Дева?

Руби открыла глаза. Посмотрела на Дева в упор.

А он любит ее? Судя по тому, как он сейчас на нее смотрит, так и тянет в это поверить. Вообразить, что наконец-то пришло настоящее. Что он — ее сказочный принц, который вот-вот увезет ее вдаль на белом коне.

Прочь от знакомой жизни. К счастливому концу.

Это мечты!

Руби глубоко вздохнула и расправила плечи. С огромным трудом она попятилась назад.

— Любовь не для меня, — повторила она.

Наконец, он кивнул. Сухо и резко.

А потом он ушел, а она осталась одна в своем крошечном номере. Пошла на кухню, включила чайник. Пальцы дрожали совсем чуть-чуть. Она нашла новую кружку, вскрыла пачку растворимой лапши.

Вечер продолжался точно так, как она планировала. Так и должно быть.

Сплит, Хорватия — две недели спустя

Руби шагала по широким, гладким плитам набережной. Справа от нее выстроились в ряд высокие пальмы, слева переливалось на солнце Адриатическое море. Рядом с ней шел... как его зовут? Том? Да, кажется. Парень, с которым они познакомились на пешеходной экскурсии по дворцу Диоклетиана. Экскурсия не произвела на нее особого впечатления. Она не обратила особого внимания и на высокого блондина слегка за тридцать, который теперь шагал с ней рядом.

Она чисто рефлекторно приняла его приглашение поесть вместе мороженого и выпить кофе. Ей нужно было двигаться — отвлечься. Иногда она соглашалась на свидания со случайными знакомыми, и все всегда проходило одинаково. На курорте все переносится легче. Главное — сознание того, что это временно. Никаких надежд, никаких ожиданий.

В руке у нее таяло мороженое. Ветер взбивал пену на волнах. Она дрожала, несмотря на теплое осеннее солнце.

Том говорил о том, чем он занимается у себя на родине, в Канаде.

— Извини, — сказала Руби, перебивая его на середине фразы. — Зря я согласилась пойти с тобой. Ты... — Что бы сказать? Она еще не совсем оправилась после развода? Нет, не так. Это слишком... мелко. — Ты меня не интересуешь, — закончила она.

Естественно, Тому такой оборот дела совсем не понравился. Перед тем как уйти, он отнял у нее мороженое и выкинул его, вместе со своим, в урну.

Руби стало слегка не по себе, но, кроме того, она ощутила облегчение. Не самая лучшая минута в жизни, но и притворяться не было сил.

Она жалела, что решила перед началом съемок в Лондоне отдохнуть в Сплите. Здесь невозможно по-настоящему отвлечься. Она поняла, что не в состоянии расслабиться, настроиться на будущее и... забыть Дева.

Она смотрела на море невидящим взглядом. Потом развернулась и зашагала к домику в конце набережной. Там, на третьем этаже, она сняла квартирку. Пора отсюда уезжать. Не нужно было отдыхать в одиночестве. Она поедет в Лондон, к Карли. Карли умеет замечательно занимать своих гостей. Несколько вечеров с ней — и Дев, и «Земля» останутся далекими воспоминаниями...

Она поступила совершенно правильно.

Для себя.

Дев ей не нужен. До того как она с ним познакомилась, она была совершенно счастлива. Ей не нужно, чтобы Дев усложнял ей жизнь, давал ей что-то, чего она не может достичь сама. Ее жизнь полна, замечательна и прекрасна. Ей не нужен ни постоянный партнер, ни муж.

Она возненавидела бы себя, если бы позволила себе поверить во что-то другое!

На набережной было почти пусто — сезон уже закончился. Немногочисленные туристы гуляли парами или группами.

«Жаль, что здесь нет Дева».

Мысль появилась словно ниоткуда, и Руби зашагала быстрее, как будто надеялась убежать от предательского подсознания.

Странно, что она все время представляет его рядом с собой. Как в самолете, когда один фильм оказался таким ужасным, что она уже открыла рот, собираясь перечислить соседу все недостатки, и вдруг сообразила, что рядом с ней не Дев, а какой-то незнакомец.

Или когда она проснулась в замечательной квартирке в Сплите, когда солнце лилось сквозь тонкие занавески на кровать. Она повернулась и привычно собралась обнять лежащего рядом мужчину. Но рядом с ней никого не было. Пора все это прекращать! Никогда, ни разу в жизни она так не скучала ни по одному мужчине. Она привыкла к Деву... и напрасно.

Руби отперла металлическую калитку и стала подниматься вверх по каменным ступенькам. У ее квартиры был отдельный вход.

Доставая ключи из сумочки, она поняла, что пальцы у нее еще липкие от мороженого.

«Жалко... вкусное было мороженое».

Она невольно улыбнулась, заметив, что перед глазами все расплывается. Неужели она плачет? Нет, не может быть...

В ванной она тщательно вымыла руки и посмотрелась в зеркало. Ну и вид! Лицо в красных пятнах... Наверное, именно так должна выглядеть женщина, которая только что отказалась от своей большой любви. И понятия не имеет, что делать дальше.

Обтекаемая, низкая машина остановилась в конце красной ковровой дорожки.

Было еще светло; самое начало вечера. Дев с трудом удержался, чтобы не вздохнуть, — торжественные церемонии начинались рано, а заканчивались ужасно поздно. Сейчас ему хотелось бы быть где угодно, только не здесь.

Снаружи временные металлические ограждения сдерживали толпы фанатов, но он уже слышал, как они скандируют его имя. Вокруг останавливались другие машины. Женщины в платьях всех цветов радуги поднимались к роскошному отелю «Дарлинг-Харбор». Их

партнеры, одетые неизменно в черное, вызывали лишь легкие аплодисменты.

Стоило каждой паре пройти лишь несколько метров, и их окружали репортеры и ведущие. Дев много раз присутствовал на таких церемониях. Он знал, кто дизайнер его костюма, знал, что и когда сказать, когда радостно улыбнуться, если фанат просит сфотографироваться вместе.

Он справится.

Грейм развернулся на водительском сиденье и посмотрел на Дева. Дев пригласил его с собой в Сидней. Он отлично водит машину; к тому же до сих пор никому не проболтался об их отношениях с Руби. В мире кино такая сдержанность дорогого стоит.

— Ну как, готовы? — спросил Грейм.

Дев покачал головой, но Грейм уже вылезал из машины.

— Я сейчас, — буркнул Дев. Как будто лишняя минута позволит ему пережить следующие томительные часы!

И потом, он в состоянии и сам открыть дверцу.

Но было уже поздно. Он расправил плечи, смахнул воображаемую пылинку с безукоризненно сшитого дорогого костюма. Сказал себе: он выдержит, справится.

Вдруг открылась задняя дверца с другой стороны. Дев удивился.

— Грейм, я ведь здесь... — начал он, но слова застряли у него в горле, когда на кожаное сиденье рядом с ним скользнула женщина, и Грейм плотно захлопнул за ней дверцу.

Руби!

— Привет! — очень тихо сказала она. На ней было длинное платье рубинового цвета, тоном темнее, чем ковровая дорожка. Подобрала в цвет имени? Платье безупречно облегалось ее фигуру во всех нужных местах. Светлые волосы были идеально гладкими, макияж безупречен, губы — разумеется, рубиново-красные. Настоящий голливудский шик!

— Привет, — с трудом ответил он, хотя ему пришлось сосредоточиться.

Руби мимолетно улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

Она часто дышала и теребила пальцами рукав платья.

— Мне казалось, если я останусь с тобой, если признаюсь, как ты мне нужен... — она глубоко вздохнула, — я потеряю саму себя. — Дев кивнул, понимая, что отвечать не стоит. — Раньше я путала секс с близостью и решила, что больше такой ошибки не повторю. Зато я впала в другую крайность... перепутала настоящую близость и секс. Решила, что нас с тобой почти ничто не объединяет. А поняла все совсем недавно.

Ему захотелось обнять ее, прижать к себе, но он понимал: рано. Надо дать ей выговориться.

— Я старалась не обращать внимания на свои чувства. Внушала себе, что ты волнуешь меня не больше остальных... Я нарочно отдалялась от тебя, старалась не думать о том, как тебе больно... Потому что тогда пришлось бы признаться, что мне тоже больно. За тебя... Я ведь по-прежнему не понимаю, что такое любовь! — Она отвернулась, но всего на миг. — Не знаю, как распознать ее, как... отличить от простого влечения или дурацкой влюбленности. Но когда я уехала, убежала от тебя... легче мне не стало. Внутри ничего не изменилось. То, что я чувствую к тебе, разрушило все, что было раньше!

Заметив, что Руби улыбается, Дев невольно улыбнулся в ответ.

— Знаешь, меня это совершенно не интересует. — Она кивнула в сторону красной ковровой дорожки. Операторы не сводили взглядов с затемненных стекол машины. — Хочу сказать, что ты дорог мне не потому, что ты звезда... Даже если бы ты был простым

реквизитором или сценаристом... или даже вообще не работал в кино, я относилась бы к тебе так же.

— Я к тебе тоже, — ответил он. — Раньше я думал, что мне лучше одному. Так было проще... и привычнее.

— Мне тоже, — согласилась она и рассмеялась. — Менять курс очень опасно!

— А если все-таки окажется, что в одиночку мне лучше? И если у нас ничего не получится?

Руби кивнула, расширив глаза от удивления:

— Вот именно! Мне очень страшно.

Дев пожал плечами:

— Я решил, что игра стоит свеч.

Так оно и было. Даже когда она отказалась от него и ему пришлось очень паршиво. Но... даже когда речь шла о его сердце... он не раскрылся перед ней до конца. Оставалось кое-что, в чем он тогда ей не признался.

— Я люблю тебя, Руби Белл!

Быстро, как молния, она ответила:

— Я тоже люблю тебя, Девлин Купер!

Потом они долго сидели и улыбались друг другу.

Вспышка камеры у нее за спиной ненадолго отвлекла его, вернула в реальность — в его реальность.

— Руби, а как же папарацци? Сплетни, слухи? Учти, рядом со мной ты окажешься в центре внимания!

Она пожала плечами:

— Раньше я думала, что мне придется что-то доказывать сплетникам — доказывать, что они правы или, наоборот, не правы. Ты приехал на съемки, окруженный ореолом слухов, но держался совершенно спокойно. Ты ничего не отрицал. Просто оставался собой... — Она порывисто схватила его за руку. — Пусть говорят что хотят обо мне, о тебе, о нас... я-то знаю правду. Мы оба знаем. И я решила, что остальное не важно. Я хозяйка своей жизни, а больше никто.

Он невольно залюбовался ею. Она просто чудо! Ему казалось, что он влюбился в нее уже давно, а сейчас ради нее готов был даже прыгнуть в пропасть.

— Руби, ты хочешь пройти со мной по красной дорожке?

Она кивнула. Он распахнул дверцу навстречу вспышкам и подал ей руку.

Она выставила золотистую «шпильку» на красную дорожку. Он нагнулся к ней и прошептал:

— Ты знаешь, что у нас все серьезно? По всем параметрам. «Они жили долго и счастливо», как в кино.

— Нет, — ответила она так решительно, что он застыл. Потом увидел, как она смотрит на него снизу вверх. — Не как в кино... и не как в сказках.

Она взяла его за руку и вылезла из машины.

Они стояли рядом, бок о бок. Перед ними лежала красная ковровая дорожка, вопили фанаты, камеры их слепили. Но он видел только Руби, ощущал только ее теплую руку в своей руке, видел ее взгляд, направленный на него. Она дарила ему свою любовь — и себя.

Он знал, что и сам смотрит на нее точно так же.

— У нас все не как в кино, а как в жизни, — сказала она.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.